

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 12(38)*

Горловка
2021

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В., к. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор)

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 11 от 30.06.2021)*

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 12(38). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – 268 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021

УДК 81'246.3

РИФМОВКИ-ПОДХВАТЫ КАК МУЛЬТИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ

В современном информационно насыщенном обществе, характеризующемся цифровизацией всех сфер жизни, художественное творчество также претерпевает стадию трансформации и модернизации. Интернет является доступным, удобным, мобильным пространством не только для размещения и хранения информации, но и для литературных экспериментов. Глобальная сеть, креативная по своей природе, предоставляет пользователям неисчерпаемые возможности для творчества. Поскольку интернет ориентирован, прежде всего, на визуализацию информации, то и новые литературные формы, порождаемые им, задействуют, в первую очередь, зрительный канал восприятия. Фиксируем на сегодняшний день значительное количество новых литературных (прежде всего, поэтических) жанров гетерогенного характера (визуальная поэзия, видеопэзия, стихограммы, листовертень, панторифма, лингвобелены, стихотворения-коллажи, стихотворения-лабиринты и т. п.). Особое место среди этих жанров занимают рифмовки-подхваты, широко представленные в различных сетевых тематических сообществах. Такие произведения, безусловно, являются мультикодовыми текстами.

Цель предложенной статьи – проанализировать специфику реализации категории мультикодowości в рифмовках-подхватах.

Исследования мультикодowości в различных её проявлениях – популярное в последние годы направление лингвистических студий, что обусловлено стремительным увеличением количества текстов, сочетающих в себе компоненты различных семиотических систем. Предметом изучения языковедов, как отмечает И. А. Шипова, всё чаще становятся не только исключительно языковые феномены, но и знаки иной природы (жесты, мимика, рисунки, метаграфические средства и проч.) [6]. Основным признаком мультикодовых (гибридных, поликодовых, креолизованных, гетерогенных) текстов считаем «множественность кодов, реализованных в них» [1, с. 64], а также возможность осуществлять межкодовые переходы предметного, логического, вербального, визуального и образного характера. Мультикодowości пронизывает всю человеческую коммуникацию, поскольку является проявлением её интермедийного характера. Как известно, в разные периоды истории совершенно разных народов

текст зачастую создавался и воспринимался как единство словесной составляющей с компонентами других знаковых систем (ср.: культы, гадание, современная реклама и проч.). Визуализация информации в мультикодовом тексте удобна и эффективна в плане воздействия на реципиента, поскольку «время, потраченное на восприятие и осознание информации в изображении, мало в сравнении со временем прочтения той же информации в текстовом изложении» [5, с. 83], а значит, «атака» на сознание и чувства адресата будет стремительной и мощной.

Современная сетевая поэзия весьма разнообразна: от незамысловатых стишков (к примеру, так называемых «филашек») до вычурных по форме и содержанию произведений (скажем, лингвобеленов Вилли Мельникова). В большинстве таких стихотворений вербальная составляющая органично соединяется с визуальной. Таким образом, сетевая поэзия во многом схожа с визуальной поэзией, широко известной ещё с эпохи барокко. Этот вид художественного творчества многогранен и «не имеет однозначной трактовки, поскольку находится на стыке поэзии, графики, живописи, фотографии и ряда других искусств» [5, с. 83], благодаря чему воспринимается нелинейно и характеризуется дополнительной семантизацией.

Интернет-коммуникация на сегодняшний день практически полностью переместилась в социальные сети, в которых люди знакомятся, влюбляются, учатся, работают, дискутируют, путешествуют и, конечно же, «творят» (в том числе как литераторы, умелые и не очень). Размещая посты в различных сетевых сообществах, авторы вынуждены следовать их стилистике и адаптироваться к определённой аудитории. Так, в последние годы активно развиваются малые сетевые жанровые формы (депрессяшки, пирожки, экспромты и др.). Особое место среди них занимают рифмовки-подхваты (термин Ю. В. Бартош [3; 4]).

Мультикодовые тексты, в которых естественным образом связаны элементы разных семиотических систем (а именно таковыми являются рифмовки-подхваты), прочно закрепляются в культуре (в данном случае – сетевой), поскольку обогащают

Из самой преисподней, наружу,
Из смердящего плотно пожара
Дьявол прибыл купить мою душу,
Но увы,

**Клешня поникла. Кончен бой.
Забята будет эта дата,
Когда, пожертвовав собой,
Отважный**

каждую из систем новыми, не присущими им ранее чертами, ставшими необходимыми на данном этапе развития общества.

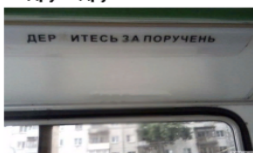
Рифмовки-подхваты представляют собой сплав стихотворения и фотографии юмористического характера. Они привлекают внимание необычностью формы (здесь и далее примеры из сообщества «ВКонтакте» «РИФМАЧ» – <https://vk.com/refmac>):

Изображения и стихотворные строки, соединяемые в рифмовках-подхватах, полностью погружают читателя в создаваемую атмосферу (читатель «видит» описываемую ситуацию, становясь также в некотором роде «зрителем», будто смотрит короткометражный фильм). Читатель, как утверждает Ю. В. Бартош, «участвует в создании произведения..., уточняя авторский замысел, предлагая свой вариант понимания темы и идеи» [2, с. 117] (так, воспринимая второй из приведённых выше примеров, каждый реципиент представляет по-своему, каким же образом пал краб). Перед нами предстаёт коммуникативное единство, в котором созданная автором действительность тесно переплетается с её интерпретацией читателем.

Мультикодовая природа рифмовок-подхватов предполагает максимально близкое расположение вербального и визуального компонентов и одновременное их восприятие. В этом, на наш взгляд, принципиальное отличие рассматриваемого жанра от фотопоззии (см., например, творчество Лидии Григорьевой, у которой фотография и текст расположены рядом, но не сливаются в единое произведение, что, безусловно, снижает степень их эмоционального воздействия на адресата). Рифмовки-подхваты обладают чрезвычайно прочной связью между компонентами: целостный образ полностью разрушается, если их разделить (стихотворение становится незаконченным, а фотография воспринимается просто как фиксация фрагмента окружающей действительности). Таким образом, у рифмовок-подхватов немало общих черт именно с визуальной поэзией.

Целесообразно выделять следующие релевантные признаки рифмовок-подхватов: они характеризуются юмористической направленностью, являются преимущественно анонимными,

Хватит стоять в маршрутке,
Как глупые вялые овощи!
Оттопчите соседние ноги,
И друг с другом

Иллюзия выбора. Выборы - бред!
Смысл идти мне на них, каков?
Приходишь туда, а тебе предлагают

не привязаны к конкретному размеру, количество строк колеблется от двух до восьми, последняя из которых не прописана, а «подставлена» в виде фотографии. Именно изображение определяет содержание и форму стихотворения.

Анализ фактического материала позволяет разделить рифмовки-подхваты на две большие группы:

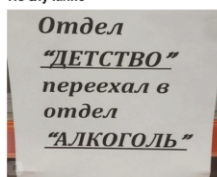
1. Произведения, построенные на ошибке, содержащейся в исходной фотографии:

2. Рифмовки-подхваты, в которых юмористический контекст создаётся для обычной фразы, изображённой на фото:

Станьте люди веганами
Убивать животных - быть трусом
У нас нет сочной говядины
Зато картошка

Лишь одно эффективное средство
Заглушает взросления боль...
Не случайно

Среди рифмовок-подхватов второй группы зафиксированы аллюзии к известным художественным произведениям:

Я Блоку верил двадцать с лишним лет,
Но ничего как встарь не повторилось.
Нет улицы, осмыслен яркий свет,
Фонарь разбит,

Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что, несмотря на всю простоту рифмовок-подхватов, их авторы достаточно образованные, начитанные люди. Подтверждением этого предположения служит и нетривиальное чувство юмора, которое они демонстрируют.

Таким образом, рифмовки-подхваты представляют собой уникальный жанр современной сетевой поэзии, главным признаком которого является мультикодовость. Эта текстовая категория реализуется в рассматриваемых произведениях благодаря нестандартному и очень тесному слиянию визуального и вербального компонентов. При этом изображение, хоть и располагается в конце

рифмовки, является доминирующим элементом (детерминирует содержание и форму стихотворения). Читатель воспринимает произведение целиком, благодаря чему в его сознании происходит своеобразное «наложение» двух элементов, в результате этого рождается новый смысл. Исследование сетевой поэзии в целом и рифмовок-подхватов в частности видится весьма перспективным направлением лингвистических студий, поскольку этот жанр только начал активно развиваться, он динамичен и отвечает запросам современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балко, М. В. Специфика реализации категории мультикодовости в русской визуальной поэзии начала XX века / М. В. Балко // *Культура в фокусе научных парадигм* / науч. ред. Кравченко О. А., Каика Н. Е. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 63–69.
2. Бартош, Ю. В. Сетевая поэзия как общение особого рода: «автор-текст-читатель-текст» / Ю. В. Бартош // *Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXIII(70) Регионал. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов.* – Витебск : Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. – С. 116–118.
3. Бартош, Ю. В. Формирование новых жанров в современной сетевой поэзии / Ю. В. Бартош // *Учёные записки ОУ ВГУ им. П. М. Машерова.* – 2018. – Т. 26. – С. 161–165
4. Бартош, Ю. В. Язык сетевой поэзии: жанровая специфика, языковая игра : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / Ю. В. Бартош. – Минск, 2019. – 26 с.
5. Слуцкая, К. А. Роль графической образности вербального компонента визуальной поэзии в её семантизации / К. А. Слуцкая // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение.* – 2014. – № 23(352). – С. 83–87.
6. Шипова, И. А. К вопросу о мультикодовости художественного текста / И. А. Шипова // *Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное обозрение.* – 2012. – № 2(5). – С. 43–49.

АННОТАЦИЯ

Балко М. В. Рифмовки-подхваты как мультикодовые тексты

Статья продолжает цикл публикаций автора, посвящённых категории мультикодовости и её реализации в произведениях разных стилей и жанров. Рассмотрены ключевые особенности

мультикодовых текстов. Подробно проанализирован уникальный жанр современной сетевой поэзии – рифмовки-подхваты: названы его релевантные признаки, выделены группы, охарактеризована специфика соединения в таких произведениях вербального и визуального компонентов.

Ключевые слова: мультикодовость, мультикодовый текст, семиотические системы, сетевая поэзия, рифмовки-подхваты.

SUMMARY

Balko M. V. Pick-up rhymes as multi-code texts

The article continues the author's series of publications devoted to the multi-code category and its implementation in works of different styles and genres. The key features of multi-code texts are considered. A unique genre of modern network poetry – pick-up rhymes is analysed in detail: its relevant features are named, groups are highlighted, the specificity of the combination of verbal and visual components in such works is characterised.

Key words: multi-code, multi-code text, semiotic systems, network poetry, pick-up rhymes.

*И. А. Герасименко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367

РОЛЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ИДИОСТИЛЕ С. ЕСЕНИНА

Художественная картина мира, опосредованная языком и индивидуально-авторским концептуальным видением действительности, объективируется с помощью разных вербальных средств. В их числе цветообозначения (ЦО), к которым относятся имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет* / *цвета*. Изучению ЦО посвящено достаточно большое количество работ, среди которых исследования в антропоцентрическом (А. П. Василевич) и национально-культурном аспектах (А. Вежбицкая, С. И. Григорук), что вызвано пониманием языка как модели культуры. Однако, несмотря на наличие работ, посвящённых описанию материала различных текстов, присущих ЦО значений, состав и полисемантизм единиц, отображающих «цветовые» знания в поэзии С. Есенина, недостаточно изучены.

Цель работы – рассмотреть набор и семантическое наполнение лексем, с помощью которых С. Есенин объективирует цвет.

Традиционно ЦО считаются достаточно компактной и легко выделяемой группой лексических единиц. По последним данным, в ЦО русского языка входят около 1300 общеупотребительных, диалектных и архаичных слов, зафиксированных в словарях и авторитетных литературных контекстах. К ним принадлежат лексемы (1) с основной цветовой номинацией (*белый, чёрный, красный, синий, зелёный, серый, седой, сивый, сизый, голубой, жёлтый, румяный, русый, рыжий, багряный, алый, смуглый* и др.); (2) с производной цветовой номинацией (*золотой, серебряный, розовый, овсяный* и др.); (3) описательные конструкции с компонентом цвет (*красный цвет, серый цвет, кумачовый цвет* и др.); (4) сложные слова (*жёлто-русый, тёмно-голубой, ярко-золотой, сине-хмурый, розово-смадный, красногивый* и др.).

Поэзию С. Есенина отличает последовательное и частотное использование общеупотребительных лексем (1) с основной цветовой номинацией, в числе которых слова *белый, красный, синий, зелёный, серый, голубой, рыжий* и др. Ср.: *Клён ты мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь нагнувшись, под метелью белой?* [26, с. 497]; *На рассвете он завтра промчится, / Шапку-месяц пригнув под кустом, / И игриво взмахнёт кобылица / Над равниною красным хвостом* [26, с. 487]; *В саду горит костёр рябины красной, / Но никого не может он согреть* [26, с. 491]; *В синих далах плоскогорий, / В лентах облаков / Собирает святой Егорий / Белых волков* [8, с. 393]; *Побегу по мятой стежке / На приволь зелёных лех* (где лехи – это ‘полевые полосы’) [26, с. 485]. *Слышны звоны / Под копытом на снегу. / Только серые вороны / Расшумелись на луку* [21, с. 448]; *О всех ушедших грезит коноплянник / С широким месяцем над голубым прудом* [26, с. 491]; *Воспою я тебя и гостя, / Нашу печь, петуха и кров... / И на песни мои прольётся / Молоко твоих рыжих коров* [26, с. 487]; *Ах, и сам я в чаще звонкой / Увидал вчера в тумане: / Рыжий месяц жеребёнком / Запрягался в наши сани* [21, с. 472]; *Не бродить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа* [26, с. 485]; *Я иду долиной. На затылке кепи. / В лайковой перчатке смуглая рука* [26, с. 494]; *Конь мой – мощь моя и крепь. / Слышу я, как ржёт он жалобно, / Закусив золотую цепь. / Вижу, как он бьётся, мечется, / Тербя тугой аркан. / И летит с него, как с месяца, / Шерсть буланая в туман* [21, с. 473]). Безусловно, в этих и других примерах выделенные адъективы вербализуют семантику закреплённого за ними цвета.

С. Есенин слова с основной цветовой номинацией (1), обладающие широкими сочетаемостными возможностями,

использует с разными «контекстуальными партнёрами» [11, с. 238]. Например, прилагательное *белый* автор задействует для описания цвета одежды и окружающей природы. Ср.: *Белая свитка и алый кушак, / Рву я по грядкам зардевшийся мак* [21, с. 468]; *Хороша ты, о белая гладь! / Греет кровь мою лёгкий мороз* [26, с. 487]; *Я вернусь, когда раскинет ветви / По-весеннему наш белый сад* [26, с. 489]; *А за окном под метельные всхлипы, / В диком и шумном метельном чаду, / Кажется мне – осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду* [26, с. 496]. Причем С. Есенин допускает различные альтернативы общеупотребительных ЦО. Так, при описании вечернего времени суток и ночного неба автор использует как слово *синий*, так и лексему *зелёный*. Ср.: *И вновь вернусь я в отчий дом, / Чужою радостью утешусь, / В зелёный вечер под окном / На рукаве своём повешусь* [21, с. 460]; *Пусть порой мне шепчет синий вечер, / Что была ты песня и мечта* [21, с. 461]; *И тебе в вечернем синем мраке / Часто видится одно и то же: Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож* [26, с. 489]. Фактически прилагательные *зелёный* и *синий* С. Есенин употребляет для характеристики одних и тех же денотатов. Показательным является и то, что С. Есенин использует ЦО *синий* в контекстах, где логичнее употребить слово *зелёный*: *Там, в полях, за синей гущей лога, / В зелени озёр, / Пролегла несчастная дорога / До сибирских гор* [21, с. 458]; *Усадьбе ночью, чингисхань! / Шумите, синие берёзы* [21, с. 459]. Безусловно, выбор ЦО определяется как восприятием цвета в различных условиях и состояниях, его тоном, яркостью и насыщенностью, так и изначальным синкретизмом слов, произошедших, возможно, из общего источника. Не случайно существуют утверждения историков искусства и лингвистов о том, что «люди в старину путали глубокий синий цвет с зелёным и чёрным цветом» [22, с. 404], что в современном узбекском, осетинском, якутском языках до сих пор значения ‘синий’ и ‘зелёный’ передаются одним словом, что «зелёный и синий цвет до того часто смешиваются, что обозначение их в хроматической терминологии через одно и то же слово в языках некультурных (термин автора. – И. Г.) можно почти считать нормальным явлением» [29, с. 44] (ср.: ирл. *glass* ‘зелёный’, ‘серый’, ‘синий’ [20, с. 112]; осетинск. *zach* ‘зелёный’, ‘синий’ [29, с. 45]; оджийск. *bibri* ‘зелёный’, а «дополняющее его *bibiri* означает не только тёмный, но также синий цвет» [29, с. 36]; юрак-самоед. слово *paderaha*, кроме значения ‘синий’, имеет «значение ‘зелёный’» [29, с. 27]).

С. Есенин последовательно прибегает к взаимозаменяемости ЦО. Это имеет место и при описании блеска звёзд. Так, слово

синий С. Есенин контекстуально синонимизирует с лексемами голубой, золотой, ясный в следующих примерах: *Вечер синюю свечкой звезду / Над дорогой моей засветил* [21, с. 473]; *Сердцу снится душистый горошек, / И звенит голубая звезда* [8, с. 104]; *Звёздами золотые копытца / Скатятся, взбродив ночь* [8, с. 163]; *Звёздочки ясные, звёзды высокие! / Что вы храните в себе, что скрываете?* [8, с. 367]. В рамках данных контекстов слова синий, голубой, золотой, ясный поэт использует как семантически близкие адъективы, находящиеся в области обозначения светлых цветов.

Уникальность «цветописи» С. Есенина проявляется и в использовании широкого состава значений полисемантических лексем с основной цветовой номинацией (1). Так, слово *белый* автор задействует не только для передачи собственно белого цвета, но и для актуализации символа божественной святости, что реализовано в следующем примере: *Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой полночью / Моего увёл коня* [21, с. 473]). Здесь сочетание *белый ангел* передаёт закреплённое в русской лингвокультуре сакральное значение ‘святый’.

ЦО *белый* актуализирует у С. Есенина и духовную чистоту. Данное слово как ‘светлый’ и ‘чистый’ использовано в следующем примере: *Яблоневым цветом брызжется душа моя белая, / В синее пламя ветер глаза раздул* [8, с. 257]. Такое понимание выражения *белая душа* восходит к народнопоэтической традиции. Ср.: *Смотрят: цвет от гречишки чистый да белый: ровно как душа её была перед Богом чистая да белая* [14, с. 57]. По мнению С. И. Григорук, «восприятие белого цвета как физически чистого переносится и на представление о духовной чистоте, непорочности, безгрешности» [6, с. 173]. Сочетание *белая душа*, имея положительную коннотацию, осмысливается как ‘безгрешный’ и является типологически отмеченным, так как представлено «во многих мировых культурах» [6, с. 173]. Универсальные смыслы определённых сочетаний, в числе которых и *белая душа*, актуализированы и в поэзии русского мастера слова С. Есенина.

Между тем, в поэзии С. Есенина слово *белый* не всегда соотносится со значениями ‘белый’, ‘святый’, ‘светлый’, ‘чистый’. В данное ЦО автор вкладывает и другие смыслы. В частности, с помощью адъектива *белый* С. Есенин вербализует негативные созначения. Такая смысловая наполняемость реализовалась при характеристике погребального обряда. Ср.: *Траурные косы тучи разметали, / В пряди тонких локонов впуталась луна. / В трепетном мерцанье, в белом покрывале /*

Девушка, как призрак, плачет у окна [21, с. 455]); *Ты увидишь из окошка белый саван мой, / И сожмётся твоё сердце от тоски немой* [8, с. 408]. Вполне очевидно, что *белый*, будучи «неразделим с идеей абсолютного покоя, эквивалент которым – смерть» [12, с. 174], ассоциируется у С. Есенина с загробным миром (*белые* одежды и саван покойника), выступает цветом забвения и печали (по данным [23, с. 26] слово *белый* входит в ассоциативный ряд с лексемами *смерть*, *саван*).

Материал исследования показывает, что для отображения цвета в художественной картине мира С. Есенина используются (2) лексемы с производной цветовой номинацией (*золотой*, *серебряный*, *розовый*, *овсяный* и др.). Так, адъектив *золотой* как ‘жёлтый’ употребляется автором для передачи цвета природы. Ср.: *Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком* [26, с. 491]; *И стоит берёза / В сонной тишине, / И горят снежинки / В золотом огне* [21, с. 447]). В свою очередь, прилагательное *серебряный* служит для актуализации значения ‘цветомилиблеском напминающий серебро’ в буквальных или образных описаниях окружающего пространства. Ср.: *А рядом, у проталинки, / В траве между корней / Бежит, струится маленький / Серебряный ручей* [21, с. 455]); *А кругом роса жемчужная / Отливала блёстки алые, / И над озером серебряным / Камыши, склонясь, шептались* [8, с. 386]; *Улыбнулись сонные берёзки, / Растрепали шёлковые косы. / Шелестят зелёные серёжки, / И горят серебряные росы* [21, с. 448]). То же относится и к лексемам *розовый*, *овсяный* с производной цветовой номинацией ‘бледно-красный’ и ‘светло-жёлтый’ соответственно, которые передают спектральную семантику в следующих примерах: *На закат ты розовый похожа / И, как снег, лучиста и светла* [26, с. 485]; *Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда* [26, с. 485].

К средствам выражения цвета, которые использует С. Есенин, принадлежат (3) описательные конструкции с компонентом *цвет* (*красный цвет*, *серый цвет*, *кумачовый цвет* и др.). Ср.: *Цветы сражались друг с другом, / И красный цвет был всех бойчей* [8, с. 455]; *Тех волос золотое сено / Превращается в серый цвет* [8, с. 78]; *Бродит тень Петра, / Грозно хмуруется / На кумачовый цвет / В наших улицах* [8, с. 324]. Данные примеры являются очередной иллюстрацией того, что автор оперирует широким составом слов и сочетаний для выражения идеи цвета, для передачи спектральной палитры всего, что его окружает.

Поэтические тексты С. Есенина как элитарного представителя русской лингвокультуры также представлены (4) сложными ЦО,

состоящими из (а) двух цветооснов (*желто-русый*), (б) цветоосновы и выражающей тон и насыщенность цвета основы в препозиции (*тёмно-голубой, ярко-золотой*) и постпозиции (*сине-хмурый, розово-смадный*), (в) цветоосновы и выражающей элементы внешности, части тела и предметы основы (*рыжеволосый, красногривый*). Например: *Как по мостику, кудряв и желторус, / Бродит отрок, сын Иосифа, Исус* [8, с. 434]; *Загорелась зорька красная / В небе тёмно-голубом* [8, с. 369]; *Лучи ярко-золотые / Осветили землю вокруг* [8, с. 369]; *Тихий вечер. Вечер сине-хмурый. / Я смотрю широкими глазами. / В Персии такие ж точно куры, / Как у нас в соломенной Рязани* [8, с. 464]; *Свобода взметнулась неистово, / И в розово-смадном огне / Тогда над странюю калифствовал / Керенский на белом коне* [8, с. 340]; *А может, в Рязани, / Жил мальчик / В простой крестьянской семье, / Рыжеволосый, / С голубыми глазами...* [8, с. 361]; *Тонкие ноги закидывая к голове, / Скачет красногривый жеребёнок* [8, с. 173]. Сложные слова с цветоосновами представлены в идиостиле С. Есенина широким списком лексем. Образование таких структур вызвано богатыми лексическими ресурсами и потенциальными возможностями словообразовательных средств русского языка. Как пишет А. П. Василевич, использование таких лексем говорит о беспрецедентном «по интенсивности процесса вхождения в языковой обиход новых терминов» [3, с. 30].

С. Есенин – уникальная языковая личность, использующая не только ЦО как компоненты свободных структур, но и как составляющие устойчивых оборотов и народнопоэтических выражений. В числе таких сочетаний исходные и переконструированные фразеологизмы. Ср.: употребление идиомы *зелёное (зелено) вино* [27, с. 74] в строках *Вы не пейте зелена вина, / не губите сметку русскую* [8, с. 229], где слово с основой *зелен-* актуализирует смысл ‘хмельной’. На наш взгляд, в этом и подобных примерах спорно трактовать зелёное вино как молодое и незрелое, что типично для традиционной лингвистики. Видимо, выражение *зелёное вино* вербализует напиток из злаков, из зелья в первичном значении, то есть, водку (вспомним, что в старославянское слово *зеліе* – это не ‘зелье, снадобье’, а ‘растение’; ср.: *Егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть* ‘а когда вырастет, оно [горчичное зерно] выше всех растений’ – Евангелие от Матфея 13,32; В. И. Даль пишет: «Зелие, зелье <...>, злак, трава, растение; сорные травы и семена в хлебе...» [7 (1), с. 676]).

Другой пример – *Пусть не сладилась, пусть не сбылись / Эти помыслы розовых дней* [9 (2), с. 130]. Выделенная синтагма семантически коррелирует с фразеологизмом *видеть в розовом свете (цвете)* ‘видеть только хорошее’ [13, с. 104; 157] и *передаёт*

ярко выраженные положительные коннотации ‘ничем не омрачённый’, ‘заключающий в себе только приятное, радостное’ [24 (3), с. 728]. Отсылка к устойчивым выражениям представлена и в авторском *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а вовсе зелёным* [26, с. 497] (ср. семантику адектива с корнем *зелен-* в паремиях *Молодо-зелено, погулять велено* [7 (2), с. 81]; *Молодо – зелено, да молодо – честно* [18, с. 183]). Как видим, С. Есенина наделяет лексему *зелёный* восходящими к русской фразеологии оценочными лингвокультурными смыслами ‘молодой’, ‘неопытный’, ‘легкомысленный’, ‘глупый’. Наличие в поэзии С. Есенина таких структурно-семантических трансформов фразеологизмов иллюстрирует лингвокреативное мышление автора.

Знаковым является есенинское *Белая берёза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром* [9 (1), с. 78]. Выступая символом русской природы, образ белой берёзы восходит к народнопоэтической традиции. Ср., как строки С. Есенина коррелируют с фрагментом лирической народнопоэтической любовной песни: *Не во далечем-далече, во чистом поле, / Что ещё того подале во раздолье, / Стоит-то постоит белая берёзонька...* [19, с. 112]. Отсылка одного текста к другому («интертекстуальная связь» [10, с. 14]) здесь прослеживается на уровне заимствования как собственно образа берёзы, являющегося «символом России» [16, с. 40], так и «сюжетного положения» [10, с. 22] (ср.: *И стоит берёза* и *Стоит-то постоит белая берёзонька*). Употребление данного выражения в поэзии С. Есенина, опора на интертекст вполне объяснимы. Как пишет А. К. Жолковский, «в начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово» [10, с. 17].

Для С. Есенина Россия предстаёт не только в образе белой берёзы, но и в синем и голубом цвете. Ср.: *Разве ты не хочешь, персиянка, / Увидать далёкий синий край?* [26, с. 492]; *Несказанное, синее, нежное, / Тих мой край после бурь, после гроз, / И душа моя – поле безбрежное – / Дышит запахом мёда и роз* [26, с. 493]; *Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит старой матери грусть* [26, с. 488] (ср. авторский образ полевой России: *Полевая Россия! Довольно / Волочиться сохой по полям! / Нищету твою видеть больно / И берёзам и тополям* [26, с. 494]). Как пишет О. М. Буркова, у С. Есенина синий цвет «является олицетворением бескрайних русских просторов, где-то на горизонте сливающихся с необъятной синью неба» [2, с. 16].

К народнопоэтическим выражениям, используемым С. Есениным, также принадлежат синтагмы *чёрные кудри, красное лето, красный звон* и др. Сочетание *чёрные кудри* актуализирует

красоту положительного героя, его избранность и позитивную отмеченность, *красное лето* передаёт смысл ‘хорошее’, ‘полезное’, *красный звон* понимается как ‘праздничный’, ‘почётный’. Ср. семантические корреляции данных сочетаний в следующих авторских и народнопоэтических примерах: *Я смотрел из окошка на синий платок, / Кудри чёрные змейно трепал ветерок* [8, с. 12] и *Да хватал он матушку за чёрны кудри, / Да и вызнял он её выше могучих плеч* [1, с. 174]; *И глазам голубым / Славлю / Красное / Лето* [8, с. 145] и *Где-то, где-то красно лето, / Где-то шарфик голубой?* [28, с. 534]; *Уж ты, мать моя, голубица, / Сбереги ты ус на божнице; / Окропи его красным звоном, / Положи его под икону!* [8, с. 136] и *Хлеба-соли покушать, красному звону матушки Москвы послушать* [17 (2), с. 22]. Преемственность семантики ЦО в авторской и народнопоэтической речи отражает незыблемые и характерные черты русской лингвоментальности, основанные на мифических (образных) представлениях его носителей, иллюстрирует ориентацию художественной речи на народнопоэтическую традицию, на присутствие в языке художественной литературы национально-культурной семантики ЦО, на реализацию принципа интертекстуальности. Эти черты пронизывают поэзию С. Есенина, его цветовосприятие.

С. Есенин как элитарная языковая личность прибегает к использованию слов с основной и производной цветовой номинацией в составе метафорических сочетаний и сравнительных оборотов. Ср.: *Зеленоокая, / В юбчонке белой / Стоит берёза над прудом* [8, с. 220]; *Липким запахом веет полынь. / Спит черёмуха в белой накидке* [8, с. 91]; *Заколдован невидимкой, / Дремлет лес под сказку сна. / Словно белою косынкой / Повязалась сосна* [8, с. 390]; *Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдёт, как с белых яблонь дым* [26, с. 488]; *Гаснут красные крылья заката, / Тихо дремлют в тумане плетни. / Не тоскуй, моя белая хата, / Что опять мы одни и одни* [21, с. 475]); *До сегодня ещё мне снится / Наши поле, луга и лес, / Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес* [8, с. 88]; *Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой ночью / Моего увёл коня* [21, с. 473]); *С алым соком ягоды на коже, / Нежная, красивая, была* [26, с. 485]; *Я в твоих глазах увидел море, / Полыхающее голубым огнём* [26, с. 492]; *Золотую лягушкой луна / распласталась на тихой воде. / Словно яблонный цвет, седина / У отца пролилась в бороде* [26, с. 488]; *Дрожат их головы над тихой водой, / И ловит месяц их серебряной уздой* [8, с. 37]. В этих примерах ЦО входят в состав авторских образных выражений, употребление которых создаёт неповторимость, уникальность есенинского поэтического слова, иллюстрируют его лингвокреативность.

С. Есенин употребляет в поэтических текстах ЦО для описания других (нецветовых) ощущений. В результате явление одной модальности одновременно воспринимается и оценивается в категориях другой сенсорной системы. В частности, при описании воздуха, ветра, тишины задействуются “цветовые” слова (в данном случае – лексемы *синий, серебряный, седой*): *Воздух прозрачный и синий, / Выйду в цветочные чащи / Путник, в лазурь уходящий, / Ты не дойдёшь до пустыни* [8, с. 324]; *Жить нужно легче, жить нужно проще, / Всё принимая, что есть на свете. / Вот почему, обалдев, над рощей / Свищет ветер, серебряный ветер* [8, с. 123]; *А ночь черна, черна! / И пыжится бедою / Седая тишина* [21, с. 478]). Общеизвестно, что сущностное свойство синестезии «по психологической своей природе определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление цветовых ассоциаций на сигналы, поступающие от всех органов чувств» [4, с. 11]. В результате, свойства воздуха, ветра, тишины в сознании говорящих приобретают цвет. Можно полагать, что в этих и подобных примерах в образы синего воздуха, серебряного ветра, серой тишины вложены не столько понятия конкретного «газообразного вещества, составляющего атмосферу Земли» [15, с. 79], «потока воздуха в горизонтальном положении» [15, с. 66] или отсутствия звука, сколько обобщённое представление о «свободном пространстве, простирающемся над землёй» [24 (1), с. 199]. Поэтому С. Есенин как носитель русской лингвокультуры в сочетании *синий воздух, серебряный ветер* вкладывает значения, близкие к ‘светлый’, ‘прозрачный’, а в синтагму *седая тишина* смысл ‘беззвучный’. Такие сочетания могут приобретать и «переносное употребление» [25, с. 141], в них, «отрываясь от реальных предметных связей, название цвета делается в высшей степени условным и отвлечённым. Сочетаясь с сущестительными, не обладающими цветовым признаком, эпитет-ЦО теряет вещественный смысл и не конкретизируется в зрительном образе» [5, с. 22].

Итак, в поэзии С. Есенина при выборе ЦО реализовались речевые предпочтения автора, особенности его языка, которые делают личность С. Есенина узнаваемой и знаковой. Отмеченные факты указывают на то, что поэтическая речь С. Есенина, его художественное слово требуют детального изучения, основанного на привлечении фактов всех уровней языка и на анализе разных групп ЦО, что станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
2. Буркова О. М. Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии Сергея Есенина и её переводах на белорусский язык / О. М. Буркова // *Linguamobilliss.* – № 2(28). – 2011. – С. 12-17.
3. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
4. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С. А. Есенина и Н. М. Рубцова) : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. С. Выродова. – Белгород, 2008. – 22 с.
5. Грановская Л. М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII-XX вв.: автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. М. Грановская. – М., 1964. – 24 с.
6. Григорук С. И. Концепт белого цвета в русской поэзии серебряного века / С. И. Григорук // *Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна.* – № 631. *Філологія.* – Вип. 41. – Х., 2004. – С. 172–176.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 1981. – 699 с.; Т. 2. – 1981. – 779 с.
8. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М. : Альфа-книга, 2010. – 719 с.
9. Есенин С. А. Собр. соч. [в 5-ти т.] / С. А. Есенин. – М. : Худож. лит., 1966. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы (1910 – октябрь 1917). – 1966. – 415 с.; Т. 2 : Стихотворения. Драматические поэмы (октябрь 1917–1923). – 1966. – 328 с.
10. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. – М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 428 с.
11. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : НОВА КНИГА, 2006. – 512 с.
12. Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // *Проблема цвета в психологии* / Отв. ред. Н. Н. Корж, А. А. Митькин. – М. : Наука, 1993. – С. 172–188.

13. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое : опыт русской фразеологии : [в 2-х т.] / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Академии Наук, 1903. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
14. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М. : Русская книга, 1992. – 608 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стер.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
16. Пелевина Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) / Н. Ф. Пелевина // Семантика слова в диахронии : межвуз. темат. сб. науч. тр. / [редкол. : Р. В. Алимбиева и др.] / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 1987. – С. 35–42.
17. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : [в 3 т.]. – М. : Русская книга, 2000. – Т. 2. – 2000. – 704 с.
18. Русские пословицы и поговорки ; под ред. В. Аникина; предисл. В. Аникина; [сост. Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В.]. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
19. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
20. Рябова Н. Ф. Пути образования и развития цветообозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel- и *ghel- в английском, латышском и русском языках) / Н. Ф. Рябова // Инновации на разных языковых уровнях : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. Я. Орловский. – Рига : Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, 1978. – С. 111–120.
21. Серебряный век русской поэзии : сборник / [сост., авт. коммент. Панченко И. Г., Скуратовский Л. В. ; авт. предисл. Скуратовский В. Л.]. – К. : Дніпро, 1991. – 639 с.
22. Серов Н. В. Античный хроматизм / Н. В. Серов. – СПб. : Лисс, 1995. – 475 с.
23. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792 с.
24. Словарь русского языка : [в 4-х т.]; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 1 : А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 750 с. (АН СССР; Ин-т рус. яз.).
25. Суровцова М. А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке / М. А. Суровцова // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 8. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – С. 136–155.
26. Три века русской поэзии / Сост. Н. В. Банников. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1986. – 750 с.

27. Фразеологический словарь русского литературного языка / [сост. А. И. Федоров]. – М. : ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
28. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.
29. Шерцль В. И. Названия цветов. Символизм цветов / В. И. Шерцль // Филологические записки. – Вып. II–III. – 1884. – Воронеж. – С. 1–70.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И. А. Роль цветообозначений в идиостиле С. Есенина

Работа посвящена анализу цветообозначений, используемых в поэтических текстах С. Есенина. Цветообозначения в идиостиле С. Есенина отображают речевые предпочтения автора и характеризуют автора как уникальную языковую личность. Используемые художественные средства отличаются богатством и разнообразием семантических оттенков, что делают идиостиль С. Есенина узнаваемым.

Ключевые слова: цветообозначение, идиостиль, лингвокультурный, поэтический текст.

SUMMARY

Gerasymenko I. A. The role of colour namings in the individual style of S. Yesenin

The work is dedicated to the analysis of the colour namings used in the poetic texts of S. Yesenin. The colour namings in the individual style of S. Yesenin reflect the speech preferences of the author and characterise him as a unique linguistic personality. Those used artistic devices are notable for luxuriance and variety of semantic contrasts that make the individual style of S. Yesenin recognisable.

Key words: colournaming, individual style, linguistic and cultural, poetic text.

О. В. Шаталова
(г. Елец, РФ)

УДК 81-25

ЕЩЕ РАЗ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ НА ВОЛНЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Заимствование – культурно-языковой процесс, естественность которого является давно признанным фактом гуманитарной науки. Социально-исторические и социально-психологические факторы, определяющие взаимодействие различных народов, языков и культур, свидетельствуют об объективности вхождения части иноязычных слов в повседневный речевой обиход и / или в какую-либо ограниченную профессиональную сферу коммуникации. В истории русского языка подобные формы заимствования встречались на разных исторических этапах, примеры в этих случаях носят азбучный характер. Так, в эпоху Петра I укрепились в массовом употреблении *вокзал, парк, фейерверк*, в качестве морских терминов обосновались *бот, бриг, мичман, фут, шхуна*. В середине XX века русский язык вполне толерантно принял *диафильм, бикини, джинсы, рок-н-ролл*. Тогда как в политическую терминологию вошли *демпинг, лобби, стандарт* (позднее перешедшие в разряд общеупотребительных).

Самыми важным параметром заимствования и закрепления иноязычных слов в русском языке на протяжении веков оставалась семантико-понятийная новизна в соотношении с объективной необходимостью включения того или иного слова в активный словарь, благодаря чему сформировался разряд экзотизмов.

Не менее существенную роль играла грамматическая адаптация как требование соотношения иноязычного неологизма с категориями принимающего языка. В качестве примеров можно вспомнить канонический переход латинизмов *аквариум, террариум, радиус* из слов среднего рода в состав лексем мужского рода, тогда как грецизмы *тема, схема, система* в русском языке стали употребляться по грамматическому образцу слов женского рода и т.д.

Также в зависимости от языка-источника, от сферы использования соблюдался принцип стилистической дифференциации. Естественно, что термины обогащали соответственно сферу научного, профессионального и официально-делового общения. Хотя в то же время в разговорной речи и даже в просторечии иноязычные вкрапления занимали свою позицию: *лодырь* появился в русском языке благодаря

искажению немецкого слова, морская *рында* – порождение англоязычного «ringthebell», а слова «детского» языка: *каля-маля*, оценочный фразеологизм *как курица лапой* – результат языковой игры с латинским языком (*calato male* – «написано плохо»), *surento calato* – «беглым пером, небрежно»). При этом недопустимо было использование иностранных слов разной стилистической окраски в текстах одного стиля.

Однако в конце XX – начале XXI вв. в связи с изменением социально-политических, культурных и нравственных ориентиров произошла коррекция условий заимствования: идеи глобализации и нивелирования культурных границ существенно искажают представление о межъязыковых отношениях и формируют, прежде всего в рамках разговорной речи, зону смешанных языковых форм. При этом соблюдение исходных принципов заимствования не считается обязательным.

Во-первых, нарушается принцип семантической обусловленности: иноязычные слова стали использоваться наряду с имеющимися русскоязычными или ранее заимствованными словами, постепенно вытесняя последние из массового употребления. Так, паркинг, клининг, лук вытеснили *стоянку*, *уборку* и *вид*, вероятно, в силу «непрестижности» русскоязычных слов. Можно объяснять подобное влиянием моды, традиционным для русской массовой культуры «чужебесием», с которым пытались бороться еще А.С. Грибоедов и Н.В. Гоголь (не говоря уже о более радикально настроенных славянофилах), и надеяться на безболезненное в целом для языка протекание процесса и постепенное уменьшение активности данного явления.

Тем более, что часть заимствований – и объективно необходимых для обозначения новых реалий современной действительности, и существующих в контексте интенций глобализации – вполне последовательно принимают условия русской грамматической системы, подчиняясь принципам, например, склонения: *фрилансер*, *спойлер*, *блокбастер*, *ноутбук*, *пиллинг*, *лифтинг*, *ремейк* и др. достаточно корректно включились в систему 2 склонения, при этом обозначая явления, не имеющие полных аналогов в русском языке. И попытка заменить *пиллинг* *чисткой* или *лифтинг* *разглаживанием* выглядит отсылкой к пресловутому «хорошилищу в мокроступах»... То же можно сказать и о несклоняемых *селфи*, *смужи*, *мюсли*, появление и использование которых в современном русском языке соотносимо с *безе*, *желе* и *тюре*, обосновавшихся в кулинарной терминологии XVIII-XIX вв.

Однако настороженность (пуризм в мягкой коммуникативной форме) вызывает тот факт, что увеличение количества

иноязычных лексем, которые в целом являются избыточными для современного русского языка, подкрепляется грамматико-синтаксическим дисбалансом.

Так, вторым негативным аспектом современного процесса заимствования является, на наш взгляд, как раз нарушение грамматических условий. В этом отношении можно выделить несколько тенденций:

- невозможность четкой / однозначной частеречной квалификации общеупотребительных понятий, например, таких как: *онлайн*, *оффлайн*. Это влечет за собой некорректность построения высказываний в целом или (что, на наш взгляд, еще более существенно) желание говорящего упростить синтаксическую схему высказывания до минимума. Например: «*Встреча пройдет оффлайн*» или «*Я сегодня онлайн*». И если в первом случае можно предположить, что «оффлайн» – это качественная характеристика процесса (нарекание, соотносимое по фонетическому облику и грамматической ориентированности с наречиями типа *наискосок*, *назубок*, *напрочь* и др.), то во втором «онлайн» явно претендует на роль предикатива, при этом семантически соотносясь с категорией состояния, что по каноническим правилам русской грамматики не допускает сочетания с действующим субъектом в форме именительного падежа («я»), тем более, указывающим на одушевленное лицо. Нередко использование слова *онлайн* и в позиции атрибутивного компонента: *онлайн-трансляция*, *онлайн-конференция*, *онлайн-концерт*... В подобных словоформах морфологическая квалификация анализируемого компонента еще более затруднена: либо его можно воспринимать как несклоняемое прилагательное либо как иноязычный префиксоид. Но в первом случае возникают вопросы к правописанию, а во втором – к тому, с префиксоидами какого типа: корневого (*премьер-министр*, *пресс-атташе*) или приставочного (*гиперактивность*, *макроэкономика*) онлайн можно соотнести для определения правописания;

- использование иноязычных словосочетаний в качестве номинативной единицы без полной грамматической и / или орфографической адаптации, например, *фэшин-лук*, *флешмоб*. Недостаточно последовательно в подобных формах выявляется тенденция семантического и грамматического перехода: если *флешмоб* используется как цельное существительное для обозначения мероприятия определенного типа, то *фэшин-лук*, скорее, представляет из себя обозначение сложного понятия, возможно, даже с компонентом оценочности (ср.: *гололед*, *горихвостка*, *вертишейка* и пр.). Но орфографически, точнее, графически оформляются данные (и подобные им) слова по-

разному, то есть смысловое содержание определяется носителями языка нечетко, а письменный облик слова формируется в интернет-контенте произвольно – в силу недолговременной традиции.

Третье направление, если можно так выразиться, иноязычной экспансии в современном русском языке – словообразовательное. Как известно, способность формировать словообразовательные связи в рамках устоявшейся грамматической системы есть признак адаптации слова, его принятия как носителями, так и собственно структурой языка. Данный критерий применялся как к заимствованиям, так и к аббревиатурным неологизмам: достаточно вспомнить канонические примеры типа *пионер*, образовавшее *пионерский*, *пионерия*, *пионерство* и утвердившееся в русском языке с отличающейся от англоязычной семантикой, или *вуз*, получившее возможность квалификации по 2 типу склонения мужского рода в связи с развитием словообразовательного гнезда за счет *вузовский*, *вузовец*. При этом, подчеркнем, словообразование становилось порождением, следствием утверждения слова в языке.

Сегодня же огромное количество заимствованных лексем, часто жаргонных и / или ограниченных профессиональной средой, используются как корневые морфемы для образования грамматически русскоязычных слов: *залогиниться*, *зачекиниться*, *гуглить* / *загуглить*, *фолловить* / *анфолловить* / *расфолловить*, *лайкнуть* / *отлайкать* / *пролайкать* / *залайкать* / *лайкарь*, *репостнуть* / *репостить* / *перепостить* и др. Не делая акцент на неблагозвучии подобных слов (принимая условия вкусового многообразия) или несоответствии принципам сингармонизма, необходимо все же отметить факт разрушения цельной семантики слова, поскольку корневой элемент носителями языка воспринимается исключительно как знак, символ определенной процедуры, реализующейся в рамках интернет-контента, он не осознается как отдельное слово со своим значением, как понятие. Элементарный лингвистический эксперимент подтверждает подобное восприятие: 98% опрошенных студентов и школьников старших классов (социальная группа, наиболее активно использующая перечисленные слова) не могут подобрать синонимы к данным словам или дать толкование без демонстрации обозначенных процедур посредством средств электронной коммуникации. В то же время именно активность использования традиционных словообразовательных моделей «...-и-ть», «за-...-и-ть», «от-...а-ть» и др. свидетельствует о перманентном бытовании данных русскоязычных словообразовательных моделей в сознании и речевой практике носителей. На наш взгляд, обозначенное положение как психолингвистический феномен – свидетельство

негативного влияния англо-американского коммуникативного контента на русский язык и на особенности мышления говорящей личности.

Необходимо сказать о том, что в современной коммуникативной среде, в том числе в научно-исследовательском обсуждении проблем заимствований в современный русский язык из английского языка и / или взаимодействия различных языков: русского, немецкого, французского – с английским, регулярно обосновывается тезис о «статусности» заимствованных лексем, об их приоритетности перед аутентичными (для того или иного языка) понятиями и прагматической необходимости их использования в речи для наиболее продуктивной социально-политической и профессиональной реализации. Иными словами, утверждается лозунг: «Хочешь быть успешным – употребляй как можно больше иноязычных слов в публичной речи». При этом неприятие подобного подхода часто оценивается как коммуникативный консерватизм, неумение переключать коммуникативные регистры. Однако почему-то предполагается, что коммуникативная адаптивность имеет исключительно одностороннюю направленность: в сторону приспособления к Интернет-жargonу. Тогда как для сторонников «современного речевого контента» ориентация на канонический научный или официально-деловой стиль не считается необходимым условием коммуникативной презентабельности. На наш взгляд, подобный процесс нивелирования стилистических границ значительно сужает спектр не только речевых, но и в целом интеллектуально-культурных возможностей развития личности. (Хотя, заметим, в то же время подобный тезис регулярно обыгрывается в качестве объекта для культурной критики в комедийных шоу).

Таким образом, на наш взгляд, каким бы ретроградным это ни представлялось, наиболее опасными для русского языка тенденциями являются сегодня «словообразовательная экспансия» и «стилистическая толерантность». Необходимо комплексное применение социально-культурных и образовательно-просветительских мер, чтобы «первично диагностированные болезни переходного периода» не стали нормативными особенностями русского языка.

АННОТАЦИЯ

Шаталова О. В. Еще раз о заимствованиях на волне словообразовательной экспансии и стилистической толерантности

На основе историко-соотнесительного анализа особенностей процесса заимствования в статье делается попытка обозначить основные негативные аспекты использования англоязычной

лексики в современном русском языке: нарушение принципов семантической обусловленности, грамматической корректности и стилистической дифференцированности. Вводятся понятия словообразовательной экспансии и стилистической толерантности для обозначения факторов, способствующих необъективной актуализации англицизов.

Ключевые слова: русский язык, заимствование, семантика, грамматика, стилистика, словообразование.

SUMMARY

Shatalova O. V. Once again about borrowing on the wave of word-formation expansion and stylistic tolerance

Based on the historical and correlative analysis of the peculiarities of the borrowing process, the article attempts to identify the main negative aspects of the use of English-language vocabulary in modern Russian: violation of the principles of semantic conditionality, grammatical correctness and stylistic differentiation. The concepts of word formation expansion and stylistic tolerance are introduced to denote the factors contributing to the biased actualization of English words.

Key words: the Russian language, borrowing, semantics, grammar, stylistics, word formation.

*Т. С. Винникова-Закутняя
(г. Макеевка, ДНР)*

УДК 81'367.6–161.1

ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Среди тенденций развития русского языка, с одной стороны, доминирует устойчивость, с другой, происходит непрерывный процесс изменений. Динамичность находит отражение во многих языковых явлениях, в том числе в переходе слов из одной части речи в другую.

Поскольку части речи не являются замкнутыми группами слов и пребывают в постоянном взаимодействии, отдельные единицы могут переходить из одного класса в другой в условиях развития грамматического строя. Внутренние семантические и функциональные изменения обусловлены утратой исходных грамматических признаков и приобретением новых.

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении процессов перехода частей речи в русском языке на уровне

научной проблемы. Актуальность работы обусловлена тем, что без учета переходных явлений достаточно сложно решить вопрос о дифференциации имеющихся в языке классов слов как частей речи.

Процессы перехода слов из одной части речи в другую в русском языке по-разному истолкованы в научных изысканиях российских лингвистов, поскольку являются достаточно многогранными и охватывают ряд лексико-грамматических особенностей функционирования языка: номинацию, семантическую структуру слова, особенности изменения в его лексическом значении, категориальные преобразования, разграничение синхронии и диахронии при переходе и т.д. В.Я. Кузнецов отмечает, что разноплановость взаимодействия языковых процессов позволяет объяснять переход частей речи по-разному, например, как проблемы перехода и переходности, взаимоперехода частей речи, процессов грамматической омонимии, транспозиции, конверсии, деривации, взаимодействия между частями речи, трансформации, функциональной трансориентации, контаминации и т. п. Все упомянутые процессы являются взаимосвязанными, но не тождественными. Рассмотрим некоторые из них как научную проблему на примере изучения взглядов ученых относительно явлений переходности, омонимии и транспозиции.

Изучение транспозиции частей речи в русском языке началось с анализа конкретных фактов переходаслов из одного разряда в другой и так называемого описания случаев “замены частей речи” (термин А.М. Пешковского).

Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Г.П. Павский, А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, Ф.И. Буслаев, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, А.С. Бедняков, М.Ф. Лукин, В.В. Бабайцева, М.В. Резунова и др. ученые трактуют обретение отдельными словами определённой части речи семантико-синтаксических признаков, свойственных другой части речи, как явление перехода [1, с. 320].

Таким образом, мы можем говорить о переходности как о лингвистическом явлении, обусловленном склонностью языковых единиц к лексическому и грамматическому преобразованию. Многогранность явлений переходности позволяет проводить их исследование на лексическом, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном и других языковых уровнях [2; 3; 12; 15].

Направления, в которых изучают переходность среди частей речи:

1) диахронная трансформация (в исследованиях В.Н. Мигирина отмечено, что слово полностью переходит из одной части речи в другую, при этом сохраняет звуковую и графическую

форму, но теряет признаки исходной части речи и приобретает дифференциальные показатели новой части речи) [15];

2) гибридность, контаминация (Е.Н. Сидоренко акцентирует внимание на том, что в одном слове сочетаются определенные признаки двух частей речи) [17].

Работы Г.В. Дагурова позволяют сделать вывод о том, что ученые выделяют ряд лингвистических причин явлений переходности, среди которых:

- 1) многоаспектность единиц языка;
- 2) отсутствие имеющихся конструкций для выражения мысли;
- 3) стремление к экономии языковых средств;
- 4) необходимость в дифференциации смысловых связей и отношений [7, с. 2].

Исследуя переходность среди частей речи, В.М. Никитевич, Г.В. Дагуров, А.Е. Супрун, А.Ф. Гайнутдинова и др. выделяют проблему так называемого взаимоперехода частей речи. Такая позиция нашла отражение в «Грамматике-60» [6]. Например, Г.В. Дагуров называет взаимопереход частей речи общим законом, присущим языку [7], а М.Ф. Лукин убежден, что у переходности не может быть обратной силы, по причине того, что не наблюдается ни возвращения трансформ в начальную часть речи, ни обратной трансформации [13, с. 32]. Л.В. Бортэ также считает, что “взаимопереход частей речи вряд ли возможен” и приводит такие примеры: существительное → наречие; прилагательное → наречие, существительное; причастие → прилагательное, деепричастие → наречие и т.д., но не наоборот [4, с. 100]. Однако исследования И.С. Улуханова посвящены именно взаимонаправленной деривационной транспозиции [18].

В работе В.В. Виноградова [5] сделан акцент на морфологическом строении слова (ранее переходность не связывали с морфологическим строением), что послужило своего рода обоснованием для использования термина омонимия (*грамматическая омонимия*) [8, с. 42; 10, с. 11–12]. Л.А. Булаховский впервые отметил омонимы, принадлежащие к разным частям речи, а В.В. Виноградов обозначил их как грамматические, немного позднее как лексико-морфологические. Приведем в качестве примеров иные названия: морфологические омонимы (в работах Р.А. Будагова); лексико-грамматические омонимы (в работах А.И. Смирницкого); транспозиционные омонимы (в работах О.М. Ким); функциональные омонимы (в работах О.С. Ахмановой). Омонимами между частями речи учёные считают “слова или их отдельные грамматические формы (омоформы), которые, сохраняя семантические связи на уровне лексических значений (поскольку это однокоренные

слова), приобрели грамматико-категориальные значения” [18]. Определение статуса части речи большинства подобных слов вызывает определенные сложности, обусловленные целым рядом причин. Перечислим основные:

1) отсутствие единых критериев выделения омонимов между частями речи при переходе слов из одного лексико-грамматического класса в другой;

2) протекание неоднозначного для слова процесса изменения набора лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков, присущих ему до процесса перехода;

3) приобретение словом семантико-грамматических свойств той части речи, в которую состоялся переход.

К основным направлениям решения проблемы грамматической омонимии в современной лингвистике относятся следующие:

1) *упрощение* (выделяют лексические омонимы и другие, но при этом отсутствует терминологическое разграничение разнородных типов);

2) *детализация* (выделяют различные группы омонимов, при этом используют для их обозначения осложнённые термины: например, О.М. Ким выделяет шестнадцать типов омонимов: функционально-грамматические, сугубо функциональные омонимы, словообразовательно-функционально-грамматические омонимы и т.д. [11];

3) *оптимизация* предусматривает нахождение консенсуса между тенденциями первого и второго направления.

По утверждению Л. В. Бортэ, система из семи групп омонимов, в которой использованы простые термины, а также разграничены разнородные явления, является результатом оптимизации, сторонники которой различают *грамматические омонимы* (слова разных частей речи, тождественные по написанию и произношению, но разные по лексическим значениям) и *функциональные омонимы* (в отличие от грамматических омонимов, связанные этимологически) [4].

Европейские языковеды являются основоположниками исследования транспозиции как возможности перевода знака из одной категории в другую: Шарль Балли ввел в научное применение термин *транспозиция* и выступил автором концепции функциональной транспозиции; О. Есперсен, Л. Теньер,

А. Сеше, А. Фрей, использовали термин *трансляция*; Е. Курилович считал, что дифференциации типов межчастеречных переходов транспозиции соответствует синтаксическая деривация и ввел термин *деривация*.

В русском языке на современном этапе транспозицию истолковывают неоднозначно. В широком понимании это любое

переносное употребление языковой формы (например, переход предложения по цели высказывания из повествовательного в побудительное); также данный термин применяется для обозначения метафорического и др. переноса значения слов. В узком смысле транспозиция представляет собой переход слова из одной части речи в другую или же его использование в функции другой части речи [8, с. 42].

В словообразовании транспозиция находит отражение в отношениях между образующей и производной основами слова, которые имеют одинаковое понятийное ядро, но при этом различаются как части речи. Например, глаголы и качественные прилагательные, претерпевая транспозицию, предусматривают создание абстрактных существительных (*рисовать* – *рисование*; *юный* – *юность*, *скупой* – *скупость*), для прилагательных являются транспозитивными производные от них качественные наречия (*радостный* – *радостно*), для существительных таковыми являются относительные прилагательные (*дерево* – *деревянный*) и т.д. В словообразовательном аспекте транспозиция охватывает “случаи неморфологического морфолого-синтаксического способа словообразования как перехода из одной части речи в другую без изменений слова”. Такой комментарий дают европейские лингвисты, к ним присоединяются и некоторые российские ученые (Л.А. Новиков, В.В. Лопатин, Т. В. Лыкова, Ю.Н. Гребенева и др.).

В морфологии транспозиция представляет собой использование одной грамматической формы в значении другой в пределах лишь одной парадигмы. Например, имена существительные могут претерпевать транспозицию числа; местоимения – транспозицию лица, числа; качественные имена прилагательные и наречия – транспозицию степеней сравнения; глаголы – транспозицию лица, числа, времени; и т.д. Применение описанного подхода находим в научных изысканиях Е.И. Шендельс, М.Г. Меркуловой, Е.Н. Ремчуковой, Л.С. Фоминых и др. [14; 16].

В синтаксисе транспозиция также находит отражение. Речь идет о применении частей речи в функции неморфологизированных членов предложения, которое можно проиллюстрировать, например, использованием инфинитива в функции подлежащего. Функционирование одного коммуникативного типа предложения в значении другого может быть продемонстрировано на примере употребления вопросительного предложения в значении повествовательного. В синтаксическом аспекте транспозицию исследует В.Н. Мигирин [15].

Опираясь на иной подход в исследовании транспозиции, И.С. Улуханов выделяет две степени данного явления:

1) неполную (или синтаксическую) транспозицию, результатом которой является изменение синтаксической функции исходной единицы без изменения морфологической принадлежности к соответствующей части речи;

2) полную (или морфологическую) транспозицию, инструментом которой являются аффиксация и конверсия, а результатом – образование слова иной части речи.

Конкретные разновидности транспозиции, функции транспозиции как языкового явления, транспозиционный потенциал отдельных частей речи, связи между транспозицией и смежными явлениями, в том числе разграничение омонимии и полисемии на уровне лексем исследуются в современной лингвистике как научные проблемы. Некоторые учёные, например, Е.Н. Сидоренко, рассматривают переходность частей речи (транспозицию, грамматическую омонимию и т. п.) как смежные явления [17].

Мы разделяем мнение С.Г. Ильенко, которая считает, “как бы разнообразно в общетеоретическом плане не трактовали явление переходности, наиболее целесообразно его рассматривать как самостоятельное лингвистическое явление, которое имеет свою специфику, свой объект изучения и свою проблематику” [9, с. 24]. Отметим также, что на данном этапе переходные явления необходимо исследовать в ключе новейших проблем, выявления общих и конкретных закономерностей на уровне частей речи, определения статуса промежуточных образований, унифицированного представления функциональных омонимов и гибридных слов в лексикографической практике и т. д.

Разночтения в работах лингвистов, посвященных процессам перехода слов из одной части речи в другую, позволяют сделать вывод о том, что в российском языкознании на современном этапе нет единого общепринятого терминологического аппарата для обозначения переходных явлений, в связи с чем возникает задача необходимости его совершенствования, определяющая перспективность продолжения нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бабайцева, В.В. Переходные конструкции в синтаксисе (конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных предложений) [Текст] / В.В. Бабайцева. – Воронеж, 1967. – 392 с.
3. Бардина, Т.К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке:

- дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Т.К. Бардина. – Волгоград, 2003. – 194 с.
4. Бортэ, Л.В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке [Текст] / Л.В. Бортэ. – Кишинёв: Штиинца, 1977. – 108 с.
 5. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
 6. Грамматика русского языка. [Текст] – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.
 7. Дагуров, Ф.В. Особенности употребления местоимений в речи // Русский язык в школе. – 1958. – № 6. – С. 49-57.
 8. Дьячук, И.В. Проблема транспозиции на уровне частей речи [Текст] / И.В. Дьячук // Развитие частей речи в истории русского языка: межвуз. сб. науч. трудов. – Рига: Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 42–47.
 9. Ильенко, С.Г. Явления грамматической переходности и их отражение при обучении русскому языку (на примере субстантивации имен прилагательных) [Текст] / С.Г. Ильенко // Семантика переходности: сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. – С. 23–30. удов. – Рига: Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 42–47.
 10. Калечиц, Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи [Текст] / Е. П. Калечиц. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 160 с.
 11. Ким, О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке [Текст] / О. М. Ким. – Ташкент: Фан, 1978. – 227 с.
 12. Кодухов, В.И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие [Текст] / В. И. Кодухов // Семантика переходности: сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. – С. 5–16.
 13. Лукин, М.Ф. Переход слов из одной части речи в другую и их трансформационные причинно-следственные связи в современном русском литературном языке [Текст] / М.Ф. Лукин // Проблемы словообразования русского и украинского языков. – Киев–Донецк, 1976. – С. 5–33.
 14. Меркулова, М.Г. Морфологическая транспозиция в современном русском языке: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / М.Г. Меркулова. – М., 1997. – 17 с.
 15. Мигирин, В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке: учеб. пособие [Текст] / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

16. Ремчукова, Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы [Текст] / Е.Н. Ремчукова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании: колл. монография. – СПб.: Наука, 2000. – С. 79–92.
17. Сидоренко, Е.Н. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов [Текст] / Е.Н. Сидоренко, И.Я. Сидоренко. – Симферополь, 1993. – 94 с.
18. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.

АННОТАЦИЯ

Винникова-Закутняя Т. С. Процессы перехода частей речи в русском языке как научная проблема

В статье рассмотрены процессы перехода частей речи в русском языке как научная проблема на примере изучения взглядов ученых относительно явлений переходности, омонимии и транспозиции. Основное внимание уделено многогранности взаимодействия языковых процессов, позволяющей исследовать переходность в различных аспектах.

Ключевые слова: процессы перехода частей речи, явления переходности, омонимия, транспозиция.

SUMMARY

Vinnikova-Zakutniaia T. S. The processes of transposition of parts of speech in the Russian language as a scientific problem

The article considers the processes of transposition of parts of speech as a scientific problem on the example of studying the views of scientists regarding the phenomena of transitivity, homonymy and transposition. Special attention is given to diversity of interaction of language processes allowing to investigate transitivity in different aspects.

Key words: the processes of transposition of parts of speech, the phenomenon of transitivity, homonymy, transposition.

УДК 81'373.611[811.124:811.111+811.161.1](045)

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
ПЕРИОДА КОРОНАВИРУСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ)**

На современном этапе развития языковых систем масс-медиа выполняют роль одного из главного фактора принятия инноваций, их распространения, апробации и закрепления в общественном сознании и кодифицированном литературном языке. Средства массовой информации являются важным материалом для исследования процессов, которые происходят в разных сферах языка. Публицистические материалы активно и быстро отражают изменения в лексическом составе, в целом, и в неологии, в частности.

Создание новых производных номинативных единиц всегда подчинено коммуникативным потребностям. По мнению Е.А. Земской, словообразование – это та сфера, которая, «используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [1, с. 90].

Словообразовательные неологизмы, которые достаточно недавно появились в устной речи и только начинают фиксироваться в письменных источниках, связаны с возникновением и распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, что обуславливает актуальность и своевременность изучения данных лексем.

Целью исследования является анализ словообразовательных неологизмов русского и английского языков периода коронавируса COVID-19 на материале газетно-публицистических текстов.

Методом сплошной выборки из интернет-газеты Лента.ру [2] нами было отобрано 18 словообразовательных неологизмов, которые появились в русском языке в период коронавируса COVID-19 (2019–2020 гг.).

Анализ исследуемых неологизмов в английском языке был проведен на материалах словаря Word Spy [5], систематически фиксирующем новые слова, которые появляются в англоязычных публицистических изданиях. В отличие от русского языка, новые лексические единицы, связанные с появлением обозначенного

заболевания, не были зафиксированы данным словарем; и только одна лексема была предложена другим онлайн-словарем [4].

Безусловно, существительное *коронавирус* появилось в русском языке раньше 2019 года, в котором возник новый вид коронавируса COVID-19. Впервые данное слово на страницах анализируемого русскоязычного издания зафиксировано в 2014 году, когда оно было связано с информацией о распространении коронавируса MERS-CoV в странах Ближнего Востока: «*Роспотребнадзор призывает российских туристов воздержаться от поездок в страны Ближнего Востока из-за распространения нового коронавируса (MERS-CoV). В ведомстве отмечают, что в последнее время произошло расширение географии инфекции*» (6 мая 2014 г.). Через год у данного слова появилось первое производное, образованное суффиксальным способом – прилагательное *коронавирусный*: «*Туристы так и не отреагировали на предупреждения Роспотребнадзора и Ростуризма по поводу коронавирусной инфекции и рекомендации воздержаться от поездок в Южную Корею, Саудовскую Аравию, Катар, ОАЭ*» (10 июня 2015 г.).

В 2020 г. в связи с актуальностью темы нового вида коронавируса, а также высокой частотностью употребления самого слова в русском языке образуются новые слова, пять из которых были зафиксированы в публицистике: *корона*, *некоронавирусный*, *коронавирусник*, *корона-шок* и *корона-скептик*.

Существительное *корона* является полисемичным и в словаре «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» имеет следующие значения: ‘золотой или серебряный венец, украшенный резьбой и драгоценными камнями, – одна из регалий властителя, монарха’, ‘ореол вокруг небесного светила (спец.)’, ‘драгоценное женское головное украшение в форме золотого обода, сведенного дугами на темени’, ‘предмет в форме венка, венца’ [3, с. 368]. На современном этапе слово *корона* активно употребляется в новом значении, как сокращенная форма от существительного *коронавирус*. Использование данного слова в речи было постепенным. В феврале 2020 г. была отмечена шутка Первого канала о происхождении коронавируса: «*По его словам, разгадка кроется в том, что в названии вируса есть слово «корона», а президент США, страны, с которой Китай соперничает на мировой арене, ранее «раздавал короны» на конкурсе «Мисс Вселенная*» (6 февраля 2020 г.). Затем слово используется в заголовке статьи «*Корону долой*» и как часть слова в самой статье «*Ирина Баранова уверена, что защита от корона- и других вирусов все же не во вне*,

а внутри» (13 февраля 2020 г.). В последующей статье отмечен анализируемый субстантив и предлагается объяснение данной сокращенной формы: *«Барбер сфотографировалась в похожем наряде и туфлях, скопировав позу певицы. «Не сегодня, корона (коронавирус). Не сегодня», – подписала она фото, добавив несколько хэштегов»* (16 марта 2020 г.), а в дальнейшем слово используется как отдельная лексическая единица в кавычках и без: *«Мероприятия не отменялись, магазины были открыты, самолеты в Италию продолжали летать. 8 марта прошла демонстрация феминисток, на улицах собрались 120 тысяч человек. Также был митинг одной ультраправой партии, во время которого политики снимали смешные видео на тему «Нам корона не страшна»* (18 марта 2020 г.), *«Первым ощущением было разочарование: к тому времени я проболел несколько дней и думал, пусть бы это была «корона», еще две недели помучаюсь и, может, получу иммунитет»* (4 апреля 2020 г.), *«Корона – это не придумка властей и не чья-то фантазия», – написал он в своей первой публикации о заражении, призывая граждан поверить в серьезность болезни»* (19 мая 2020 г.).

Префиксальным способом от прилагательного **коронавирусный** было образовано производное **некоронавирусный**: *«Министр указал, что по заболеваниям некоронавирусной этиологии введены контроль и сопровождение, как при коронавирусной инфекции»* (30 марта 2020 г.). Суффиксальным способом был образован субстантив **коронавирусник** со значением ‘человек, болеющий коронавирусом’: *«Гость студии порекомендовал ведущему поехать в Италию и «обнять коронавирусников», на что Соловьев ответил отказом и встречным аналогичным предложением, а затем запел»* (13 марта 2020 г.).

В отличие от предыдущих анализируемых слов зафиксированные сложные слова **корона-шок** и **корона-скептик** являются единичными по частотности употребления на момент проведения данного исследования: *«Оцубо указал, что «корона-шок» оказался для российской экономики не таким уж страшным, если сравнить макроэкономические показатели России в период кризиса из-за пандемии с кризисными ситуациями других лет»* (7 июля 2020 г.), *«Немецкое движение противников ограничительных мер, связанных с коронавирусом, решило отложить проведение крупных манифестаций до весны. Об этом заявил один из лидеров группы корона-скептиков Querdenken Михаэль Баллвег, передает газета Frankfurter Allgemeine»* (25 декабря 2020 г.).

Слово ковид является заимствованием, которое появилось в русском языке в следствие появления и широкого

распространения COVID-19. Официально слово COVID пишут латиницей, ссылаясь на российскую версию сайта Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Со временем, возможно, данная аббревиатура будет переведена с английского языка и русифицирована, как в случае с MERS-CoV (Middle East respiratory syndrome) / ББРС (Ближневосточный респираторный синдром) или SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome coronavirus) / ТОРС (Тяжелый острый респираторный синдром).

В публицистике субстантив *ковид* является часто используемым словом. Впервые он был зафиксирован в исследуемом издании в апреле 2020 г.: *«Реакция на современную пандемию «ковида» в мире точно такая же. Есть предельные скептики и предельные паникеры – две крайние точки отношения к проблеме. Все остальные люди как бы располагаются между ними. Количество скептиков очень сильно зависит от количества заболевших в стране»* (10 апреля 2020 г.).

Более того, в течение довольно короткого периода на основе данной лексемы появляются новые лексемы. Например, образованное суффиксальным способом прилагательное *ковидный*, а также его производные *нековидный*, *постковидный* и *доковидный*, образованные префиксальным способом: *«На банальную бактериальную пневмонию это никак не походило. Может быть, коллеги перенесли и не ковидную пневмонию, а атипичную. Но она тоже вызывается коронавирусом, только другим. Вот тогда стало понятно, что то, что происходит в мире, – это не просто»* (17 апреля 2020 г.), *«Именно для того, чтобы лечить пациентов, у которых другие болезни, не нужно разделять. Человек с инфарктом и инсультом, попав в нековидную больницу, имеет одинаковый шанс заразиться, как и в ковидной. Риск заболеть в некоронавирусной больнице гораздо выше, чем в любом другом месте»* (4 мая 2020 г.), *«Психолог Наталья Очакова предупредила россиян об опасности летней депрессии. В интервью изданию «Комсомольская правда» она образно назвала недуг синдромом «постковидного лета»* (5 июля 2020 г.), *«Если в доковидное время мы выполняли в сутки от 700 до 750 вызовов, то сейчас почти под тысячу. А ведь количество бригад прежнее»*, – сказал главврач хабаровской станции скорой помощи *Виталий Пустовой*» (11 июля 2020 г.).

В издании зафиксировано сложное слово *ковид-диссидент*, образованное от существительных *ковид* и *диссидент*: *«При этом тех, кто отказывается от мер предосторожности, он называет «возможным источником болезни» для него и близких. «Я предложил бы ковид-диссидентам тоже жить в вольере, где они не могут навредить никому, кроме себя», – заключил Познер.*

По его мнению, нежелание носить маску в общественных местах является угрозой для чужих жизней» (5 октября 2020 г.).

Относительно неологизма **ковидиот**, то оно было создано не на почве русского языка, а является следствием заимствования из английского языка бленда **covidiot**, образованного в результате слияния двух слов *COVID-19* и *idiot*. Онлайн-словарь Urban Dictionary [4] предлагает следующие значения данного слова: ‘someone who ignores the warnings regarding public health or safety’ (‘тот, кто игнорирует предупреждения относительно общественного здоровья и безопасности’) и ‘a person who hoards goods, denying them from their neighbor’ (‘человек, который запасается различными товарами, лишая своих соседей возможности купить их’) (16 марта 2020 г.). Новый термин и два его значения были предложены в анализируемом издании русского языка: *«Слово Covidiot («ковидиот») создано из двух частей: первая отсылает к вирусу COVID-19, а вторая – это слово идиот»* (22 марта 2020 г.).

Масштабность распространения нового вируса привела к массовой эпидемии – пандемии. В данный период в русском языке слово пандемия характеризуется особой словообразовательной активностью. Несмотря на существование прилагательного пандемический, появляется новое прилагательное **пандемийный**, а также еще два прилагательных **допандемийный** и **постпандемийный**. Примечательно, что в анализируемом издании слово **пандемийный** зафиксировано позже, чем два других прилагательных: *«О переезде в приморские города, в частности, в Сочи, россияне заставили задуматься пандемийные ограничения, а также внезапно расширившиеся возможности удаленной работы»* (19 ноября 2020 г.), *«... Все зависит от того, когда закончится карантин и возобновится экономическая активность. Однако и после ее возобновления ставки не вернутся на прежний, допандемийный, уровень», – предупреждают эксперты»* (6 мая 2020 г.), *«Большую часть сезона «Лестер» продержался в четверке, но постпандемийный отрезок команда Брендана Роджерса провалила, из-за чего осталась без Лиги чемпионов»* (6 июля 2020 г.).

В связи с активным распространением форм дистанционной учебы и работы в русском языке появляется два слова **дистанционка** и **дистант**. В анализируемом издании впервые два слова зафиксированы в одной статье: *«Жизнь московских школ на дистанционке»* (заголовок), *«Нагрузка во время дистанционки не должна увеличиться ни для ребенка, ни тем более, для родителей, уверен педагог»* и *«Не всегда педагоги или ученики готовы морально выходить и работать в цифровой*

среде. Решаем через постоянное консультирование, создание позитивной атмосферы, снижаем тревожность. Постепенно все осваивают новые реалии, – говорит Татьяна Хотылева. – Возникают вопросы методического характера. Каким образом выстроить занятия в «дистанте»? Решаем через обсуждение учебных задач, оценку целесообразности различных онлайн-инструментов, подбора цифровых источников» (25 марта 2020 г.).

Происхождение двух анализируемых лексем неидентичное. Субстантив *дистанционка* был образован от прилагательного *дистанционный*. Возможно, по аналогии со словом *удаленка*, которое активно используется в речи и впервые зафиксировано в материалах издания еще в 2012 г. Появление в русском языке слова *дистант* может являться результатом процесса словообразования или процесса заимствования. С одной стороны, существительное могло быть образовано от прилагательного *дистантный*, которое также активно используется в речи и впервые было зафиксировано в материалах издания еще в 2006 г. С другой стороны, субстантив *дистант* может являться результатом заимствования из английского языка прилагательного *distant*. Так, *distant learning* или *distance learning* переводится на русский язык как *дистанционное обучение*. Слово *дистант* является менее употребительным среди носителей русского языка, чем *дистанционка*, и на данный момент имеет два варианта произношения: с ударением на втором слоге *дистáнт*, редко – с ударением на первом слоге *дѐстант*, по аналогии с английским произношением слова *distant* ['distənt].

Словообразовательными неологизмами анализируемого периода являются прилагательные *самоизоляцияционный* (образовано суффиксальным способом от существительного *самоизоляция*) и *масочно-перчаточный* (образовано в результате основосложения слов *масочный* и *перчаточный*). Приведем примеры первого употребления данных лексем в издании: «Среди крупнейших городов самые доступные «самоизоляцияционные» квартиры предлагаются в Челябинске, Омске и Волгограде: ставки здесь стартуют от 500 рублей» (7 апреля 2020 г.) и «Матвиенко добавила, что в Совете Федерации приняты все необходимые меры для борьбы с распространением инфекции: соблюдается масочно-перчаточный режим, регулярно проводится тестирование, практикуется формат видеоконференций» (19 мая 2020 г.).

Неологизм *карантинник*, образованное от слова *карантин*, имеет два значения. Во-первых, оно обозначает «людей, которые находятся на карантине»: «Исключительно срочными делами сказали заниматься и нам, а второстепенные разрешили откладывать.

Суды сейчас арестовывают фигурантов только по тяжким и особо тяжким преступлениям. Что до участковых, то они ходят проверять карантинников в масках и перчатках каждый день» (22 апреля 2020 г.). Второе значение слова сразу объясняется при первом появлении в издании: «Платформа МТС ТВ запускает программу онлайн-концертов «карантинники», доступных для абонентов всех операторов, заявили «Ленте.ру» в пресс-службе оператора. «Карантинники» – это онлайн-квартирники российских звезд в условиях самоизоляции. Музыканты исполняют свои произведения у себя дома» (29 апреля 2020 г.). Во втором случае слово создано по аналогии со словом *квартирник*, которое обозначает ‘концерт или выступление музыкантов или рок-групп, который проходит у кого-то в квартире, в домашних условиях, в непринужденной обстановке’. Более того, при пояснении слова *карантинник* автором статьи одновременно образован неологизм с первым компонентом *онлайн-* – *онлайн-квартирник*.

Таким образом, результаты проведенного анализа газетно-публицистических материалов позволяют сделать вывод о том, что пандемия коронавируса COVID-19 отобразилась в сопоставляемых языках и в значительной мере расширила русский язык словообразовательными неологизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX века (1985-1995). – М. : ЯРК, 1996. – С. 90–141.
2. Лента.ру (интернет-газета) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru>
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / [ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.
4. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com>
5. Word Spy : The Word Lover's Guide to Modern Culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordspy.com>

АННОТАЦИЯ

Волкова Н. В. Словообразовательные неологизмы русского и английского языков периода коронавируса (на материале газетно-публицистических текстов)

В статье рассматривается вопрос особенностей расширения лексического состава русского и английского языков в связи с появлением новых производных единиц в период коронавируса COVID-19. Лингвистический анализ проводится на материале

газетно-публицистических текстов. В результате анализа определены и классифицированы словообразовательные неологизмы в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: словообразовательный неологизм, газетно-публицистический текст, коронавирус.

SUMMARY

Volkova N. V. Word-formation neologisms of the Russian and English languages of the coronavirus period (based on newspaper and journalistic texts)

The article deals with the problem of new derived units that appeared during the coronavirus COVID-19 period in the Russian and English languages. Linguistic analysis is carried out on the basis of newspaper and journalistic texts. As a result of the analysis, derivational neologisms in the languages have been identified and classified.

Key words: derivational neologism, newspaper and journalistic text, coronavirus.

*С. П. Волосевич
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.7

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ТРЕТИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Отнесение преобразованных фразеологических единиц (далее вариативов) к единицам окказиональной третичной номинации основывается на факте переосмысления значения исходных фразеологических единиц (далее ФЕ) в процессе их окказионального преобразования. Переосмысление значения ФЕ – это явление гетерогенное и неоднозначное. В самом общем виде переосмысление определяется как смысловой сдвиг (сдвиг значения), в результате которого у компонентов ФЕ появляются значения, отличные от их узуальных, прямых и переносных значений. Сдвиг значения, логической основой которого является переименование понятий, отличается от таких семантических процессов, как сужение или расширение значения, связанных с изменением объема понятия [1, с. 133; 3, с. 161].

Некоторые лингвисты расширительно толкуют переосмысление и к переосмысленным ФЕ относят единицы, которые обладают признакам компликативности, то есть

специфическим осложнением семантической структуры, отражающим итоги познавательной деятельности человека.

Под переосмыслением, следовательно, понимается неравноценность общего значения ФЕ механической сумме лексических и грамматических значений её компонентов.

Цель данной статьи – определить типы семантических преобразований фразеологизмов, в результате которых образуются третичные номинации.

Существуют два основных, имеющих различный характер и языковую технику, типа фразеологического переосмысления: переосмысление при вторичной номинации (первичная фразеологизация) и переосмысление при третичной номинации (вторичная фразеологизация). Переосмысление, в результате которого формируются единицы вторичной фразеологической номинации, может быть полным, частичным, простым, сложным, метафорическим, метонимическим, эвфемистическим, базирующимся на сравнении.

Переосмысление при третичной номинации представляет собой вторичное переосмысление и проявляется в различных формах. Так, образование фразеосематического варианта от фразеосемантического варианта обычно квалифицируется как фразеологическая абстракция от абстракции, где второй, вновь переосмысливаемый вариант является абстракцией более высокого порядка. При образовании деривата от ФЕ происходит не обязательно связанное с ростом фразеологической абстракции осложнение переосмысления, уже существующего в ФЕ. Таким образом, для каждого способа образования единиц третичной номинации характерны особые способы переосмысления.

В целом, единицы третичной номинации образуются от таких единиц вторичной номинации, как а) переосмысленные индивидуально-авторские обороты, б) фразеосемантические варианты, в) фразеологические единицы. Переосмысление значения ФЕ, как отмечает А.В. Кунин, может происходить и при окказиональном употреблении фразеологизмов [1, с. 130-132].

Проблема переосмысления ФЕ при их окказиональном употреблении в настоящее время исследована мало. Между тем, окказиональное переосмысление – явление широкого плана, так как первоначально любое переосмысление возникает как окказиональное семантическое образование. Это означает, что, во-первых, окказиональное переосмысление предшествовало образованию многих единиц третичной узуальной номинации, а во-вторых, и при окказиональном преобразовании некоторых ФЕ, которые не обязательно закрепляются в языке в качестве единиц третичной номинации.

При окказиональном употреблении ФЕ выделяются два типа индивидуально-авторских преобразований – семантические и структурно-семантические. Именно в результате узуализации последствий подобного переосмысления в языке появляются фразеосемантические варианты.

Что касается структурно-семантических типов преобразования, к которым относится замена компонентов, то такое преобразование может происходить как с существенными изменениями семантики исходных ФЕ, так и без таковых. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко разграничивают два основных типа структурно-семантических преобразований ФЕ:

1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества и в результате которых создаются различные индивидуально-авторские употребления ФЕ, конкретизирующие смысловое содержание, усиливающие экспрессивность, видоизменяющие мотивно-оценочный план в пределах тождества ФЕ;

2) преобразования, в результате которых возникают словесные комплексы, обладающие статусом окказиональных фразеологических дериватов, характеризующихся признаками, свидетельствующими о нарушении тождества ФЕ: изменением категориальной семантики, денотативно-сигнификативного содержания, нетождественностью фразеологической модели [2, с. 166].

В ряде исследований, в той или иной мере затрагивающих окказиональное употребление ФЕ, в основном подчеркиваются конкретизирующие возможности преобразованных ФЕ, что в их семантике отражается в появлении дополнительных окказиональных сем. В аспекте номинации рассматривался такой структурно-семантический прием преобразования, как вклинивание. При вклинивании создается комплекативность семантики ФЕ за счет увеличения числа различительных признаков. Однако номинативные возможности вклинивания, по сравнению с заменой компонентов, значительно беднее. Как справедливо отмечает А.Г. Назарян, у разных приемов окказионального преобразования различная степень сложности, и по мере ее возрастания все большую роль играют семантические факторы [3, с. 244].

В рамках неосложненной и осложненной окказиональных вторичных номинаций преобразования семантики исходных фразеологизмов не выходят за пределы компликативности. При таком преобразовании в семантике вариативов эксплицируются окказиональные потенциальные денотативные и коннотативные семы (осложненные номинации), коннотативные семы, или же семантика вариативов не претерпевает каких-либо изменений.

Под окказиональным переосмыслением в данной статье понимается такое структурно-семантическое преобразование исходной ФЕ, в результате которого в семантике ее вариатива появляются окказиональные дифференциальные семы. Если при переосмыслении как семантическом преобразовании оно осуществляется путем перегруппировки сем, когда дифференциальная сема отходит на задний план, а потенциальная возводится в ранг дифференциальной семы, то замена компонентов как структурно-семантическое преобразование предполагает не перегруппировку, а вытеснение одних дифференциальных сем, другими, содержащимися в семантике слова-заменителя. Следовательно, техника окказионального семантического переосмысления и окказионального структурно-семантического преобразования различная, но результат, в конечном итоге, в некоторой степени идентичен – набор сем, отличающийся от исходного какой-либо дифференциальной семой (семами).

Окказиональный смысл вариатива, сформировавшийся как результат переосмысления значения исходной ФЕ, обуславливает такую направленность имени на внеязыковую действительность, при которой объект именования (референт) не входит в сферу денотации исходной ФЕ. В логических терминах отношение смысла вариатива к значению исходной ФЕ можно рассматривать как отношения внеположенности.

Между тем, ввиду диффузности семантики многих ФЕ их денотатами выступают типизированные представления о классах предметов, явлений, ситуаций, не ограниченные четкими рамками, поэтому решение вопроса о том, входит ли референт конкретного вариатива в сферу денотации исходной ФЕ, иногда является достаточно сложным. В таких случаях возникает необходимость привлечения к анализу нескольких дефиниций исходной ФЕ и конкретного определения сферы ее денотации. Наличие вариативов, находящихся на стыке между вторичными осложненными номинациями и третичными номинациями, свидетельствует об отсутствии резкой границы между ними.

Рассмотрим следующий пример преобразования ФЕ *caviar to the general*:

Mr. MacIntyre has written a sharp, racy book packed overpacked? – with Irish wit and style about the Dublin arms trial last year. The result is perceptive entertainment, but, I suspect, Irish coffee /black coffee with Irish whisky and topped, with cream/ to the general (DCIE).

Окказиональный смысл вариатива можно интерпретировать следующим образом: очень специфичные ирландское остроумие и стиль, чтобы быть понятыми, оцененными по достоинству кем-либо, кроме ирландцев.

Для того, чтобы определить, входит ли референт в сферу денотации исходной ФЕ, рассмотрим две группы дефиниций:

– первая группа:

a/ smth not appreciated, liked, understood or known to the majority of people;

b/ smth unappreciated by the general run of men, because not suited to please their taste;

c/ a reasoning beyond the popular grasp;

– вторая группа:

a/ smth suited to specialized tastes or responses;

b/ too fine or delicate to be appreciated by ordinary people;

c/ a delicacy beyond the reach of most;

d/ слишком тонкое блюдо для грубого вкуса.

Первая группа дефиниций описывает денотат данной ФЕ как «нечто, что не нравится (не понимается, не ценится) широкой публике, потому что не отвечает ее вкусам. Вторая группа представляет денотат как «нечто утонченное, изысканное (что отвечает особому вкусу), недоступное большинству людей (среднему человеку)». Денотат данной ФЕ, не являясь сложнечленным, разлагается на части. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые словари фиксируют переносное значение слова *caviar* – that which is appreciated only by a person of cultivated taste. Компонентам ФЕ можно приписать внутрифразовые значения. Если в первой группе компоненту *the general* приписывается внутрифразовое значение «большинство людей», «широкая публика», не несущее отрицательной коннотации, то во второй группе у этого компонента появляется отрицательная коннотация и «большинство» рассматривается как «серая, заурядная масса». В подтверждение этому приведем еще одну дефиницию исходной ФЕ – *good thing unappreciated by the ignorant*.

Соотнося референт с денотатом, очерчиваемым дефинициями первой группы, можно заметить, что референт входит в сферу денотации исходной ФЕ: нечто (специфичные ирландское остроумие и стиль) не понимается, не ценится широкой публикой (кроме ирландцев), поскольку не отвечает ее вкусам. Вариатив, соответственно, может рассматриваться как осложненная номинация, в семантике которой эксплицированы окказиональные конкретизирующе-уточнительные потенциальные семы.

Соотнося референт с денотатом второй группы, мы отмечаем, что он не покрывается полностью сферой денотации ФЕ. Наложение семантического определения ФЕ на толкование вариатива дает следующий результат: нечто утонченное, изысканное (ирландское остроумие и стиль) недоступно

пониманию большинства людей (из-за их заурядности), но доступно пониманию ирландцев. Однако для того, чтобы понять ирландское остроумие (которое может быть не обязательно утонченным), нет необходимости культивировать особый изысканный вкус, а надо быть ирландцем. Кроме того, можно разделить людей на элитарное меньшинство (по какому-либо признаку) и заурядное большинство, но нельзя делить людей на заурядное большинство и ирландцев. Семы «утонченность», «изысканность», таким образом, отсутствуют в семантике вариатива. Их вытесняют окказиональные дифференциальные семы «ирландский» и «специфичный».

Ввиду нечеткой очерченной предметной отнесенности ФЕ возможно отнесение вариатива как к вторичной осложненной, так и третичной номинации. Отсутствие четкой границы между двумя типами номинации подтверждается тем, что некоторые дефиниции из первой и второй групп взяты из одних источников. Между тем, как известно, наличие таких промежуточных явлений вполне естественно, поскольку именно переходные, промежуточные элементы резко отличают язык от искусственных семиотических систем.

С целью показать возможность разграничения вторичных осложненных и третичных номинаций рассматриваются две группы примеров. В первой группе вариативы являются результатом преобразования одной и той же исходной ФЕ, причем один вариатив относится к осложненным, а другой – к третичным номинациям. Ко второй группе относятся те примеры преобразования ФЕ, в которых переосмысленный характер семантики вариативов проявляется с достаточной очевидностью.

Группа I. Остановимся на примере преобразования ФЕ the blind leading the blind – said of those who give advice to others on subjects on which they themselves are entirely ignorant:

If only...books were sold by men of taste, familiar with their contents, the public would buy more good literature: as things are, the blind bookseller leads the blind customer (Ken.).

*As an “intellectual”, I was given the job of political education. Never can there have been a more signal instance of the blind leading the short-sighted (C.D. Lewis, *The Buried Day*, p. 215).*

Денотатом исходной ФЕ является ситуация («слепой ведет слепого»), когда люди, не имеющие надлежащих знаний, опыта, направляют, дают советы, руководят себе подобными, следствием чего является отрицательный результат. В первом примере вариатив входит в сферу денотации ФЕ, поскольку его референтом является конкретная ситуация, когда люди (продавцы книг), не имеющие хорошего литературного вкуса, не

знающие содержания книг, предлагают, советуют купить их себе подобным (покупателю-дилетанту), следствием чего является отрицательный результат (высокохудожественная литература не доходит до читателя).

Во втором примере референт не входит в денотацию исходной ФЕ. Оказиональный смысл вариатива – человек, совершенно не имеющий соответствующего опыта, знаний, направляет, обучает, людей, которые, в отличие от него, в какой-то мере разбираются в предмете. В семантике вариатива отсутствует сема «себе подобный», которая вытесненаokkaзиональной дифференциальной семой «имеющий лучшее представление».

Рассмотрим пример преобразования ФЕ *blood is thicker than water – the tie of kinship is strong*:

“She said she wanted to get away from you, but she wanted to keep the kid, and I offered to help”.

“Blood is thicker than marriage. Is that it?”

“Something like that. Only not my blood. This time” (I. Shaw, Rich Man, Poor Man, p. 422).

Possibly there were some other, more distantly related Comstock's, for Gran'pa Comstock had been one of a family of twelve. But if any survived they had grown rich and lost touch with their poor relations; for money is thicker than blood (G. Orwell, Keep the Aspidistra Flying, p. 67).

Денотатом исходной ФЕ является следующая ситуация: родственные узы очень прочны (с ними нельзя не считаться). В первом примере референт входит в сферу денотации прототипа. Оказиональный смысл вариатива конкретизирует значение исходной ФЕ – родственные узы (кровные) очень прочны (прочнее брачных родственных уз). Во втором примере у вариатива новый оказиональный смысл – деньги сильнее родственных связей. Референт переосмысленного вариатива не входит в поле денотации исходной ФЕ.

Группа II. Проанализируем оказиональное преобразование ФЕ *with /one's/ tongue in /one's/ cheek*, имеющей значение *ironically, insincerely*:

He is the man who said of a certain who said of a certain woman who is in the habit of written letters to the press in defense of the Department of Roads and Railways, “Ah, sure, she wrote that with the minister's tongue in her cheek” (DCIE).

У вариатива и исходной ФЕ ярко выраженная фразеологическая константа формируется за счет лексической константы, что позволяет легко соотнести вариатив и исходную ФЕ, так как замене подвергся только альтернант *one's*.

Но появление слова-заменителя *minister* в составе вариатива не только обновляет, но и полностью изменяет его образную основу. На основе нового образа формируется и окказиональный смысл вариатива. Именно в подобных случаях наиболее отчетливо проявляется большая, уже трехмерная, опосредованность отношения вариатива к действительности (еще и через значение слова-заменителя), что приводит к новому метафорическому осмыслению значения исходной ФЕ. Новый образ «подсказывает», что окказиональный смысл вариатива интерпретируется как с «чужих слов».

Рассмотрим пример окказионального преобразования глагольной ФЕ *спрозрачнойвнутреннейформой go the way of all flesh*, имеющей значение *die as other men do* в следующем примере:

Being men of the world, the commons did not think that there was anything alarming in this prating about virginity. Let political consideration or passion single out some man, and another protesting spinster would go the way of most flesh (Kenk.).

Замена компонента *all* словом-заменителем *most* формирует новый образ, лежащий в основу вариатива. Замена определения *all*, которое в семантике исходной ФЕ выполняет важную функцию, указывая категорично на неизбежность смерти для всех людей без исключения, на слово-заменитель *most* порождает семантическое противоречие. Именно категоричность окказионального смысла вариатива подготавливает его переосмысление. Окказиональный смысл вариатива – испытать то, что суждено большинству людей, противоречит значению исходной ФЕ, так как все люди смертны. Дальнейшее уточнение смысла вариатива происходит под влиянием контекста, который и формирует его окончательно – выйти замуж. И в данном случае правомерно утверждение о том, что через семантику ФЕ слова-заменителя мы получаем трехмерную опосредованность направленности вариатива на внеязыковую действительность.

Как особый способ образования третичных окказиональных номинаций мы рассмотрим образование вариативов, сочетающихся с именами с семантикой не-лица, от исходных ФЕ, употребляющихся с именами с семантикой лица. Переосмысление такого типа характерно прежде всего для образования одного фразеосемантического варианта от другого. Так, например, у ФЕ *give up the ghost – die* появился фразеосемантический вариант «остановиться, заглухнуть (о двигателе)».

При окказиональном употреблении переосмысление такого рода характерно прежде всего для приемов семантического преобразования ФЕ. Например, ФЕ *go the way of all flesh – die* в следующем примере приобретает

оказиональный смысл «закрыться, перестать издаваться». Рассмотрим этот пример:

WPN is rapidly going the way of all flesh (Kenk.).

Фразеологизм, вступая в новые ассоциативные связи, переосмысливается, нарушается его обычная сочетаемость. В данном контексте у ФЕ появляется новая сочетаемость, которая несвойственна ей при ее нормативном употреблении. Свойства, действия людей переносятся на неживые предметы. В примере в плане внешней сочетаемости ФЕ это проявляется в соединении ФЕ, традиционно сочетающейся с именами с семантикой лица, с конкретным существительным «журнал», обозначающим неодушевленную реалию. Рассмотренный выше пример является примером семантического преобразования ФЕ. Однако такое переосмысление значения исходной ФЕ возможно и в сочетании с заменой компонентов. Остановимся на употреблении этой же исходной ФЕ в следующем примере:

*Do you remember, during the war and in the prosperous time immediately following, how furiously the middle classes denounced the riotous excesses of the idle poor? Why, the monsters even bought pianos – pianos: The pianos have all been sold again, long since. The spare furniture has gone the way of all superfluities (A. Huxley, *Those Barren Leaves*, p. 296).*

В данном примере замена компонента *flesh* словом-заменителем *superfluities* изменяет образную основу исходной ФЕ. Значение слова заменителя «ненужная, лишняя вещь» определяет сочетаемость вариатива, который в результате преобразования исходной ФЕ получает новый okazjiональный смысл и сочетается с именем с семантикой не-лица.

В семантической структуре вариатива появляется okazjiональная дифференциальная сема «лишняя вещь». Okazиюнальный смысл вариатива можно истолковать как «испытать судьбу всех лишних вещей», а контекст уточняет данный okazjiональный смысл – «были проданы». Определяя элементы фразеологической константы, можно отметить ярко выраженную лексическую константу, идентичную синтаксическую структуру. В семантике вариатива и исходной ФЕ выявляются и некоторые элементы семантической константы. Так, например, и в вариативе, и в прототипе имеется сама «утрата».

Исходя из нашего понимания переосмысления как результата структурно-семантического преобразования ФЕ, в ряде случаев мы рассматриваем изменение значения исходной ФЕ при антонимической замене как образование единицы третичной okazjiональной номинации. Примером образования такой контрастной okazjiональной номинации является

преобразование исходной ФЕ Rome was not built in a day – achievements take time:

I suppose there have been worse planning decisions than Maplin Airport. There were several in Augustan Rome who thought that the simple constructions of piers into the sea constituted an offence to Neptune which would surely be punished. Yet Rome was not destroyed in a day (DCIE).

Окказиональный смысл вариатива не является простым отрицанием значения исходной ФЕ и не может интерпретироваться как «успехи (достижения) не требуют затрат времени», или же как «неудачи требуют затрат времени». Интересна роль контекста, поскольку он поддерживает буквальные значения компонентов вариатива, способствующего двойной актуализации. Замена компонента built словом-заменителем destroyed (+двойная актуализация) вызывает своеобразные изменения в семантике вариатива.

Во-первых, «растворяется» нравоучительная дидактическая направленность пословицы. Это происходит вследствие того, что вариатив вступает в формально-смысловые анафорические связи с предшествующим высказыванием (punish – destroy). Во-вторых, не просматривается изоморфизм между значением исходной ФЕ и смыслом вариатива. Эти два обстоятельства свидетельствуют о переосмыслении значения исходной ФЕ. Окказиональный смысл вариатива можно интерпретировать следующим образом: Рим не рухнул в одиночестве, то есть ничего страшного не случилось.

Преобразования, в которых в результате антонимической замены семантика вариатива по отношению к семантике исходной ФЕ является простым отрицанием, рассматривается нами как осложнённые номинации. При этом мы исходим из того, что любой предмет, процесс, качество, явление диалектически содержит и свое отрицание, выраженное в семантике номинирующих его единиц имплицитно. Изменение значения исходной ФЕ в результате антонимической замены на противоположный окказиональный смысл связано с экспликацией окказиональной денотативной потенциальной семы «отрицание». Семантика прототипа при подобных заменах не претерпевает качественных изменений, так как вариатив и прототип, образуя антонимическую пару, выражают одно отрицательное/положительное понятие.

В заключение отметим, что переосмысление значения исходных ФЕ при их преобразовании является относительно редким явлением, что и объясняет незначительное количество третичных номинаций относительно общего числа преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
2. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Основные вопросы теории фразеологии: Библиографический указатель. – Самарканд, 1987. – С. 153–234.
3. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка: Учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / А.Г. Назарян. – М. : Высшая школа, 1987. – 228 с.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1984. – 685 p. (DCIE)
2. Huxley, A., Those Barren Leaves. – New York : Avon Book Division, 1992. – 382 p.
3. Ichikawa S., Mine T., Inui R., Kihara K., Takaha S. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms / S. Ichikawa. – Tokyo : Kenkyusha, 1969. – 849 p. (Kenk.)
4. Lewis, C.D., The Buried Day. – London : Chatto and Windus, 1990. – 244 p.
5. Orwell, G., Keep the Aspidistra Flying. – Harmondsworth : Penguin Books, 1963. – 246 p.
6. Shaw, I., Rich Man, Poor Man. – Sevenoaks; Kent: New English Library, 1985.– 767 p.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Оказиональные третичные номинации в английской фразеологии

В статье рассматриваются третичные фразеологические номинации. Также исследуется семантико-стилистический результат преобразования. Особое внимание уделено номинативному потенциалу преобразованных в речи фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, третичная номинация, номинативный потенциал.

SUMMARY

Volosevich S. P. Nonce tertiary nominations in English phraseology

The article considers tertial phraseological nominations. The semantic-stylistic result of the transformation is also studied. Special attention is paid to the nominative potential of nonce idioms.

Key words: phraseological unit, tertial nomination, nominative potential.

*Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Пространство неоднократно становилось объектом исследовательского интереса филологов. Это один из ключевых параметров восприятия человеком окружающего мира. Кроме того, в современных исследованиях нет единой точки зрения на квалификацию пространства: его рассматривают как концепт и как фрагмент языковой картины мира этноса (Е.С. Яковлева, О.А. Рачук, З.А. Мельничук, М.В. Осыка, Т.С. Медведева, Л.К. Хертек и др.), как текстообразующую категорию (Н.С. Болотнова, Т.В. Матвеева, Н.А. Николина, Л.Г. Бабенко, О.А. Корда, П.Ю. Повалко и др.), как отражательную семантическую категорию (Л.Н. Федосеева, Т.Е. Алексеева и др.) и как категорию функциональной грамматики (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.В. Рахилина, Ф.И. Панков и др.). Учёные отмечают, что актуальным остаётся как вопрос определения пространства, так и исследования средств вербализации данного феномена на материале русского и других языков. Нами предпринимались попытки описать средства объективации пространства (пространственной модели мира) в поэзиях С. Есенина (см. [4], [3] и т. д.).

Целью данной работы является анализ и описание существующих концепций по определению и описанию пространства в современном языкознании.

В языковом опыте этноса за лексемой *пространство* закреплены следующие значения. Это, во-первых, «одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом» [2, с. 1028]; во-вторых, «неограниченная протяжённость во всех измерениях, направлениях» [Там же]; в-третьих, «место, способное вместить

что-либо» [Там же]; в-четвёртых, «большой участок земной поверхности» [Там же].

В первом из зафиксированных «Большим толковым словарём русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова значений пространство рассматривается авторами учебных пособий по «Лингвистике текста», «Филологическому анализу текста» или «Лингвистическому анализу текста». Так, Н.А. Николина выделяет две трактовки пространства – широкую и узкую. «Это связано с разграничением внешней точки зрения на текст как на определённую пространственную организацию, которая воспринимается читателем, и внутренней точки зрения, рассматривающей пространственные характеристики самого текста как относительно замкнутого внутреннего мира, обладающего самодостаточностью» [9, с. 101]. У Л.Г. Бабенко указано, что «в категориях пространства» текст рассматривается как «совокупность линейно расположенных знаков» [1, с. 51], т.е. реально существующий объект, имеющий протяжённость и определённый объём, например, первый том стихотворений С. Есенина.

В значении «неограниченной протяжённости» пространство рассматривается в лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследованиях. Данная семема эксплицирует один из значимых для пространства как фрагмента языковой картины мира признаков, поскольку неограниченность должна кем-либо задаваться, т.е. должна быть точка отсчёта.

Е.С. Яковлева, описывая пространство как компонент языковой картины мира этноса, отмечает, что в текстах оно выражается преимущественно наречиями с семантикой определения расположения в пространстве или дистанции от говорящего до определённого объекта. В числе анализируемых исследователем адъективов *вблизи, вдали, вдалеке, поблизости, близко, далеко, рядом* и т.д. Данные вербальные знаки описаны с учетом таких факторов, как «наличие / отсутствие непосредственного восприятия», «репрезентация дистанции», «горизонтальность», «геоцентричная ориентация» и др.

Учёный подчёркивает, что «картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [12, с. 20–21]. В своей работе Е.С. Яковлева ссылается на идею пространства в архаической модели мира, сформулированную В.Н. Топоровым: человек постепенно «собирает» пространство, обживает и осваивает его. Именно представитель этноса

определяет, согласно концепции Е.С. Яковлевой, расстояние до определённого объекта, занимающего то или иное расположение в пространстве. Исследователь вводит понятие «окрестность говорящего», которое трактует как «область пространства, его окружающего, которая расположена по горизонтали от него, приблизительно на одном с ним уровне, и при этом, как правило, совпадает с поверхностью земли (традиционной сферой «естественного» освоения пространства)» [Там же, с. 30].

Соответственно, неограниченное пространство в восприятии субъектом начинает члениться на зоны. Ю.М. Лотман при анализе пространственных отношений выделяет две базовые зоны – зону «своего» и зону «чужого». Данное противопоставление, согласно концепции учёного, основывается также на бинарной оппозиции «внешний – внутренний». «Как правило, они противопоставлены и имеют ряд разграничений. Например, в физической пространственной модели мира, описанной в этнолингвистическом энциклопедическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого к числу таких границ относят забор, ворота, дорогу, околицу и т.д.» [5, с. 66]. Ср.: *За горами, за жёлтыми долами / Протянулась **тропа** деревень. / Вижу лес и вечернее поल्या, / И обвитый крапивою **плетень*** [6., с. 22]. В данном примере граница зон (пространство описывается от «чужого», далёкого, неосвоенного, до «своего») выражена предлогом *за*, лексемами *тропа* и *плетень*. Зона «своего», т.е. культурно освоенного пространства, вербализирована словом *деревня*. Зона «чужого» – вербальными знаками *гора, дол, лес*.

В другом примере зона «своего» выражена языковыми средствами, называющими культурно ассимилированное, хорошо изученное, близкое лирическому герою пространство (использование оценочных аффиксов со значением ласкательности *-к-, -ок-*, приложения свечка как экспликации метафорической модели «дерево → артефакт»). Ср.: *Темна ноченька, не спится, / Выйду к речке на лужок* [6, с. 20]; *На бугре берёза-свечка / В лунных перьях серебра* [Там же]. Оно противопоставляется другому, относимому к зоне «чужого», плохо изученного, эксплицированного автором именем прилагательным *тёмный*, т.е. «неясный, смутный, непонятный» [2, с. 13–14]. Ср.: *В терем **тёмный**, в лес зелёный, / На шелковы купыри, / Уведу тебя под склоны* [6, с. 20].

Отметим, что кроме указанных основных противопоставленных зон «своего» и «чужого» учёные выделяют конкретные пространственные зоны (например, описание членения пространства у В.В. Красных). Данное выделение соответствует третьему значению лексемы *пространство*, зафиксированному

языковым опытом носителей русского языка. Так, при описании базовых зон в этнолингвистическом энциклопедическом словаре «Славянские древности» перечисляются значимые для русской лингвокультуры пространственные зоны, т.е. «места, способные вместить что-либо» [2, с. 1028]. В их числе дом, двор, населённый пункт, поле, лес. Они расположены по горизонтали: от культуры ассимилированного, освоенного человеком, к «чужому», считающемуся враждебным. Данные пространственные зоны зафиксированы и в произведениях С. Есенина (подробнее в [Дмитриева 2020], [Дмитриева 2021]).

В.В. Красных отмечает, что членение пространства непосредственно связано с пространственным кодом русской лингвокультуры и особенностями восприятия мира человеком. Это восприятие, согласно Ю.М. Лотману, лежит в основе описания мира в произведении художественной литературы, в котором автор моделирует реальность. В тексте писателя воспроизводятся его пространственные представления [8, с. 252–253].

Отметим, что создание модели требует учёта определённых параметров. В их число относим выделенные В.Н. Топоровым бинарные оппозиции «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», а также признаки культурно-социального начала. Кроме того, в число данных параметров считаем целесообразным включить геометрические позиции объектов, выраженные формами языка. Они описываются при рассмотрении пространства как категории функциональной грамматики. А.В. Бондарко выделяет три основные позиции (локализации в терминах исследователя) по геометрическому расположению объекта [11, с. 9–10]: в виде точки или трёхмерного пространства; в виде линии или плоскости; в виде окружности. Точкой моделирования исследователь называет человека, определяющего позицию объекта в пространстве. Отметим, что перечисленные основные локализации реализуются рядом частных позиций. Так, локализация в виде трёхмерного пространства, согласно концепции учёного, представлена следующими частными позициями:

– «внутри» и «вне» (Ср.: *И у него гостей бывает в доме много* [6, с. 213]; *А вьюга с ревом бешеным / Стучит по ставням священным / И злится все сильней* [Там же, с. 17]);

– «спереди» и «сзади» (Ср.: *Помолись перед ликом Спасителя / За погибию душу мою* [6, с. 23]; *Я пошел с тоски на луг. / Мне вдогон смеялась речка* [Там же, с. 19]);

– «сверху» и «снизу» (Ср.: *Там с утра над церковными главами / Голубеет небесный песок* [6, с. 22]; *Сядем в копны свежие под соседний стог* [Там же, с. 28]);

– «возле» и «в отдалении» (Ср.: *Плачет девушка-царевна у реки* [6, с. 30]; *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло* [Там же, с. 28]).

Локализация, представленная в виде линии или плоскости, включает позиции:

– «сквозь», «через» (Ср.: *Снова я вижу родную околицу, / Через метель огонек у окна* [6, с. 279]);

– «по поверхности» (Ср.: *Ходит девушка по бережку грустна* [6, с. 30]);

– «вдоль» (Ср.: *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон* [6, с. 31]);

– «мимо» (Ср.: *И тот, кого ты ждал в ночи, / Прошел, как прежде, мимо крова* [6, с. 149]).

Наконец, локализация в виде окружности или её части реализуется двумя позициями:

– «вокруг» (Ср.: *Прозрачно я смотрю вокруг / И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль ...* [6, с. 192]);

– «через» (Ср.: *Как покладинка лёг через ров / Звонкий месяц над синью холмов* [6, с. 301]).

Следовательно, в современной лингвистике нет единого трактования пространства. Его определяют и как семантическую и/или грамматическую категорию, и как концепт, т.е. компонент языковой картины мира, и как картину мира. Мы рассматриваем пространство как модель мира, воссоздаваемую в художественном тексте в соответствии с определёнными параметрами. В их число относим геометрические позиции объектов, выраженные формами языка; бинарные признаки характеристики пространства («верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», отчасти соотносимые с геометрическими позициями); признаки культурно-социального начала. Кроме того, пространственная модель мира состоит из двух базовых зон «своего» и «чужого». Они включают пространственные зоны конкретного объекта – дома, двора, населённого пункта, поля, леса. Однако данное описание пространства как модели мира не является исчерпывающим, что и составляет перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – [3-е изд., испр.]. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

3. Дмитриева, Ю.Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) / Ю.Л. Дмитриева // Вестник Донецкого национального университета. – Серия Д: Филология и психология. – № 1. – Донецк: Изд-во ГОУ ВПО «ДонНУ», 2021. – С. 33–38.
4. Дмитриева, Ю.Л. Пространственная модель мира в произведениях С.А. Есенина / Ю.Л. Дмитриева // Современное есениноведение : научно-методический журнал. – № 4 (55). – 2020. – Рязань : Изд-во РГУ им. С.А. Есенина. – С. 63–70.
5. Дмитриева, Ю.Л. Средства объективации пространственной модели мира в стихотворении С. Есенина «Поет зима – аукает...» / Ю.Л. Дмитриева // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) / Отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. – С. 64–68.
6. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – Т.1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
7. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
8. Лотман, Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С. 251–292.
9. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 4. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – 656 с.
11. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак и др.; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука, 1996. – 230 с.
12. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Пространство в современной лингвистике

В статье рассматривается пространство, трактуемое в современном языкознании неоднозначно. Автор описывает существующие точки зрения на определение данного феномена.

Пространство рассматривается и как категория текста, которая определяется как материальное существование текста и как модель мира, создаваемая автором произведения. Также пространство трактуется как категория функциональной грамматики. Кроме того, исследователи рассматривают пространство как картину мира. Автор трактует пространство как модель мира автора художественного произведения, построенную с учетом трёх групп признаков. Данная модель включает две базовые зоны «своего» и «чужого», которые, в свою очередь, состоят из пространственных зон конкретных объектов.

Ключевые слова: картина мира, категория, локализация, пространство, модель мира.

SUMMARY

Dmutrieva J. L. Space in modern linguistics

The article considers the space that is interpreted ambiguously in modern linguistics. The author describes the existing points of view on the definition of this phenomenon. Space is considered both as a category of text, which is defined as the material existence of the text and as a model of the world created by the author of the work. Space is also treated as a category of functional grammar. In addition, researchers consider space as a picture of the world. The author interprets space as a model of the world of the author of an artistic work, built taking into account three groups of features. This model includes two basic zones of «one's own» and «someone else's», which, in turn, consist of spatial zones of specific objects.

Key words: picture of the world, category, localization, space, model of the world.

Т. А. Дьякова
(г. Луганск, ЛНР)

УДК 811.161:82-1

УКРАИНИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

В художественном тексте (поэтическом или прозаическом) сосредоточены различные проявления коммуникативных, этнокультурных, эмоциональных особенностей мировосприятия автора. Исследователи, называя текст открытой системой, изучают его в связи с категорией интертекстуальности. Теоретики этого многовекторного явления считают, что признаки интертекста

есть во всяком тексте на том основании, «что любое слово как элемент и материал письма уже есть «чужое» слово, так как несет в себе следы всех своих ранних употреблений» [7, с. 80]. Учение интертекстуальности складывалось преимущественно в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, поскольку анализируя текст с позиций филологических, не обратить внимания на интертекстуальные включения, значит «обеднить результаты исследования, представить общую картину неполной» [11, с. 44]. Проблемами различных аспектов интертекстуальности и интертекста занимались И. Арнольд, Р. Барт, М. Бахтин, И. Ильин, Ю. Кристева, Н. Кузьмина, К. Сидоренко, И. Смирнов, Н. Фатеева и другие зарубежные и отечественные ученые, применяя при этом понятия «интертекст» и «интертекстуальность» зачастую как взаимозамещающие. Среди множества дефиниций интертекстуальности отметим толкование Н. Кузьминой, рассматривающей интертекст как «объективно существующую информационную реальность, являющуюся продуктом творческой деятельности Человека, способную бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [6, с. 20].

Ученые, исследующие явление интертекстуальности, говорят о широком и узком подходе к этому явлению, подразумевая под последним «маркированный языковой феномен как для субъекта, так и для адресата речи» [5, с. 8]. Говоря о формальном выражении интертекстуальности, исследователи применяют понятие «интертекстема» – «форма выражения языковой интертекстуальности, которая намеренно (или ненамеренно) включается в дискурс субъектом речи» [там же] и может проявляться на разных языковых уровнях (от текста до буквы и звука). К. Сидоренко характеризует интертекстему как «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [9, с. 11].

Принимая во внимание различные взгляды на понятие интертекстуальности, проявлением этого феномена считаем и использование в русскоязычных литературных произведениях иноязычных включений, представленных в различных формах: от уровня звука и буквы до текста. Одними из иноязычных вкраплений являются украинизмы, употребляемые русскими писателями. Еще В. Виноградов отмечал, что «проблема взаимодействия русской и украинской речевых культур далеко выходит за пределы лирических литературно-художественных взаимоотношений и связей

отдельных писателей этих двух славянских наций» [4, с. 14]. В работе под украинизмом будем иметь в виду «слово или оборот речи, заимствованные из украинского языка» [14, с. 1381], а также их фонетические и грамматические формы.

Многие произведения из художественного наследия М. Матусовского тесно связаны с его малой родиной – Луганском. В языковом портрете города ярко отражается «многоголосый хор» жителей населенного пункта, где издавна бок о бок жили русские, украинцы, представители других национальностей. В повседневной речи луганчан естественно звучали украинские слова, фразеологизмы, пословицы и поговорки, что и нашло воспроизведение в поэтических и прозаических текстах писателя.

Цель работы – проанализировать украинизмы как проявление интертекстуальности в произведениях Михаила Матусовского. Объектом изучения являются украинизмы из художественных текстов писателя, предметом – их семантические особенности, стилистический характер, прагматические функции. Материалом исследования послужили поэтические произведения писателя, включенные в сборники «Избранные произведения в двух томах. Том 1» [Т. 1], «Земля моих отцов – Донбасс» [ЗМО], и прозаический «Семейный альбом» [СА]. Анализ осуществляется с помощью методов контекстного, семантического, стилистико-прагматического, функционального подходов к изучению текста. При цитировании для сохранения подлинности текста сохранена авторская орфография и пунктуация.

Употребленные писателем интертекстуальные вкрапления мы разделили на несколько групп в зависимости от контекста. Используя опыт классификации, который применен в исследовании Н. Болотновой, предлагающей разграничивать для контекстуального анализа языковой единицы различные виды контекста, в том числе минимальный (в рамках словосочетания, отражающего грамматические связи лексической единицы) и развернутый (в рамках предложения / высказывания) [2, с. 449], к группе минимального контекста относим:

1. Лексические украинизмы.

Заимствования этой подгруппы призваны обеспечить «разнообразие лингвистического пространства» [3, с. 13], выраженное в использовании вкраплений украинской лексики в качестве выразительного средства. Автор подает такие слова в русской графике и преимущественно в русской огласовке, что порой искажает собственно украинское слово и не позволяет читателю, не владеющему украинским языком, адекватно воспроизвести и воспринять такие лексические единицы.

Бджолки (укр. бджолки) – рус. пчёлы. Интертекстема, на наш взгляд, выполняет функцию своего рода культурно-национального маркера, служит как поэтическое средство для создания речевых характеристик: *Пчел он называет по-украински нежно «бджолки», и в самом этом слове слышно жужжание целого пчелиного роя; «Ему что нужно? Чтобы отчетливость была в порядке, чтобы все бумажки были пришиты к делу. А на бджолок ему наплевать»* [СА, с. 38, 39].

Горилка (укр. горілка) – рус. водка. Данный украинизм исследователи относят к группе лексем, имеющих, помимо отражения национального украинского колорита, различные прагматические функции, в частности – достижение эмоционально-экспрессивного речевого эффекта [8, с. 1108]: *...и украинская горилка, которая в соединении со стручком перца становится уже не водкой, а лечебным средством* [СА, с. 477].

Грудень (укр. грудень) – рус. декабрь; **лютий** (укр. лютий) – рус. февраль; **серпень** (укр. серпень) – рус. август; **сичень** (укр. січень) – рус. январь; **травень** (укр. травень) – рус. май. Как пояснение поэт приводит соответствующие (близкие) по семантике украинским словам русские, отчасти объясняя читателю этимологию интертекстем: **злей** (злой) – **лютий**, **серп** – **серпень**, **сечет** – **сичень**, **травник** – **травень**, **груда** – **грудень**. Украинские наименования месяцев, использованные как олицетворение, выполняют ритмико-интонационную функцию (созвучием слов **минутой** – **лютий**; **стерпим** – **серпень**; **привычен** – **сичень**; **ставень** – **травень**; **чуден** – **грудень** создается женская ассонансная рифма): *Становясь все злей и злей / С каждою минутой, / Из-под сросшихся бровей / Грозно смотрит «лютий»; Все, что страдный день принес, / Мы с тобою стерпим. / Остроту серпов и кос / Проверяет «серпень»; Этих дней черед и счет / Издавна привычен. / Как лицо мое сечет / Острым ветром «сичень»; На рассвете луч проник / Через створки ставень. / Рано утром, как травник, / В степь выходит «травень»; В узорочье ледяном / Лес и вправду чуден. / Грудой снега под окном / Намерзает «грудень»* [Т. 1, с. 537–538].

Жилбудивництво (укр. жилбудівництво) – рус. жилстроительство (жилищное строительство). Сложносокращенный украинизм используется для отражения локального и темпорального колорита: *Одно время мы с отцом повадились ходить в строительный техникум, или, как он назывался, техникум жилбудивництва...* [СА, с. 106].

(Не) журишь (ф. повелит. накл. ед. ч. укр. глагола журитися) – рус. (не) горюй, (не) сокрушайся (горевать, сокрушаться). Украинский глагол служит для речевой характеристики

персонажа: «Ну, кумэ, **не журишь**, – отвечал Бобров, – попробуем исправить ошибку» [СА, с. 83].

Загинув (ф. м. р. 3-го л. прош. вр. укр. глагола *загинути*) – рус. *погиб (погибнуть)*. Украинский глагол, «вплетенный» в монолог персонажа, предназначен, по нашему мнению, для акцентуации события, определившего дальнейшую жизнь персонажа, служит для его речевой характеристики: «...И всякие блюда готовил: но только / Узнал я, что сын мой **загинув** на царському фронти, / Пишов я в кабак и пропил генеральские гроши...» [ЗМО, с. 82].

Кажуть (ф. 3-го л. мн. ч. наст. вр. укр. глагола *казати*) – рус. *говорят (говорить)*; **в мить** (укр. *вмити*) – рус. *мгновенно, моментально*. На наш взгляд, украинский глагол в составе вводного предложения выполняет ритмико-интонационную функцию, украинское наречие *вмить* (использованное как синоним в одном ряду с русским *быстро*) способствует созданию эмоционально-экспрессивного фона и локального колорита, является в определенной степени культурно-национальным маркером: *Как даже самых сварливых мирила / Быстро, як кажуть украинцы: «в мить»*. / *Бориц в полведерной кастроле варила, / Чтоб человечество все накормить* [ЗМО, с. 277].

Карбованци (укр. *карбованці*) – рус. *деньги*. Данное слово фиксируют словари современного русского литературного языка, однако, характер помет свидетельствует о прагматической функции лексемы: ‘деньги (употр. в рассказах из украинской жизни)’ [20]; ‘деньги (употр. в рассказах из украинской жизни)’ [19, т. 5, стлб. 810]; *устар. и разг.* ‘деньги (обычно в рассказах из украинской жизни)’ [12, т. 7, с. 650]. В поэтическом тексте слово использовано для временного и локального колорита: *В тот час гулял в харчевне пан, / Швырял карбованцы повсюду, / Ходил вприсядку, сняв жупан, / И бил гончарную посуду* [Т. 1, с. 46].

Квітень (укр. *квітень*) – рус. *апрель*. Автор обыгрывает созвучность двух этимологически и семантически абсолютно разных лексем. Название месяца *квітень* производно от *kvěť* ‘цвет’, что обусловлено цветением растений в этот месяц [17, с. 418], а *квиты* ‘в расчете’ – от средневеков. латин. причастия *quīētus* ‘свободный от обязательств’ [21, с. 392]. Использование фонетической созвучности выполняет поэтическую функцию, создавая женскую усеченную рифму: *Вот и стужу мы прошли / И с зимою квиты. / Украшенье всей земли – / Щедрый месяц «квітень»* [Т. 1, с. 537].

Лелеками (ф. тв. п. мн. ч. укр. сущ. *лелека*) – рус. *аистами (аист)*. Играя роль культурно-национального маркера (употреблено в одном ряду с русским *аист*), лексема служит для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования, поочередное

использование украинизма и его русского соответствия является «неброским и оригинальным методом пояснения культуры» [1, с. 52]: *И Миколе Платоновичу Бажану даже во сне присниться не могло, что он лишится Днестра, аистов, которых нежно зовут «телеками»...* [СА, с. 148].

Людина (укр. *людина*) – рус. человек. В украинском языке данная единица имеет нейтральную стилистическую окраску, в русском – слово зафиксировано с отрицательной коннотацией: у В. Даля слово *людина* подано с пометой *презр.* [16], в словаре русских говоров – *унич.* [18, с. 242]. Поэтому украинское *людина* играет роль речевой характеристики персонажа и выполняет функцию своего рода «опознавания» его культурно-национальной принадлежности: *Поэт поднялся с паном рядом. // И, стиснувши три перста, / Сказал он: «Я польщен. Одначе, / Мий пан, людина я проста, / Прошу прийняти полпальця сдачи!»* [Т. 1, с. 47].

Робив (укр. *робив*, ф. ед. ч. м. р. прош. вр. укр. глагола *робити*) – рус. *работал (работать)*. Перемежающиеся русско-украинские лексические единицы представляют собой выразительную речевую характеристику персонажа, позволяют идентифицировать его по национальному признаку, учитывая при этом специфику языковой личности: *«Робив я три года в Московській гостиниці «Якор», / В готелі «Європа», був поваром у генерала»* [ЗМО, с. 82].

Та – рус. *и*. Употребление украинского союза *та* служит для создания речевой характеристики персонажа: *«А хто з малолетства не любить французську кухню, / Тому приготую – котлети та борщ український»* [ЗМО, с. 83].

Хатиною (ф. тв. п. ед. ч. укр. сущ. *хатина*) – рус. *хатой, избой (хата, изба)*. Данное слово выполняет функцию акцентуации коммуникативно значимого элемента, чему способствует и украинская огласовка лексемы *хатына* (ср. рус. диал. дон. *хатина* ‘глинобитный дом’ [13, с. 554]). Благодаря этому становится понятно, что речь идет об освобождении именно украинской земли от захватчиков: *...поползати на животі по взрхленному снігу, покуда вночі, хатына за хатиною, тополя за тополією, село за селом, не воротим ми цю многотрадальну землю обратно* [СА, с. 148].

Хмарыны (укр. *хмарини* – ф. мн. ч. сущ. *хмарина*) – рус. *облачка (облачко)*. Словарь русского языка подает слово *хмарина* с пометой *обл. и в речи украинца* [19, т. 17, стлб. 238]. Использование самой лексической единицы и ее украинской огласовки способствует, на наш взгляд, более яркому выражению коммуникативной цели (выступает элементом пейзажной зарисовки донбасской степи):

Замолкли орудья. Упали студёные росы, / И легки хмарыны и сызый туман прыдолыны. / А ночь холодна, глубока, как алчевская шахта [ЗМО, с. 86].

Цибули (укр. *цибулі* – ф. р. п. сущ. *цибуля*) – рус. *лука (лук); немае* (укр. *немає*) – рус. *нет*. Словарь русского языка подает слово *цибуля* с пометой *в речи украинца и обл.* [19, т. 17, стлб. 678]. В тексте лексема употребляется с поэтической целью (сохранение стихотворного размера) и для речевой характеристики персонажа, как и слово *немае*: «*Да я вам, ребята, готов бы обед приготовить, / Так кожну картоплю и горстку квасоли считаю, / Укропу, петрушки, цибули и перцу немае. / Какое меню – ци солдатские, каша сухая?*» [ЗМО, с. 82].

Як – рус. *как*. Украинизм-союз используется в составе вставных предложений для речевой характеристики: «*Мечта Карла Маркса, як пишет в газэти Шапиро...*» [ЗМО, с. 82]; создания эмоционально-экспрессивного фона и, в определенной степени, локального колорита повествования: *Как даже самых сварливых мирила / Быстро, як кажуть украинцы: «в мить». / Борщ в полведерной кастрюле варила, / Чтoб человечество все накормить* [ЗМО, с. 277].

2. Фонетические украинизмы.

Слова этой подгруппы интертекстуальных вкраплений функционально выступают как элементы речевых характеристик персонажей, (преимущественно из стихотворения «Четыре песни и славном городе Луганске» [ЗМО, с. 45–87]), служат для создания локального колорита, эмоционально-экспрессивного фона повествования:

бисова (укр. *бісова*) – рус. *бесова*: *И сам командир, задремавший над картой похода, / Сказал адъютанту: «Светаёт. Вот бисова песня!» / Так двигались семь человек музыкантской команды...*;

буде (укр. *буде* – ф. ед. ч. 3-го л. буд. вр. глагола *бути*) – рус. *будет (быть)*, **прийде** (укр. *прийде* – ф. ед. буд. вр. глагола *приходити*) – рус. *придет (приходить)*: «*И буде коммуна, и прийде счастливое врэмья...*»;

газэта (укр. *газета*) – рус. *газета*, **пишет** (ф. 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *писати*) – рус. *пишет (писать)*: «*Мечта Карла Маркса, як пишет в газэти Шапиро...*»;

в готели (укр. *в готелі*) – рус. *в отеле*, **з** (укр. предлог) – рус. *с*, **в Московській** (укр. *московській*) – рус. *в московской*, **обид** (укр. *обід*) – рус. *обед*; **пишов** (укр. *пішов* – ф. муж. р. ед. ч. прош. вр. глаг. *іти*) – рус. *пошёл (пойти)*, **(на) царському** (ф. пр. п. укр. прилагат. *царський*) – рус. *(на) царском (царский)*: «*Робыв я три года в Московській гостыныце „Якор“, / В готели „Европа“, был поваром у генерала / И всякие блюда готовил: но только /*

Узнал я, что сын мой загынув на **царському фронти**, / **Пишов** я в кабак и пропил генеральские гроши...»; «**Сготовлю** обид вам в **московській** гостынище „Якор“. / Бульон ля франсэ и бефстроганов з мелкой картошкой»;

зломали (ф. мн. ч. 3-го л. прош. вр. укр. глагола зламати) – рус. сломали (сломать), **нэ** (укр. не) – рус. не; **що** (укр. [шчо]) – рус. что [што], **сбудуться** (ф. 3 л. мн. ч. буд. вр. укр. глагола збутися) – рус. сбудутся (сбыться): «Позвали меня к генералу, / Они волновались и топали грозно ногами, / Кричали, **що** хаму на кухни у пана **нэ** мисто, / **Що** кушали гуся и зубы вставные **зломали**»; «Пока у котли закипает перловая каша, / Я думаю часто, **що сбудуться** наши надежды»;

картоплю (ф. вин. п. укр. сущ. картопля использовано вместо картоплину, нормативного варианта для обозначения единичного предмета из множества) – рус. картофелину (картофель), **квасолі** (ф. род. п. укр. сущ. квасоля) – рус. фасоли (фасоль), **кожну** (ф. вин. п. ж. р. укр. местом. кожний) – рус. каждую (каждый): «Да я вам, ребята, готов бы обед приготовить, / Так **кожну картоплю** и горстку **квасоли**читаю, / Укропу, петрушки, цибули и перцу немає. / Какое меню – **ици солдатские**, каша сухая?»;

несмачный (укр. несмачний) – рус. смáчный, разг. ‘вкусный, аппетитный’ [19, т. 13, стлб. 1334]: Толкует с ребятами, кашу солит осторожно. / – Вы крутите носом и часто ругаетесь, хлопцы: / То борщ **несмачный**, то перловая каша сухая [ЗМО, с. 81–82];

легки (укр. легкі – ф. мн. ч. прилагат. легкий) – рус. лёгкие (лёгкий); **придолыни** (укр. при долині) – рус. при долине, **сызый** (укр. сизий) – рус. сизый: Замолкли орудья. Упали студеные росы, / И **легки** хмарыны и **сызый** туман **придолыни**. / А ночь холодна, глубока, как алчевская шахта [ЗМО, с. 86]. Фрагмент, на наш взгляд, содержит реминисценцию украинской народной песни «Туман ярм, туман долиною, / За туманом нічого не видно...»;

мий (укр. мій) – рус. мой, **одначе** (укр. одначе) – рус. однако, **прийнять** (укр. прийняти) – рус. принять: ...Поэт поднялся с паном рядом. // И, стиснув дулю в три перста, / Сказал он: «Я польщен. **Одначе**, / **Мий** пан, людына я проста, / Прошу **прийнять** полтальца сдачи!» [Т. 1, с. 47];

Микола (укр. Микола) – рус. Николай: И травинки далеко / Различимы в поле. / И стихи писать легко Бажану **Миколі** [Т. 1, с. 537]; И **Миколі** Платоновичу Бажану даже во сне присниться не могло, что он лишится Днепра, аистов... [СА, с. 148];

тры (укр. числ. три) – рус. числ. три, **фрыц** (укр. фриць) – рус. фриц: «Сегодня забито **тры фрыца**» [СА, с. 222];

шабля (укр. *шабля*) – рус. *сабля*: «В другое время я бы не выпрашивал у него леса для новых рамок, а вынул бы **шаблю** и поговорил с ним по-своему...» [СА, с. 39].

Лексическую единицу **грóши**, по нашему мнению, следует отнести к особой группе заимствований, поскольку помимо фонетического (точнее – акцентологического), прослеживается семантическое различие: **грóши** (укр. *гроші*) ‘металлические и бумажные знаки, которые являются мерой стоимости при купле-продаже’ [15, с. 199] – рус. *гроші* ‘очень маленькая сумма денег’ [12, т. 4, с. 420]. В тексте данное слово выполняет функцию культурно-национального маркера: *Отвечает им донецкий мастер: /– Я готов принять любую кару. / Вы хотите взять меня деньгами, / А на черта грóши сталевару?* [Т. 1, с. 127].

3. Украинские грамматические формы. В эту подгруппу входят интертекстуальные вкрапления различного характера:

– лексема, имеющая отличие в грамматической категории рода: **топóлю** (ф. тв. п. сущ. ж. р. *топóля*) – рус. *тополем* (тополь, м. р.): *...поползать на животе по взрыхленному снегу, покуда вновь, хатына за хатыною, топóля за топóлю, село за селом, не воротим мы эту многострадальную землю обратно* [СА, с. 148] – данное слово выполняет функцию акцентуации коммуникативно значимого элемента, чему способствует и украинская огласовка однородного дополнения (хатына);

– интертекстемы в форме пр. п. имен существительных ж. р. 1 скл. и м. р. 2 скл. с окончанием *-и*, нормативным в украинском языке, вместо окончания *-е*, нормативного в русском языке, что выполняет роль культурно-образовательного и языкового идентификатора персонажа: «Кричали, що хаму **на кухні** у пана нэ мисто»; «Мечта Карла Маркса, як пишет **в газети Шاپиро...**»; «Узнав я, что сын мой загинув **на царському фронті**»; «Пока у котли **закипає перлова каша...**» [ЗМО, с. 82];

– имя существительное в ф. зв. п., отсутствующего в современном русском языке и нормативного в украинском языке, позволяет создать речевую характеристику персонажа, а также провести его культурно-национальную идентификацию: «Ну, **кумэ**, не журишь, – отвечал Бобров, – попробуем исправить ошибку» [СА, с. 83].

К этой подгруппе относим и словообразовательный украинизм **забито** (укр. *за-бито*) – рус. *у-бито*: «Сегодня **забито** *тры фрыца*» [СА, с. 222], который позволяет создать фрагмент речевой характеристики персонажа, а также провести его культурно-национальную идентификацию.

4. Особую подгруппу составляют лексические единицы с фонетическими признаками просторечной смеси русского и

украинского языков (в данном случае – так называемого суржика). Суржик состоит из «русизмов» и взаимной «кальки». По мнению исследователей, суржик образовался в среде сельского населения в результате смешения украинских говоров с русским разговорным языком. Как правило, грамматика и произношение остаются украинскими, в то время как значительная часть лексики заимствована из русского, при этом доля заимствований варьируется в зависимости от образования и жизненного опыта носителя [10, с. 111]. В литературных произведениях единицы с признаками суржика используются для речевой характеристики персонажа, репрезентации его культурно-образовательного портрета: *гостыныця* – рус. *гостиница*: «Робыв я три года в Московської *гостыныце* „Якор“...»; *время* – рус. *время*: «И буде коммуна, и прыйде счастливое *врэмья*...»; *мисто* – рус. *место*. Употребленное слово *мисто* (в украинском языке *місто* ‘город’ – *місце* ‘место’) нужно считать фонетическим искажением русского *место*: «Позвали меня к генералу, / Оны волновались и топали грозно ногами, / Кричали, що хаму на кухні у пана нэ *мисто*...»; *оны* (укр. *вони*) – рус. *они*: «Позвали меня к генералу, / *Оны* волновались и топали грозно ногами...»; *якор* (укр. *якір*) – рус. *якорь*: «Робыв я три года в Московської *гостыныце* „Якор“...»; «Сготовлю обид вам в московської *гостыныце* „Якор“»; *французькую* (укр. *французську*) – рус. *французскую*: «А кто з малолетства не любит *французькую* кухню...» [ЗМО, с. 82–83].

В *развернутом контексте* рассматриваем интертекстуальные вкрапления, представленные фразами-репликами персонажей, что создает локальный колорит, в определенной степени выполняет функцию экзотизации: «*Анисивна, чи нема в тебе кадочки? Будь ласка, позичь мені*» [СА, с. 59], в украинской нормативной орфографии: «*Анісівно, чи нема в тебе кадочки? Будь ласка, позич мені*» – рус. «*Анисиевна, нет ли у тебя кадочки? Пожалуйста, одолжи мне*»; «*Бачь, як воно співає*» [СА, с. 432], в украинской нормативной орфографии: «*Бач, як воно співає*» – рус. «*Смотри, как он поёт*».

Таким образом, рассматривая украинизмы, использованные в произведениях Михаила Матусовского, как проявление интертекстуальности, можно утверждать следующее:

1) интертекстуальные украинские вкрапления представлены в творчестве писателя в контексте минимальном (в пределах словосочетания) и развернутом (в рамках предложения / высказывания);

2) группу минимального контекста составляют лексические, фонетические и грамматические украинизмы; развернутого –

фразы-реплики персонажей, литературная «дислокация» которых связана с южными районами;

3) особую группу интертекстом из произведений М. Матусовского составляют лексические единицы с фонетическими признаками просторечной смеси русского и украинского языков (так называемого суржика), использованные для речевой характеристики персонажа и репрезентации его культурно-образовательного портрета;

4) интертекстуальные украинские вкрапления выполняют различные функции: служат культурно-национальными маркерами; используются для культурно-национальной идентификации персонажей; употребляются для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования; отражают особенности локального колорита; являются поэтическими средствами создания рифмы.

ИСТОЧНИКИ

ЗМО – Матусовский М. «Земля моих отцов – Донбасс». Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – М.: Репаблика, 2011. – 304 с.

СА – Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). – Луганск: ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.

Т. 1 – Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни / М. Матусовский. – М.: Худ. лит., 1982. – 639 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина И. Украинское заимствование в русском художественном тексте конца XIX – начала XX вв. как путь обогащения лексического фонда русского литературного языка / И. Аникина, Т. Полякова // Актуальні питання гуманітарних наук. – 2020. – Вип 27. – Т. 1. – С. 46–54.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
3. Верёвкина Ю. Украинизмы в произведениях Валентина Овечкина / Ю. Верёвкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 11–22. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-1-94-1
4. Виноградов В.В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление / В.В. Виноградов // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: сборник

- статей; Редкол.: В.Г. Костомаров (отв. ред.) и др.; МАПРЯЛ: Науч.-метод. центр рус. яз. при МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 13–22.
5. Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.Н. Золотухина. – Киров, 2009. – 26 с.
 6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
 7. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
 8. Савченко А.В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект / А.В. Савченко // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 1105–1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124.
 9. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: Монография / К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.
 10. Скварча О.Н. К вопросу о психолингвистических и социальных аспектах употребления суржика / О.Н. Скварча // Конотопський краєзнавчий збірник. – 2013. – Вип. I. – С. 110–116.
 11. Смолина А.Н. Интертекстуальность и особенности ее реализации в духовном письме-поучении / А.Н. Смолина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2020. – № 2. – С. 43–52. DOI: 10.37482/2227-6564-V005.

СЛОВАРИ

1. Большой академический словарь русского языка в 30 томах / под. ред. К.С. Горбачевича, А.С. Гердта и др. – М.; СПб.: Наука. – Т. 4. – 2006. – 677 с.; Т. 7. – 2007. – 728 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравнит. языкознания. – М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003. – 608 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: Перун, 2003. – 1440 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192> (дата обращения 12.01.2021).
6. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / Редкол. О.С. Мельничук (голов. ред.) та ін. – Т. 2. – К.: Наук. думка, 1985. – 571 с.
 7. Словарь русских народных говоров: Вып. 17 / гл. ред. Филин Ф.П. – Л.: Наука, 1981. – 384 с.
 8. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / ред. В.И. Чернышов. – М. – Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 5. – 1956. – 1918 стлб.; – Т. 13. – 1962. – 1516 стлб.; – Т. 17. – 1965. – 2126 стлб.
 9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения 12.01.2021).
 10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. / П.Я. Черных. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.

АННОТАЦИЯ

Дьякова Т. А. Украинизмы как проявление интертекстуальности в произведениях Михаила Матусовского

В статье рассмотрены украинизмы из произведений М. Матусовского как проявление интертекстуальности. Проанализированы лексические, фонетические, грамматические группы интеретекстем. Отмечается, что украинские заимствования выполняют различные функции: служат культурно-национальными маркерами; используются для культурно-национальной идентификации персонажей; употребляются для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования; отражают особенности локального колорита; являются поэтическими средствами создания рифмы; применяются для речевых характеристик персонажей.

Ключевые слова: интертекстуальность, украинизм, лексическая единица, контекст, речевая характеристика, рифма, локальный колорит, культурно-национальная идентификация.

SUMMARY

Diakova T. A. Ukrainisms as a manifestation of intertextuality in the works of Mikhail Matusovsky

The article examines Ukrainianisms from the works of M. Matusovsky as a manifestation of intertextuality. The lexical, phonetic, and grammatical groups of interetext are analysed. It is

noted that Ukrainian borrowings perform various functions: they serve as cultural and national markers; are used for cultural and national identification of characters; are used to create an emotionally expressive background for the story; reflect the peculiarities of local colour; are poetic means of creating rhyme; are used for speech characteristics of characters.

Key words: intertextuality, Ukrainianism, lexical unit, context, speech characteristics, rhyme, local colour, cultural and national identification.

*Н. А. Жихарева,
Д. С. Мухина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367.32

**ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТНИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
КАТЕГОРИИ «МЕЛИОРАТИВНОСТЬ»
И «ПЕЙОРАТИВНОСТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ДРАМ XXI ВЕКА)**

Язык играет в нашей жизни очень важную роль. На самом деле, было бы трудно представить себе жизнь без способности общаться. При этом мы редко задумываемся о роли и влиянии конкретной системы символов, которую мы используем ежедневно. Язык, будучи фундаментальной парадигмой, отражает и влияет на все наши мысли, модели поведения, тактики и стратегии общения, социальные нормы. Он воплощает в себе национальную специфику менталитета, которая передается с помощью речи. На эту взаимосвязь между языком и речью указал швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр: «Без сомнения, оба эти предмета тесно между собою связаны, и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понята и производила свое действие; речь же в свою очередь необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку» [3, с. 368].

Речь, которую мы погружаем в жизнь, представляет собой дискурс. В настоящее время принято считать, что дискурс – это текстовое явление социокультурного характера и текст является особой реализацией определенного дискурса (коммуникации). Контекст, в который встроен дискурс, всегда предполагает коммуникативные отношения между говорящим и слушателем, и именно это практическое отношение определяет условия для его

создания. Данные коммуникативные отношения представляются в форме диалогической речи. Диалог же, будучи формой и выражением дискурса, представляет способ обмена речевыми высказываниями между участниками процесса общения. Однако его суть, например, в драматическом дискурсе – это нечто большее, чем просто словесные выразительные средства персонажа, – это раскрытие этнического и эмоционально-экспрессивного характера героя и автора.

Драма – это нечто большее, чем диалог, где он используется в качестве драматического ресурса; в драме его механика играет фундаментальную роль. Он имеет широкий спектр возможных вариантов интерпретаций. Диалогическая речь – это форма, в которой стилистическое разнообразие национального языка находит свое реальное существование. Речь является особым видом коммуникации и обладает рядом определенных лингвистических характеристик. Эти специфические особенности объясняются исключительными условиями и целями общения.

Именно дискурсивный уровень драмы – диалогический обмен несущими информацию высказываниями, который в то же время представляет собой форму взаимодействия сам по себе, – наиболее непосредственно присутствует для читателя/зрителя. Таким образом, диалог в драматическом дискурсе следует рассматривать как сложное устройство, которое создаёт новый мир, а не отражает уже существующий.

Диалог персонажей драматического произведения состоит из набора дискурсивных актов. *Дискурсивный акт (ДА)* – единица речевого действия, включенная в интеракцию и представляющая собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями [6, с. 103].

Дискурсивные акты являются социально-конститутивными во многих отношениях. Во-первых, они играют решающую роль в возникновении и производстве определенных социальных условий. Таким образом, дискурсивные акты могут служить основой построения национальной идентичности. Во-вторых, они могут увековечивать и воспроизводить определенный социальный статус. В-третьих, они способствуют трансформации данного статуса согласно речевой ситуации.

А. Н. Приходько выделяет следующие типы дискурсивных актов [6]:

1) *офферативные* (просьба, требование, уговаривание, предложение);

2) **конформативные и нонконформативные** (согласие/несогласие, одобрение/неодобрение, похвала, отказ);

3) **аккузативные** (обвинение, осуждение, укор, претензия, возмущение);

4) **апологетные** (оправдание, извинение, покаяние, прощение);

5) **дидактические** (совет, поучение, намек).

В силу своей специфики драма как художественная литература особого рода, можно сказать, строится на речи героев, как с положительной, так и с отрицательной окраской. Если учесть, что драматургический образ по сравнению, например, с эпическим или лирическим образом обладает большей определенностью и «отражает наиболее острые и определившиеся, назревшие противоречия жизни» [8, с. 390], то соответственно возрастает и нагрузка, которую несет каждая реплика драматургического дискурса [9].

Драматическое произведение вбирает в себя целый комплекс, систему цепочек речевых актов различных типов: перформативов, вердиктивов, экзерситивов, комиссивов, бехабитивов, экспозитивов, которые в свою очередь формируют структуру офферативных, конформативных и нонконформативных, аккумулятивных, апологетных и дидактических дискурсивных актов (далее – ДА).

Одним из наиболее важных компонентов этнического стереотипа в языке является его эмоциональная окраска, отражающая отношение говорящего к предмету высказывания. В драме диалог и ДА передают данную эмоционально-экспрессивную окраску. Эмоциональный компонент стереотипа колеблется между двумя полюсами – положительным, т.е. мелиоративным, и отрицательным, т.е. пейоративным [5, с. 94].

Согласно определению О. С. Ахмановой, термин «мелиоративный» означает в лингвистике «обладающий положительным экспрессивно-эмоционально-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение» [1, с. 226]. Следовательно, мелиоративный корпус состоит из единиц, выражающих положительное эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату. Экспрессивно-эмоционально-оценочный оттенок одобрения определяется положительной эмоционально-оценочной идеей, которая заложена в понятийном содержании слова-обращения.

Мелиоративно-оценочные единицы призваны создавать соответствующий им эмоциональный отклик, настраивать адресата на ответную положительную реакцию. Именно эмоции,

намеренно вызываемые у адресата, являются искомыми при анализе корпуса мелиоративно-оценочных единиц.

Пейоративность в данном случае выступает противоположной категорией; под пейоративным мы понимаем неодобрительное, уничижительное, оскорбительное отношение к объекту высказывания [5, с. 95].

Интенсивность и направленность категорий мелиоративности и пейоративности всецело подчинены выполняемым ими функциям в рамках субъектно-объектных отношений. Экспрессивная функция имеет прагматическую направленность: воздействовать на адресата в необходимом направлении, ободрить, вызвать доверие или унизить и оскорбить.

С целью определения превалирования категории мелиоративности или пейоративности в русском языке, и дабы охарактеризовать национальный характер XXI века, были проанализированы дискурсивные акты 3-х драматических произведений современных драматургов: Е. Исаевой «Двор как уходящая натура» (2002 г.), И. Вырыпаева «Валентинов день» (2007 г.), В. Сигарева «Пластидин» (2000 г.).

Для выявления экспрессивной направленности речевого взаимодействия персонажей XXI века методом сплошной выборки был произведен количественный анализ употребления типов дискурсивных актов трёх произведений (одинаковых по объёму) в размере 28 тыс. печатных знаков. К категории «мелиоративность» относятся следующие ДА: конформативные, апологетные, офферативные; категорию «пейоративность» раскрывают неконформативные, аккумулятивные, дидактические ДА (таблица 1).

Таблица 1

Тип дискурсивного акта	Е. Исаева «Двор как уходящая натура» (2002 г.)	И. Вырыпаев «Валентинов день» (2007 г.)	В. Сигарев «Пластидин» (2000 г.)
офферативный	5	5	5
конформативный	3	1	2
неконформативный	4	4	3
аккумулятивный	19	6	14
апологетный	1	0	1
дидактический	4	3	3

На основе полученных данных из трёх драматических произведений XXI века, было выявлено процентное соотношение употребления ДА двух категорий, а именно: 72,3% (60 ДА) – ДА

категории «пейоративность»; 27,7% (23 ДА) – ДА категории «мелиоративность». Наиболее частотным ДА во всех трёх драмах является аккузативный ДА – 47% (39 ДА), например:

1) **ВТОРАЯ.** Я евовную одежудо возьму?

ПЕРВАЯ. *Еще чего! Пропить.* У меня еще внуки есть. Им будет.

ВТОРАЯ. *А я че, никто уже?*

ПЕРВАЯ. *Никто.*

ВТОРАЯ. Я – мать!

ПЕРВАЯ. *Говно ты, а не мать! Таким матерям матки надо вырезать сразу.*

ВТОРАЯ. Так че, не отдашь, что ли?

ПЕРВАЯ. *Не отдам. Иди давай отсюда. Не позорь. Срамота.*

ВТОРАЯ. Я на кладбище еще поеду.

ПЕРВАЯ. *Да што ты? И в столовую?*

ВТОРАЯ. И в столовую. Имею право.

ПЕРВАЯ. *Попить на халяву?*

ВТОРАЯ. Помянуть.

ПЕРВАЯ. *Ну, помяни, помяни. (Пошла.)*

ВТОРАЯ (*догоняет*). Так че, не отдашь одежудо?

ПЕРВАЯ. Не отдам.

ВТОРАЯ. Не отдашь, да?

ПЕРВАЯ. *Отстань, шалава!*

ВТОРАЯ. *Я в суд на тебя подам. (Вдруг кричит). Ты его угробила, ведьма! Ты! Я знаю! Сука старая! Ведьма! Ты! Ребенка моего единственного угробила! Ты! (Падает, плачет.)* [7, с. 2].

2) **МИЛА.** (Коле). А у тебя своего дома нету?

КОЛЯ. Я бы всё-таки попросил обращаться ко мне на «вы».

МИЛА. (Глядя ему в глаза). Подумайте, какие церемонии.

КОЛЯ. *Нет. Это никуда не годится. Где вы воспитывались?* [4].

3) **ВАЛЕНТИНА.** Катя, послушай меня.

КАТЯ. Ну, так мы продолжаем, вроде.

ВАЛЕНТИНА. Катя, посмотри на меня. Я хочу, чтобы ты услышала, то, что я сейчас скажу. Слышишь?

КАТЯ. *Ну, так я слушаю, вроде.*

ВАЛЕНТИНА. *Я тебя ненавижу, Катя.*

КАТЯ. *Ну, так и я тебя.*

ВАЛЕНТИНА. *Я тебя ненавижу! Ты мерзкое, ничтожное существо.*

КАТЯ. *Ну, так и ты такая же.*

ВАЛЕНТИНА. *Ты урод, и всегда была уродом. Ты сломала мою жизнь, и жизнь человека, которого я любила. Ты нищая, спившаяся старуха! Я видеть тебя не могу! Сейчас же иди вон из*

моей комнаты. И вообще уходи – из квартиры и из моей жизни. Слышишь, – вон из моей жизни!

КАТЯ. Это моя квартира и моего покойного мужа.

ВАЛЕНТИНА. Нет, это моя квартира! Я ее купила вместе с вещами, которые ты пропивала.

КАТЯ. Ну, тогда я уйду отсюда.

ВАЛЕНТИНА. *Убирайся!*

КАТЯ. *Дрянь.*

ВАЛЕНТИНА. *Что ты сказала?!*

КАТЯ. *Дрянь, ты* [2, с. 2].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, о том что, в современном языке человека и его национальном характере превалирует неодобрительное, уничижительное, оскорбительное отношение к объекту высказывания, что и стремятся показать авторы проанализированных драматических произведений. Данный результат логичен, поскольку взаимоотношения и коммуникация людей в современном мире, к сожалению, принимает всё более отрицательный, конфликтный, агрессивный характер.

Однако проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективы развития проблематики настоящего исследования могут быть связаны с дальнейшим изучением данных категорий на материале драматических произведений других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Вырыпаев И. А. Валентинов день [Электронный ресурс] / И. А. Вырыпаев. – 2007. – 11 с. – Режим доступа : <https://libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/149532-ivan-vyrypaev-valentinov-den.html> (дата обращения: 03.05.2021).
3. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2-х ч. / В. А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1964. – Ч. 1 – 466 с.
4. Исаева Е. В. Абрикосовый рай или сказка о женской дружбе [Электронный ресурс] / Е. В. Исаева. – 2002. – Режим доступа : <http://www.isaeva.ru/plays/apricot.html> (дата обращения: 03.05.2021).
5. Николаев С. Г. Семантический параметр мелиоративности / пейоративности как эмоционально-оценочная основа этнических стереотипов в английском языковом сознании / Г. С. Николаев, А. Б. Доля // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 3. – С. 94–98.

6. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А. Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – № 1. – С. 101–122.
7. Сигарев В. В. Пластин [Электронный ресурс] / В. В. Сигарев. – 2000. – 17 с. – Режим доступа : <https://libcat.ru/knigi/poeziya/dramaturgiya/318485-vasilij-sigarev-plastilin.html> (дата обращения: 03.05.2021).
8. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1973. – 464 с.
9. Шыныбекова А. С. Прагматика речевого общения в драме [Электронный ресурс] / А. С. Шыныбекова. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/11_EISN_2010/Philologia/64282.doc.htm (дата обращения: 04.05.2021).

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Мухина Д. С. Отражение современного этнического характера в драматическом дискурсе: категории «мелиоративность» и «пейоративность» (на материале русских драм ХХI века)

В статье рассматриваются такие важные единицы речевой деятельности как дискурсивные акты. Предпринята попытка проанализировать компоненты этнического стереотипа в языке, которые составляют его эмоциональную окраску, отражающую отношение говорящего к предмету высказывания. Эмоциональный компонент колеблется между двумя полюсами – положительным, т.е. мелиоративным, и отрицательным, т.е. пейоративным. Диалог, будучи формой коммуникации, передает данную эмоционально-экспрессивную окраску. Одним из аспектов исследования является анализ выборки дискурсивных актов трёх русских драм ХХI века с целью определения превалирования категории «мелиоративность» или «пейоративность».

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный акт, диалог, мелиоративность, пейоративность.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Mukhina D. S. The reflection of the modern ethnic character in dramatic discourse: the categories of «melioration» and «pejoration» (based on the material of Russian dramas of the XXI century)

The article deals with such important units of speech activity as discursive acts. It presents an attempt to analyse the components of the ethnic stereotype in the language, which make up its emotional colouring, reflecting the speaker's attitude to the subject of the statement. The emotional component fluctuates between two poles –

positive, i.e. meliorative, and negative, i.e. pejorative. Dialogue, being a form of communication, conveys this emotional and expressive colouring. Special regard is given to such aspect of the study as the analysis of the selection of discursive acts of three Russian dramas of the XXI century in order to determine the prevalence of the category «melioration» or «pejoration».

Key words: discourse, discursive act, dialogue, melioration, pejoration.

*Н. А. Жихарева,
Ю. Р. Сиваши
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'371+81'38

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ДЖОНАТАНА САФРАНА ФОЕРА

Актуальность исследования обусловлена малой степенью изученности творчества и особенностей индивидуального авторского стиля американского писателя Джонатана Сафрана Фоера – молодого, но уже успевшего приобрести популярность постмодерниста, романы которого воплотили в себе весь спектр авторских мировоззренческих категорий и образных воплощений. Журнал *Village Voice* дает следующую характеристику Джонатану Фоеру: «Новый тип литературного воина – виртуозный, гениальный, разбивающий сердце».

Объектом данного исследования является индивидуальный авторский стиль Джонатана Сафрана Фоера.

Предметом данной работы является рассмотрение семасиологических особенностей индивидуального авторского стиля писателя.

Среди романов Джонатана Сафрана Фоера, написанных в жанре постмодернизма, такие произведения, как: «Everything is Illuminated» («Все освещено»), «Extremely Loud & Incredibly Close» («Жутко громко и запредельно близко»), «Eating Animals» («Мясо») и, наконец, роман «Tree of Codes» («Древо кодов»), являющийся первой в мире гипертекстовой книгой.

Материалом для данного исследования послужила сплошная выборка объемом в 100 предложений из текста романа «Everything is Illuminated» – первой книги писателя, в которой тема Холокоста получила новую интерпретацию. Через призму нескольких поколений автор пытается переосмыслить трагедию Холокоста с позиции человека двадцать первого века. Джонатан Фоер

сочетает проблему памяти о трагичном прошлом своего народа с проблемой самоидентификации личности в необъятном мире.

Семасиология – одна из основополагающих лингвистических дисциплин. Основоположниками семасиологии были такие лингвисты как В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, О. И. Блинова, А. Н. Мороховский, Р. И. Аванесова, А. А. Потебня, М. М. Покровский, А. И. Томсон, К. С. Аксаков, Л. Ельмслев. Цель семасиологии как науки заключается в установке типологии значений, выявлении общего и различного в семантических структурах языковых единиц, как внутри языка, так и при сопоставлении языков, исследовании лексического инвентаря с целью анализа его формы и содержания. Последнее лежит в основе определенной формы, которая наполнена конкретным значением. Именно это позволяет слову, словосочетанию или предложению выполнять коммуникативно-номинативную функцию и реализовывать философский закон единства и борьбы противоположностей.

Важно отметить, что любой элемент языка содержит определенное значение, но не любое значение языкового элемента может иметь стилистическую значимость. Поэтому в стилистической семасиологии можно выделить выразительные средства (фигуры замещения) и стилистические приемы (фигурысовмещения).

А. Н. Мороховский определяет фигуры замещения (см. рис. 1) как различные способы вторичной номинации. Когда образовывается новое понятие – оно закрепляется в языке, в частности в его словарном составе. Однако каждое новое понятие не может быть обозначено новым словом. Это приводит к широкому распространению и употреблению вторичной номинации [3, с. 163–164].

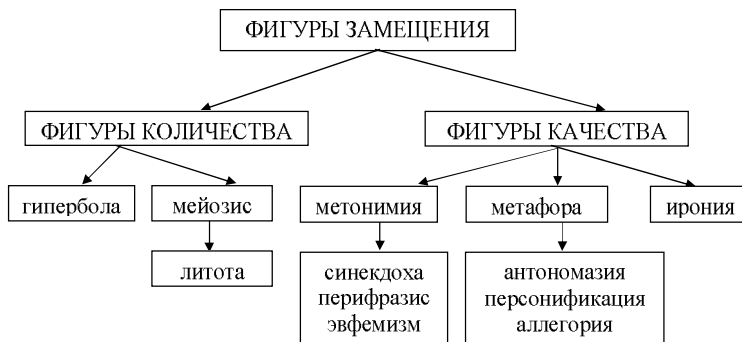

Рис. 1. Фигуры замещения

Фигуры, в основе которых лежит сопоставление двух разнородных предметов с общим для них количественным признаком, относят к фигурам количества [3, с. 164–167].

Гипербола возникает в том случае, если признак приписывается предмету в значительно большей степени, если же в значительно меньшей степени – образуется мейозис и его структурная разновидность – литота.

Гипербола – фигура речи, в основе которой находится преднамеренное преувеличение свойств предмета или явления.

Функции гиперболы:

- 1) усилить выразительность, придать высказыванию эмфатический характер;
- 2) создать сатирический или комический эффект;
- 3) придать речи возвышенный характер;
- 4) придать речи трагический пафос.

Например: “*He will be made a VIP if I have a thing to do with it*” [7, с. 1]. В данном предложении автор употребляет гиперболу для придания ироничной окраски высказыванию, отображающей отношение рассказчика к младшему брату.

Мейозис – фигура, противоположная гиперболе, которая представляет преднамеренное уменьшение свойств объекта/явления.

Литота – фигура количества, отличающаяся от мейозиса содержанием и структурой (обязательным для нее является употребление частицы *not* перед словом с отрицательным значением или отрицательным префиксом). Можно рассматривать литоту как разновидность транспозиции – предложение отрицательное по форме является утвердительным по содержанию. Функции литоты:

- 1) акцентировать внимание читателей на признаках, которые кажутся автору наиболее существенными;
- 2) ослабить положительную характеристику предмета речи;
- 3) передать сдержанность суждения или ироническое отношение говорящего к предмету речи;
- 4) передать осторожность выражения мысли.

В нашей выборке из данного произведения примеры мейозиса и литоты не были обнаружены. Для данного автора использование этих фигур не характерно.

Фигуры, в основе которых лежит сопоставление свойств и качеств двух разнородных объектов с общим для них качественным признаком, называют фигурами качества [3, с. 167].

Метонимия и метафора – универсальные способы переосмысления, перенесения наименования с одного денотата

на другой, но в метафоре перенос наименования происходит по сходству двух объектов, а в метонимии – на основе смежности. Функции метонимии: усиление выразительности; возможность вызывать читательские ассоциации; повышение точности речи; предельно краткое изложение авторской мысли.

Функции метафоры: эмотивно-оценочная; оценочная; номинативная; познавательная [5, с. 48]. Например:

*“It is now evident to me that he will become a very potent and generative man, and that **his brain will have many muscles**”* [7, с. 1]. В данном высказывании метафора используется для создания прямой ассоциации между умственной и физической силой, что придает высказыванию ироничную окраску.

Антономазия – лексико-стилистический прием, разновидность метафорического переноса значения, в котором имя собственное используется вместо нарицательного (*Othello, Don Juan, Romeo, Собакевич* и т.д.) или наоборот, когда нарицательное существительное используется в функции имени собственного. Первый тип характерен для разговорной речи, когда для характеристики применяется своеобразный штамп (*He is a real Romeo!*). Второй тип антономазии применяется в основном в художественной речи. К этому типу относятся так называемые «говорящие имена», которые прямо характеризовали персонажей (у Крылова: *Правдин, Храбрый*), профессию (у Фонвизина: *Цифиркин*) и т.д. [3, с. 179–181]. Например:

*“As for his name, it is Little Igor, but Father dubs him **Clumsy One**, because he is always promenading into things”* [7, с. 1]. В данном высказывании «говорящее имя» Недотепа («Неуклюжина» в пер. В. Арканова) употребляется для отображения отношения одного персонажа к другому, а именно для передачи невысокого мнения отца о своем сыне;

*“It is for you, **Alexi-stop-spleening-me!**”* [7, с. 1]. Функция: выразить одним словом («**Алексий-не-нервируй-меня**» пер. В. Арканова) то, что главный герой нервнрует мать своей расточительностью и что любую новость сына мать воспринимает как помеху собственным планам.

Персонификация – разновидность метафоры, суть которой заключается в наделении абстрактных понятий (грех, любовь, ложь) свойствами и признаками живых существ. Реализуется в определенном контексте, хотя бы минимальном [3, с. 169].

Аллегория – разновидность метафоры, которая используется исключительно в художественной речи и реализуется в целом тексте. Подразумевает иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного образа. Часто используется в баснях и сказках. Функции аллегории:

возможность показать сложное, абстрактное понятие через простой, конкретный образ; донесение идеи в яркой и наглядной форме [3, с. 169–170].

Данные фигуры не были обнаружены в нашей выборке.

Ирония – подразумеваемое несоответствие между тем, что сказано, и тем, что подразумевается. Прием основан на взаимодействии двух логических смыслов: словарного и контекстуального. Иронию можно понимать в двух смыслах – широком и узком. В узком смысле это употребление слова, имеющего позитивную коннотацию, означающую выражение негативной оценки чего-либо. В широком смысле высказывание считается ироничным, если оно свидетельствует о положительном или нейтральном отношении говорящего к какому-либо факту и подразумевает его отрицательную оценку.

Современные теории риторики выделяют четыре типа иронии:

1) вербальную (несоответствие выражения и намерения, когда говорящий говорит одно, но имеет в виду другое, или когда буквальное значение не совпадает с его предполагаемым эффектом);

2) драматическую (несоответствие выражения и осознания, когда слушающий или аудитория понимают то, о чем идет речь, а говорящий или персонаж – нет);

3) ситуативную (несоответствие выражения и результата, когда результат действия противоречит желаемому или ожидаемому эффекту);

4) космическую (когда высшая сила (например, Бог, судьба, Вселенная) вмешивается, чтобы создать ироническую ситуацию. Иначе известная как «Ирония судьбы», эта идея «вмешательства» может быть либо реальной, либо предполагаемой) [5, с. 58–59]. Автор регулярно прибегает к использованию вербальной иронии. Например:

*“This **does not** disquiet me, because my stomach is very **strong**, even if it appears very **fat**”* [7, с. 2]; рассказчик на самом деле имеет в виду, что его беспокоит мысль о том, что он может иметь генетическую склонность к полноте.

*“Mother is a **humble** woman”* [7, с. 1]; вербальная ирония используется для того, чтобы показать, что мать героя совсем не скромная женщина.

*“It is for Jewish people, like the hero, who have cravings to leave that **ennobled** country America and visit **humble** towns in Poland and Ukraine”* [7, с. 2]; ироничный эффект создается за счет использования эпитетов высокого и низкого регистров в одном микроконтексте. Данный прием, на наш взгляд, используется как средство защиты от реальности. Главный герой романа А. Перчов

говорил: «Юмор – это способ укрыться от ужаса и красоты» [7, с. 120].

Эпитет – стилистический прием, в основе которого лежит взаимодействие эмоционального и логического смысла в атрибутивных словах, фразах или предложениях, используемых для характеристики предмета. Эпитет выражает характеристику объекта, как существующего, так и воображаемого. Основная черта: эмоциональность и субъективность (характеристика, придаваемая объекту для его квалификации, всегда выбирается самим говорящим) [5, с. 65].

В. А. Кухаренко выделяет: эмотивные (служат для передачи эмоциональной оценки объекта говорящим) и образные (образуются из метафор, метонимий и сравнений) эпитеты.

По структуре эпитеты подразделяются на:

- 1) простые (single epithets);
- 2) двухкомпонентные (two-step epithets);
- 3) фразовые эпитеты (phrase epithets);
- 4) инвертированные (inverted epithets);
- 5) группа/цепочка эпитетов (chains or strings of epithets) [5, с. 66–67].

Функции эпитетов: акцент на свойствах и признаках изображаемого ими явления, на которые автор хочет обратить внимание читателя, конкретизация явления или его свойств, например:

“I am a very premium person to be with” [7, с. 1]; двухкомпонентный эпитет. Функция: характерологическая. Эпитет позволяет понять отношение персонажа к самому себе, вызвать у представительниц противоположного пола благосклонное отношение;

“I resist complaining about my pygmy allowance” [7, с. 2]; простой эпитет. Функция: выражение крайне негативного отношения говорящего к своему текущему финансовому состоянию;

“I have an aristocratic smile and like to punch people” [7, с. 2]; простой эпитет. Функция: желание привлечь внимание читателя к своим немногочисленным, по мнению рассказчика, достоинствам;

“I am unequivocally tall” [7, с. 2]; двухкомпонентный эпитет. Функция: характерологическая. Рассказчик конкретизирует свою не укладывающуюся в рамки нормы физическую характеристику;

“I have tutored Little Igor to be a man of this world” [7, с. 1]; инвертированный эпитет. Функция: характерологическая. Главный герой раскрывает брату секреты эталона, которому нужно соответствовать;

“He is **an ingenious Jew**” [7, с. 2]; функция: подчеркнуть отношение говорящего к персонажу, выделить характерную черту, подчеркивающую его индивидуальность;

“I have **handsome hairs, which are split**” [7, с. 2]; простой эпитет. Функция: эпитет используется рассказчиком как наиболее позитивный оценочный элемент для акцентирования положительных аспектов своей внешности;

“It is for Jewish people, like the hero, who have cravings to leave that **ennobled** country America and visit **humble** towns in Poland and Ukraine” [7, с. 2]; простой эпитет. Функция: данные эпитеты подчеркивают ироничное отношение героя к существующим стереотипам о международном статусе стран.

Обращает на себя внимание тот факт, что всякий раз при попытке акцентировать внимание читателей на эмотивной и оценочной коннотации определенных элементов рассказчик прибегает к использованию семантически несочетаемых единиц, что позволяет автору создать ироничное звучание всего повествования в целом.

Фигуры совмещения (см. рис. 2) – совокупность стилистических приемов; в данной группе стилистический эффект создается за счет совмещения, комбинации двух или более независимых значений [3, с. 170–171].

М. П. Брандес считает, что «фигуры совмещения уточняют, выделяют, подчеркивают, то есть являются большими средствами образного изображения содержания и меньшими эмоционального выражения» [2, с. 120].

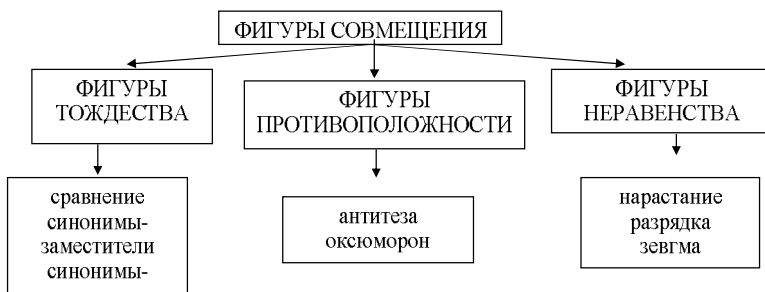

Рис. 2. Фигуры совмещения

Сравнение – стилистический прием, образное сравнение двух непохожих объектов, принадлежащих к двум разным классам. Два объекта сравниваются на основании сходства некоторых качеств. Функции: выразить образное значение, сделать акцент на наиболее значимой характеристике объекта [3, с. 173–174].

Синонимы-заместители – это слова, которые употребляются с целью заменить уже упомянутый объект. Для синонимов-заместителей характерно то, что их можно рассматривать как синонимы только в определенном контексте. Функции: стремление избежать монотонности повтора, достичь большей яркости, выразительности, образности высказывания [3, с. 174–175].

Синонимы-уточнители служат более точной характеристикой предмета, так как каждый синоним выражает какой-то дополнительный оттенок значения [3, с. 175].

Сравнение, синонимы-заместители и синонимы-уточнители в нашей выборке из данного произведения не были обнаружены. Для Джонатана Сафрана Фоера использование этих фигур не характерно.

Антитеза – стилистический прием, который состоит в противопоставлении понятий, характеров, образов, создающий эффект резкого контраста. Функция: контрастная характеристика описываемого явления, средство изображения и характеристики лиц, раскрытие противоречий [3, с. 224], например:

*“It is for Jewish people, like the hero, who have cravings to leave that **ennobled** country America and visit **humble** towns in Poland and Ukraine”* [7, с. 2]. Функция: противопоставить стереотипное отношение к странам.

Оксюморон – сочетание двух несочетаемых по смыслу слов. Функции оксюморона: придать более яркую характеристику, предмета, явления, фактов окружающей жизни, раскрыть противоречивые стороны явления или двойственность состояния, настроения говорящего [3, с. 176–177].

Нарастание – стилистический прием, в котором две или более значимых единиц размещены по принципу возрастающей интенсивности. Чаще всего встречается внутри абзаца, реже внутри одного предложения. Функции: эмоциональное воздействие на читателя, градация последующих высказываний (сделать их важнее, значительнее, существеннее), создание эмоционально-насыщенной, образной характеристики персонажей, событий, обстоятельств, в прямой речи действующих лиц [3, с. 177–178].

Разрядка – стилистическая фигура, противоположная нарастанию, когда слова расположены в порядке ослабления их смыслового и эмоционального содержания. Строится на использовании параллельных конструкций [3, с. 178–179].

Зевгма представляет собой такой способ организации высказывания, при котором одно слово сочетается с двумя или более словами, хотя подходит только к одному из них или имеет различный смысл с каждым [5, с. 53–54].

Данные фигуры в нашей выборке из данного произведения не были обнаружены.

Таким образом, проведенный лингвостилистический анализ произведения «Everything is Illuminated» Джонатана Сафрана Фоера позволяет нам прийти к выводу, что для данного писателя наиболее характерным является:

1) регулярное употребление рассказчиком семантически несочетаемых единиц для имитации речи человека, для которого английский язык не является родным;

2) высокая частотность использования случаев вербальной иронии с целью облегченной интерпретации трагичной темы Холокоста;

3) использование разных по структуре эмотивных эпитетов и «говорящих имен» для передачи субъективной, индивидуальной характеристики персонажей от лица рассказчика.

В перспективе дальнейшего исследования – анализ особенностей авторского стиля на уровне синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – [3-е изд.]. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М. : Высшая школа, 1990. – 320 с.
3. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка : учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Выща шк., 1991. – 272 с.
4. Пекарская, И. В. Силлепс, снятие, солецизм, зевгма, анаколуп (к проблеме терминологической точности в системе стилистических фигур) // Речевое общение : Вестник Российской риторической ассоциации / под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 1 (9). – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2000. – С. 67–77.
5. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics : учеб. пособие / В.А. Кухаренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 184 с.
6. Учебно-методическое пособие по учебной дисциплине «Стилистика»: для студентов IV курса ОУ «Бакалавр» по направлению подготовки 45.03.01 ФИЛОЛОГИЯ (Профиль: Зарубежная филология (англ. яз. и лит.; нем. яз. и лит.; фр. яз. и лит.; исп. яз. и лит.) / автор и сост. Н. А. Жихарева. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. – 204 с.
7. Everything is illuminated [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <https://bookfrom.net/jonathan-safran->

foer/34209everything_is_illuminated.html (дата обращения: 27.12.2020).

8. Smith, R. A Glossary of Terms in Grammar, Rhetoric, and Prosody for Readers of Greek and Latin / R. Smith. – Mundelein : Bolchazy Carducci Pub, 2011. – 152 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Сиваш Ю. Р. Семасиологические особенности авторского стиля Джонатана Сафрана Фоера

В статье освещаются индивидуальные особенности авторского стиля американского писателя Джонатана Сафрана Фоера. Основное внимание уделяется изучению стилистических приемов и выразительных средств, используемых в книге «Everything is illuminated». При помощи лингвостилистического анализа выделены наиболее характерные семасиологические особенности авторского стиля Джонатана Фоера.

Ключевые слова: семасиология, стилистические приемы, выразительные средства, ирония, эпитеты, антономазия, метафора, гипербола.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Sivash J. R. Semasiological features of the author's style of Jonathan Safran Foer

The article highlights the individual features of the author's style of Jonathan Safran Foer, an American writer. The main focus of this article is on the study of the stylistic devices and expressive means used in book «Everything is Illuminated». The most characteristic semasiological features of the author's style of Jonathan S. Foer were revealed with the help of linguo-stylistic analysis.

Key words: semasiology, expressive means, stylistic devices, irony, epithets, antonomasia, metaphor, hyperbole.

*Н. А. Жихарева,
Е. П. Яковлева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367.32

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОРИЕНТИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политический дискурс представляет собой вербальное и невербальное коммуникативное взаимодействие оппонентов по поводу политических идей, событий, мнений, оценок

с целью достижения определенных политических целей. Как утверждает Е. С. Кубрякова, «по своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода, с созданием новых знаний» [3, с. 3-10]. Коммуникативный аспект дискурса является наиболее исследованным. В настоящее время особое внимание исследователи уделяют анализу взаимосвязи функционирования языка с экстралингвистическим контекстом и прагматическими установками субъектов дискурсивной деятельности. С точки зрения дискурс-ориентированного когнитивного подхода к основным процессам когнитивной деятельности относятся процессы интерпретации и распределения внимания. В основе дискурсионной когнитивной деятельности лежит переработка информации, которая воспринимается, осмысливается, оценивается и используется субъектами политического дискурса. Политический дискурс является многоуровневой структурой и реализуется на семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях. С точки зрения когнитивного подхода политический дискурс представляет собой иерархию составляющих, объединенных прагматическими намерениями автора в определенной ситуации. Способами организации знаний в политическом дискурсе являются когнитивные механизмы, которые функционируют на различных уровнях языковой системы в качестве различных речевых средств и играют структурирующую роль при формировании концептуального содержания. На лексическом уровне когнитивные механизмы обуславливают формирование системы концептов и номинаций, которые являются основным языковым механизмом данного уровня. В результате слово как основная единица номинации фиксирует знание о свойствах, признаках и характеристиках предмета или явления. Номинативный компонент языка включает два основных субкомпонента — словарный и словообразовательный. На морфологическом уровне функция репрезентации когнитивных механизмов заключается в понятийно-логическом осмыслении мира, логическом структурировании мира, создании модели его системного логического и языкового видения [2, с. 27]. К основным когнитивным механизмам данного уровня относятся: конкретизация, категориальное обобщение, сравнение, противопоставление. Выбор когнитивных механизмов на синтаксическом уровне определяются прагматическими задачами коммуникантов и представлен различными синтаксическими моделями предложения-высказывания. На этом уровне реализуются коммуникативные стратегии и тактики.

Таким образом, когнитивные механизмы речевого воздействия понимаются как языковые приёмы влияния на сознание, на процесс

принятия человеком тех или иных решений, формирование мнений и оценок политических событий, субъектов, информации; они реализуются на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях языка и обладают сильным персуазивным эффектом.

Коммуникация предполагает использование разного рода когнитивных ресурсов (моделей и фреймов), базовыми элементами которых являются концепты – содержательные оперативные единицы знания [4, с. 14-17], они реализуют важнейшую функцию языка – концептуализацию действительности. Способы концептуализации являются частично универсальными, частично культурно обусловленными. Для активации конкретной области знания адресата в поступающей информации дискурса должны содержаться некие языковые сигналы, а сама речь должна быть структурирована по особым правилам. Эффективным инструментом, объединяющим цели воздействия, убеждения и манипуляции является суггестия, посредством которой адресант имеет возможность проникнуть в подсознание адресата, что максимально способствует завоеванию, использованию и удержанию внимания аудитории и корректировке ее политических установок. Суть действий адресанта сводится к тому, чтобы воздействовать на объект (зрительскую аудиторию), создав информационный контекст, который стимулирует самостоятельное формирование необходимых мыслей и выводов. В политическом дискурсе суггесторы это адресанты, суггеренды – аудитория, на которую оказывается персуазивное воздействие. Цель суггестера – осуществление влияния на аудиторию. Его речь эмоционально насыщена и воздействует на чувства суггеренда, а также апеллирует к его основным ценностям при помощи языковых средств. Суггестор намеренно использует специальные словесные формулы с целью их внедрения в психическую сферу суггеренда, которые впоследствии становятся активными элементами его сознания и поведения. Мы разделяем мнение Р. Блакара, утверждающего, что выразиться «нейтрально» невозможно, так как даже неформальный разговор имеет своей целью «осуществление власти», а именно воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [1, с. 5]. В политическом дискурсе обычно применяется целенаправленная суггестия, выраженная определенными стратегиями, реализуемая при помощи вербальных и невербальных средств. Суггестия лежит в плоскости когнитивно-прагматического аспекта политического дискурса, соответственно, внушение и манипуляция как прагматические установки и инструменты воздействия тесно связаны с когнитивными процессами. Таким образом, к механизмам когнитивного воздействия можно

отнести все когнитивные стратегии, тактики и речевые средства, функционирующие на различных уровнях языка.

По мнению Ч. Ларсона, существует несколько основных когнитивных стратегий: «интенсификация» (intensify) / «дискредитация» или «приуменьшение» (downplay) [6, с. 15-21]. Суть этих стратегий заключается в определении количества и качества информации о каком-либо политическом событии, объекте или субъекте, которая транслируется аудитории. Стратегия интенсификации предполагает преувеличение своих достоинств на фоне достоинств оппонента, в то время как стратегия приуменьшения состоит в минимализации своих недостатков и достоинств оппонента. Существует ряд стратегий ориентирующего воздействия, которые активно применяются в политическом дискурсе. Когнитивная стратегия «интенсификация» чаще реализуется посредством аккузативных дискурсивных актов («обвинение», «осуждение», «претензия», «возмущение», «укор» и «оскорбление»). Аккузативы выражаются в основном при помощи средств косвенной номинации, что характерно как для англо-, так и для русскоязычного политического дискурса. Аккузативный дискурсивный акт «обвинение» является языковым средством, позволяющим преуменьшить достоинства адресата путем негативного оценивания его личности и поступков, выказывания сомнения в наличии патриотизма у соперника, уничтожения его образа жизни, допущения возможности наличия контактов среди сомнительных социально-политических групп, сотрудничества с идеологическим врагом, приверженности определенным взглядам и ценностям. С целью фиксации негативного образа адресата, адресант использует номинации с негативным лексическим значением, словесные ярлыки, выраженные метафорами с негативным оценочным компонентом значения, пейоративами и дисфемизмами.

В. Соловьев: «Стоп... стоп... ну, эту ложь сказал президент вашей страны Дональд Трамп!»

Майкл Бом: «Нет!»

В. Соловьев: «Ну как нет? Дональд Трамп напрямую во время избирательной кампании обвинял своих демократических, политических противников в том, что это их вина» (Вечер с Владимиром Соловьевым от 01.02.18) [7].

В. Соловьев использует прямое обвинение, усиленное применением тактики «дистанцирования» (через противопоставление «свои» и «чужие»).

Когнитивная стратегия, реализующая дискурсивный акт «обвинение», может быть подкреплена речевой агрессией, что

позволяет откорректировать ценностные установки аудитории (ментальные, идеологические, оценочные и т. д.).

В случаях непрямого обвинения адресант использует дейктические и многозначные конструкции. Непрямое обвинение, в отличие от прямого, представляет собой тактику, выражаемую при помощи приемов непрямой коммуникации, в которых указывается на то, что объект обвинения совершил какое-либо негативное действие, или что его действия привели к негативной ситуации. При непрямом обвинении вина может обозначаться гипотетически (по мнению субъекта / третьего лица / множества лиц).

Андрис Лиелайс: До 22 июня 41 года есть только 2 страны, которые расширяли и присоединяли к себе территории...

В. Соловьев ...до 22 июня 41 года есть только 1 страна... (Вечер с Владимиром Соловьевым от 10.05.2017). [8]

Следует учитывать разграничение понятий «обвинение» и «оскорбление». По мнению О. С. Иссерс, оскорбление предполагает намерения унижить, уязвить, выставить в смешном виде. В то время как обвинение оппонентов в речи политических лидеров – это, как правило, обличение, разоблачение или приписывание кому-либо вины [2, с. 284]. Г. В. Кусов утверждает, что «оскорбление» – это иллюкутивный речевой акт, принимающий вид речевого поведения, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или проступке адресата и достигается доминирующее положение личности адресанта [5, с. 27]. Тактика оскорбления представляет собой унижение противника и отличается сильной эмоциональной окраской, которая заменяет использование фактов и доказательств вины оппонента. Г. В. Кусов выдвинул еще одно определение, в котором оскорбление – это такой иллюкутивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления. Эта коммуникативная тактика реализуется посредством таких способов: совет, применение физического или психического насилия (угрозы), хамство, шантаж.

К. Затулин: «У меня долгая память... вы говорили: «Каждой бабе по мужику, каждому мужику по бутылке водки...»

В. Жириновский: «Никогда этого не было!!! Ты лжец и подлец!!!» (Вечер с Владимиром Соловьевым 14.11.2017) [9].

В. Жириновский на слова К. Затулина реагирует крайне агрессивно, угрожая физическим насилием. К. Затулин пытается успокоить В. Жириновского, используя реплики «Хорошо», «Да ради бога», при этом продолжает отстаивать свою точку зрения.

Когнитивная стратегия «переопределение» заключается в

описывании негативного события словами, имеющими более позитивную направленность.

В. Соловьев: «Спекуляция, статья 162 уголовного кодекса РСФСР, и незаконная валютная операция, статья 88 уголовного кодекса...вы были фарцовщиком!!!»

Б. Надеждин: «Я был председателем кооператива». (Вечер с Владимиром Соловьевым от 29.01.18) [10].

Когнитивная стратегия «связывание» заключается в формировании у аудитории позитивного или негативного отношения к политическому событию или объекту. В основе стратегии происходит «связывание» «старого» объекта с уже сформированным к нему отношением со стороны целевой аудитории с новым, к которому формируется отношение, на основе свойств, характеристик, оценок «старого объекта». Таким образом, отношение аудитории проецируется со «старого объекта» на «новый». В основе этой стратегии в качестве объектов могут использоваться разнообразные архетипы, мифы, стереотипы массового сознания и т.п. В качестве положительных ценностей могут быть задействованы: дом, семья, дети, безопасность, здоровье, любовь, счастье, свобода, мир, христианство, демократия. В качестве отрицательных: война, голод, смерть.

Когнитивный прием «навешивание ярлыков» является одним из важнейших и эффективнейших инструментов политического языка, реализующих стратегию дискредитации и используемых с целью опорочить или высмеять противника путем воздействия на чувства и подсознание аудитории.

М. Турчинов: «Как только мы отработаем оперативный и оперативно-тактический уровень, следующий шаг будет беспилотные летательные аппараты стратегического значения, потому что мы должны понимать не только что происходит с Подмоковьем, но и то что происходит на дальнем Востоке, на Камчатке и других регионах страны-агрессора ...» (60 минут. Разорвет ли Украина дипотношения с Россией? от 08.11.17) [11].

В основе когнитивной стратегии «стереотипизация» лежит воздействие на адресата и аудиторию посредством использования речевых стереотипов. Интерпретирование, присвоение и применение информации в политическом дискурсе будет возможным, если ее репрезентация будет доступна, т. е. будет соответствовать когнитивным структурам ориентируемого. В создании речевых стереотипов играют важную роль ключевые слова – слова, которые наиболее распространены в дискуссиях в тот или иной исторический период. Внедрение ключевых слов даже в семантически пустые фразы наделяет эти фразы определенной воздействующей силой и оценочностью. Успех

или эффективность персуазивного речевого воздействия будет определяться в значительной степени тем, насколько точно будет сделан выбор языковых средств, из их большого разнообразия, для осуществления планируемого воздействия.

В связи с растущей ролью влияния средств массовой информации манипулятивное воздействие на общественное сознание и политизация масс становится неотъемлемой частью современной жизни. Соответственно, вопрос о когнитивных аспектах политического дискурса становится как никогда актуальным. Когнитивно-дискурсивный анализ политического дискурса и изучение когнитивных основ производства политического дискурса способствуют осмыслению эффективности использования таких коммуникативных инструментов воздействия, как манипулятивные тактики и стратегии, позволяет выявить как эксплицитные, так и имплицитные интенции политического адресанта.

Таким образом, описанный выше подход дает представление о способах моделирования действительности, речевом воздействии как о неотъемлемой составляющей политического дискурса. Анализ когнитивных механизмов ориентирующего воздействия в рамках политического дискурса является необходимым условием в процессе изучения его содержания и понимания истинных интенций политиков во время публичных выступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) [Электронный ресурс] / Р. М. Блакар. – URL : https://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html (дата обращения: 06.05.2021).
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М., 2008. – 284 с.
3. Кубрякова, Е. С. Вступительное слово к круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете / Е. С. Кубрякова // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. – М., 2000. – С. 3-10.
4. Кубрякова, Е. С. Концептуализация / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 14-17.
5. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: 10.02.19 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кусов Геннадий Владимирович. – Волгоград, 2004. – 27 с.

6. Larson, C. U. Persuasion: Reception and Responsibility / C. U. Larson. – Wadsworth, 2007. – P. 5-21.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

7. Вечер с Владимиром Соловьевым от 01.02.2018. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=dLweb6vrYM> (дата обращения: 06.05.2021).
8. Вечер с Владимиром Соловьевым от 10.05.2017. – URL : <https://yandex.ua/video/search?> (дата обращения 06.05.2021).
9. Вечер с Владимиром Соловьевым 14.11.2017. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=e1-s7keE0qQ> (дата обращения: 06.05.2021).
10. Вечер с Владимиром Соловьевым от 29.01.2018. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=L3l_DsbT5dk (дата обращения: 06.05.2021).
11. 60 минут. Разорвет ли Украина дипломатические отношения с Россией? от 08.11.2017. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=FiwFWF8BH4> (дата обращения: 06.05.2021).

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Яковлева Е. П. Когнитивные механизмы ориентирующего воздействия в политическом дискурсе

Основной задачей в политическом дискурсе является формирование определенной точки зрения адресата путем изменения его убеждений или побуждение к действиям, выгодным адресанту. Осуществление речевого воздействия происходит посредством реализации стратегий и тактик, которые меняют когнитивную сферу адресата, влияют на его систему ценностей, эмоции и волю. Когнитивно-дискурсивный анализ политического дискурса и изучение когнитивных основ его производства способствуют осмыслению эффективности использования таких коммуникативных инструментов воздействия, как манипулятивные тактики и стратегии; позволяют выявить как эксплицитные, так и имплицитные интенции политического адресанта; дают представление о способах моделирования действительности, речевом воздействии как о неотъемлемой составляющей политического дискурса. Анализ когнитивных механизмов ориентирующего воздействия в рамках политического дискурса является необходимым условием в процессе изучения его содержания и понимания истинных интенций политиков во время публичных высказываний.

Ключевые слова: политический дискурс, когнитивные механизмы, стратегия, тактика, суггестия.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Yakovleva E. P. Cognitive mechanisms of orienting influence in political discourse

The main task in political discourse is to form a certain point of view of the addressee by changing his beliefs or encouraging him to take actions that are beneficial to the addresser. The speech influence occurs through the implementation of strategies and tactics that change the cognitive sphere of the addressee and affect his value system, emotions and will. Cognitive-discursive analysis of political discourse and the study of cognitive foundations of its production contribute to understanding the effectiveness of such communicative tools as manipulative tactics and strategies; help to identify both explicit and implicit intentions of the political addresser; give an idea of the ways of modeling reality and speech impact. The analysis of cognitive mechanisms of orienting influence in political discourse is a necessary condition in the process of studying its content and understanding the true intentions of politicians during their public statements.

Key words: political discourse, cognitive mechanisms, strategy, tactics, suggestion.

*Н. А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

**НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ И НЕСООТВЕТСТВИЯ**

Тема ошибок в переводческой деятельности является достаточно интересной не только с практической, но и с научно-методической точки зрения. Анализ, классификация и способы устранения типичных переводческих ошибок способствует качественной подготовке специалистов-переводчиков. Дело в том, что на практике качество перевода определяется путем выявления наличия или отсутствия в переводе конкретных недостатков. Эквивалентным и адекватным считается перевод, который не имеет существенных недостатков (ошибок). Практическое представление переводчика о качестве перевода значительной мере формируется именно через понимание ошибок в переводе [4, с. 78].

А. Д. Швейцер считает, что ошибка – это «необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности» [6, с. 415]. Р. К. Миньяр-Белоручев определяет ошибку «как меру несоответствия перевода оригиналу» [5, с. 208]

Д. М. Бузаджи выделяет следующие виды переводческих ошибок:

- ошибки, связанные с денотативным содержанием текста (немотивированные опущения, добавления, замена на лексическом и лексико-грамматическом уровнях);
- ошибки, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала (отклонение от нормативного или узувального порядка слов, неверный выбор логико-синтаксической связи, при котором страдает прагматика текста перевода);
- ошибки, связанные с передачей коннотации (ошибки передаче авторской оценки и авторского стиля);
- нормативные и узувальные ошибки (ошибки перевода имен собственных, стилистические ошибки, графический буквализм, несоблюдение правил оформления) [1, с. 120].

В соответствии с другими классификациями выделяют смысловые, языковые и логические ошибки. К смысловым ошибкам относятся искажения, неточности и неясности [2, с. 170]. Языковые включают в себя лексические, грамматические, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки. Логические ошибки бывают предметного и понятийного типа.

По классификации В. Н. Комиссарова, переводческие ошибки делятся на:

1. Ошибки, представляющие собой грубое искажение содержания оригинала. Такие ошибки приводят к дезинформации получателя, так как передается совершенно другой смысл.

2. Ошибки, приводящие к неточной передаче смысла оригинала, но не искажающие его полностью. В целом ситуация описана правильно, но искажена или упущена информация, касающаяся деталей.

3. Ошибки, не нарушающие общего смысла оригинала, но снижающие качество текста перевода вследствие отклонения от стилистических норм переводимого языка, использования малоупотребительных в данном типе текстов единиц, злоупотребления иноязычными заимствованиями или техническими жаргонизмами и т.д. Подобные ошибки связаны с установлением эквивалентности на более высоких уровнях, чем уровень ситуации, и во многих случаях не влияют на общую оценку качества перевода.

4. Нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала. Ошибки этого рода дают основания судить об общеязыковой культуре и грамотности переводчика [3, с. 295].

Таким образом, исследователи считают, что все переводческие ошибки, так или иначе, связаны с нарушением адекватности на уровне культуры, коммуникативной ситуации, речевого акта, значение слов, языковой нормы [4, 130-143].

В данном исследовании мы рассмотрим некоторые типичные ошибки, которые допускали студенты ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» при написании работ промежуточного и итогового контроля по «Письменному переводу с основного иностранного языка на родной».

Анализ иллюстративного материала даёт основания утверждать, что одной из основных проблем студентов при выполнении переводов является подбор лексического эквивалента, который бы отвечал языковым нормам и правилам сочетаемости слов в языке оригинала и перевода.

Следует отметить, что **языковая норма** – это совокупность языковых средств, которые в данном языковом коллективе на определенном историческом этапе считаются правильными и образцовыми.

Студенты часто допускают **лексические ошибки**, связанные с нарушением словоупотребления, неправильным выбором значения полисемантической лексической единицы, неправильным употреблением синонимов, антонимов и омонимов, а также неправильной сочетаемостью слов в языке перевода, например:

The participating States will promote and encourage the effective exercise of civil, political, economic, cultural and other rights and freedoms all of which derive from the inherent dignity of the human person.

Неправильные варианты:

*Участвующие государства будут продвигать и поощрять эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, культурных и иных прав и свобод, которые **извлекаются** из достоинств, присущих человеческой личности.*

*Государства-участники будут способствовать и поощрять эффективное **выполнение** гражданских, политических, экономических, культурных, а также других прав и свобод, каждая из которых **выплывает** из присущего человеческой личности достоинства.*

Правильный вариант:

*Государства-участники будут **содействовать** эффективному осуществлению гражданских, политических, экономических, культурных и иных прав и свобод, которые **вытекают** из достоинств, присущих человеческой личности.*

When a new Commission takes office, its members are nominated by the EU member state governments.

Неправильные варианты:

*Когда новая Комиссия **вступает в должность**, ее члены назначаются правительствами стран-членов Европейского Союза.*

*Когда новая Комиссия **вступила в должность**, ее главы **номинаруются** в правительство странами-членами ЕС.*

Правильный вариант:

*Когда новая Комиссия **начинает работу**, ее члены **назначаются** правительствами стран-членов Европейского Союза.*

The IMF's purposes have also become more important simply because of the expansion of its members.

Неправильные варианты:

*Цели Мирового Валютного Фонда стали более важными просто **из-за расширения его членов**.*

***Из-за расширения участников** МВФ, её цель также стала более значительной.*

Правильный вариант:

*Цели Мирового Валютного Фонда стали более важными просто **из-за увеличения количества членов организации**.*

The participating states are committed to human rights, democracy, the rule of law, economic freedom, social justice and European unity.

Неправильный вариант:

*Страны-участницы обязуются чтить **человеческие права**, демократию, соблюдать **правопорядок**, экономическую свободу, социальную справедливость и **поддерживать Европейский союз**.*

Правильный вариант:

*Страны-участницы обязуются соблюдать **права человека**, демократию, **верховенство права**, экономические свободы, социальную справедливость и **европейское единство**.*

Most Americans believe that first man in space was Neil Armstrong, who was the first man to walk on the moon.

Неправильные варианты:

Большинство американцев считают, что первым человеком в космосе был Нил Армстронг, который был первым человеком прогулявшимся по Луне.

Большинство американцев утверждают, что первым человеком в космосе был Нил Армстронг, который первым прогулялся по Луне.

Правильный вариант:

Большинство американцев считают, что первым человеком в космосе был Нил Армстронг, который первым ступил на поверхность Луны.

Отсутствие или низкий уровень фоновых знаний из области истории и географии у студентов приводят к неправильному переводу названий организаций, имён собственных и географических названий:

However, Tehran and Riyadh seem to have no intention to lower the temperature and talk again for a potential solution toward the defeat of Daesh, and the rivalry between them is distracting attention from the war against ISIL.

Неправильный вариант:

Однако **Тигран и Рияд** не собираются понижать градус и снова говорить о потенциале победить ДАИШ, и то что противостояние между ними является отвлекающим маневром от войны против ИГИЛ.

Однако, **Тегеран и Рияд**, кажется, не намерены понизить накал и говорить снова о возможном решении проблемы разгрома Даши, а также соперничество между ними отвлекает внимание от войны с **ISIL**.

Правильный вариант:

Однако **Тегеран и Эр-Рияд** не собираются понижать накал противостояния и снова обсуждать возможности борьбы с ДАИШ. Противостояние между ними является отвлекающим маневром от войны против **ИГИЛ**.

Грамматические ошибки при переводе связаны с нарушением грамматических норм языка перевода, то есть правил словообразования, употребления активного и страдательного залога, построения сложноподчиненных предложений, употребления союзов, согласования слов в падежах и т.д. Например:

There were 51 founder members, including the USA, which thus abandoned the isolationist stance it had taken to the UN predecessor, the League of Nations.

Неправильный вариант:

51 основатель, включая США, которые таким образом отказались от изоляционистской позиции, **которая была занята для предшественника ООН и Лиги Наций**.

Правильный вариант:

Существует 51 страна-основатель, включая США, которые таким образом отказались от изоляционистской позиции, **которую страна занимала в организации-предшественнице ООН – Лиге Наций**.

We have the wonderful outdoor wooden architecture museum – Malye Korely, where there are very old, some of the most revered churches in Russia.

Неправильный вариант:

Мы имеем замечательный музей деревянного зодчества под открытым небом – Малые Корелы, где расположены очень древние и одни из самых уважаемых церквей России.

Мы имеем уличный деревянный архитектурный музей под открытым небом – Мэйли Корели, там где находятся очень древние и одни из самых почитаемых церквей в России.

Правильный вариант:

У нас есть музей деревянного зодчества под открытым небом – Малые Корелы, где расположены очень древние и одни из самых почитаемых церквей России.

Global warming science was divided into two parts-a primary effect by carbon dioxide (or other greenhouse gases) absorbing energy and infinite secondary effects referred to as feedback which enhance the primary effect.

Неправильный вариант:

Наука о глобальном потеплении была разделена на две части – первичный эффект от поглощения углекислого газа (или других парниковых газов) и бесконечные вторичные эффекты, называемые обратной связью, которые усиливают первичный эффект.

Правильный вариант:

Наука о глобальном потеплении разделяется на две части – первичный эффект от поглощения углекислого газа (или других парниковых газов) и бесконечные вторичные эффекты, называемые обратной связью, которые усиливают первичный эффект.

Что касается стилистических ошибок, они в основном сопряжены с неправильным употреблением слов, словосочетаний, конструкций, которые являются неприемлемыми в данном стиле, тавтологией, а также нарушением требований точности, ясности, краткости и выразительности высказывания:

A hundred statues on the streets of Rio de Janeiro have had their eyes covered in red blindfolds.

Неправильный вариант:

Красные повязки были повязаны на глазах у сотен статуй на улицах Рио-де-Жанейро.

Правильный вариант:

На улицах Рио-де-Жанейро сотням статуй закрыли глаза красными повязками.

This penalty can only be carried out pursuant to a final judgement rendered by a competent court.

Неправильный вариант:

*Это наказание может **даваться** только при исполнении окончательного приговора, **данного** компетентным судом.*

Правильный вариант:

*Это наказание может **осуществляться** только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом.*

Причиной орфографических и пунктуационных ошибок является невнимательность или низкий уровень грамотности переводчика. Так, студенты забывают о том, что в русском языке названия компаний, отелей, газет, журналов, кораблей берутся в кавычки, не различают дефис и тире, не соблюдают правила употребления прописных букв при переводе названий организаций и т.д.

Еще одним видом переводческих ошибок является несоблюдение **прагматических норм**, то есть требования обеспечения прагматической ценности перевода. Очень часто студенты не учитывают правила тема-рематического членения высказывания, относительно свободный порядок слов и номинативный характер русского языка, поэтому при переводе не используют трансформации номинализации структуры высказывания, изменения порядка слов и членения предложений, например:

Doubling the amount of carbon dioxide in the atmosphere reduces those distances to one half.

Неправильный вариант:

***Удвоение количества** углекислого газа в атмосфере **уменьшает** вдвое эту дистанцию.*

Правильный вариант:

***В результате удвоения** количества углекислого газа в атмосфере **расстояние уменьшается** вдвое.*

One of the clauses of the European Convention on Human Rights guarantees the right to respect for “private and family life” and “correspondence”, while the other prohibits “inhuman or degrading treatment or punishment”.

Неправильный вариант:

***Европейская Конвенция о правах человека гарантирует** право на частную и семейную жизнь, переписку, в то время как **другие пункты запрещают** бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание.*

Правильный вариант:

***В Европейской Конвенции о правах человека гарантируется** право на частную и семейную жизнь, тайну переписки, в то время*

как в других пунктах запрещается бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание.

A hundred statues on the streets of Rio de Janeiro have had their eyes covered in red blindfolds.

Неправильный вариант:

Сотни статуй оказались с красными повязками на глазах на улицах Рио-де-Жанейро.

Правильный вариант:

На улицах Рио-де-Жанейро сотням статуй закрыли глаза красными повязками.

Reports of their disappearance first emerged on 6 March when worried relatives reported that their loved ones had not returned from work.

Неправильный вариант:

Сообщения об исчезновении появились впервые 6 марта, когда обеспокоенные родственники сообщили, что их близкие не вернулись с работы.

Правильный вариант:

Шестого марта впервые появились сообщения об исчезновении, когда обеспокоенные родственники сообщили, что их близкие не вернулись с работы.

The North Korea has issued a series of increasingly bellicose threats in the wake of sanctions imposed after nuclear tests earlier this year.

Неправильный вариант:

Северная Корея выдвинула серию агрессивных угроз после введения санкций после ядерных испытаний в начале года.

Правильный вариант:

После введения санкций из-за ядерных испытаний в начале года в Северной Корее выдвинули серию агрессивных угроз.

Four Belgian officers were wounded in the south Brussels suburb.

Неправильный вариант:

Четыре бельгийских офицера были ранены в южной части пригорода Брюсселя.

Правильный вариант:

В южной части пригорода Брюсселя ранили четырёх бельгийских офицера.

Таким образом, чтобы избежать ошибок и неточностей при переводе, студенты должны владеть навыками компонентного анализа, анализа грамматической и коммуникативной структуры

высказывания, знать языковые и узуальные нормы языка перевода, а также иметь необходимый уровень фоновых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев, И. И. Убина (отв. ред.). – М.: ВЦП, 2009. – 120 с.
2. Княжева, Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода / Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2012. – С. 170.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
4. Латышев, Л. К. Технология перевода: Учебное пособие по подготовке переводчиков (с нем.яз.) / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 280 с.
5. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Велби, 2007. – 480 с.
6. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 415 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Нормативные аспекты перевода: переводческие ошибки и несоответствия

В статье рассматривается классификация основных ошибок, которые допускают студенты при выполнении тренировочных и контрольных переводов, а также причины их возникновения. Особое внимание уделено неумению компенсировать расхождения лингвокультурной компетенции носителей языка оригинала и перевода, так называемым языковым ошибкам. Детальному анализу подверглись ошибки, которые возникают в переводе по причине отсутствия трансформаций структуры высказывания и приводят к нарушению грамматических и синтаксических норм языка перевода.

Ключевые слова: переводческая ошибка, языковые нормы, узуальные нормы, фоновые знания.

SUMMARY

Ivanova N. A. Specific aspects of translation: translation errors and discrepancies

The article deals with the classification of the basic mistakes which students make when performing training and control translations, as well as the reasons for their occurrence. Special attention is paid to

inability of compensating for the discrepancies in the linguistic and cultural competence of speakers of the original and target languages, the so-called linguistic errors. We have also analysed errors in translation due to the failure to use transformations of the utterance structure which results in violation of the grammatical and syntactic rules of the target language.

Key words: translation error, linguistic rules, usual rules, background knowledge.

*М. Н. Ивахненко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81.25:81'27 (045)

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. В процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим, в переводесталкиваются различные культуры, разные личности, разные складыв мышления, разные традиции и установки. Разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. На сегодняшний день существует множество определений понятия перевод. Во-первых, перевод является отражением оригинала. Чем вернее и чем целостнее это отражение, тем выше качество перевода. Во-вторых, перевод является трудным и продуктивным творческим процессом, в котором участвуют все духовные силы человека: интеллект, интуиция, эмоции, воображение, воля, память. Это творческий процесс, в результате которого создается переводное произведение [5, с. 12].

Согласно Е.В. Бреус, перевод – это акт межкультурной коммуникации. При переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур [3, с. 17].

Исходя из определений перевода различными учеными, можно предположить, что перевод – это действительно довольно сложная деятельность, так как преобразование текста на одном языке в текст на другом языке требует больших усилий со стороны переводчика. Переводчик должен учитывать множество факторов, в том числе и жанрово-стилистические особенности. Жанрово-стилистическая норма перевода определяется как требование соответствия перевода стилистическим

особенностям того текста, к которому относится перевод. Выбор типа текста определяется характером оригинала. Стилистические требования же, которым должен отвечать перевод – это нормативные правила, которые характеризуют тексты аналогичного типа в языке перевода.

Жанрово-стилистическая норма определяет необходимый уровень эквивалентности, доминантную функцию, обеспечение которой составляет основную задачу переводчика и главный критерий оценки качества его работы. Нормативные требования к качеству перевода имеют смысл лишь по отношению к определенному типу текстов и определенным условиям переводческой деятельности. Перевод художественного произведения оценивается по его литературным достоинствам, технический перевод – по терминологической правильности, обеспечивающей понимание сути дела и возможность использования текста перевода в технической практике, перевод рекламы – по ее действенности и т.п. Таким образом, предполагается, что переводчик в достаточном совершенстве владеет типом речи, характерным для его сферы деятельности.

Многие профессиональные переводчики, специализирующиеся на переводах материалов определенного типа, используют заданную жанрово-стилистическую норму для большинства выполняемых переводов и не анализируют каждый раз заново стилистические особенности оригинала.

Главная цель информативного перевода – это сообщение о каких-либо сведениях, донесение до читателя определенной информации, которая должна быть выражена в доступном для читателя виде, четко, лаконично и логично. Высокая информативность – это черта непосредственно информативных текстов. Как правило, автор не использует лирические отступления, малозначимые слова, а также старается удерживаться от пустых повествований. Переводчик в свою же очередь должен сохранить стиль изложения автора, придерживаясь тех же правил. Помимо информативности, документ информативного характера отличается логичностью. Одна мысль следует из другой, так что, выпустив какое-либо звено в цепи последовательных выводов, переводчик рискует потерять логическую цепочку автора.

Также с жанровыми особенностями связаны и прагматические проблемы перевода, с которыми чаще всего сталкиваются переводчики художественной литературы. Произведения художественной литературы на любом языке обращены, в первую очередь, к людям, для которых этот язык является родным, хотя они имеют и общечеловеческую ценность. Однако в них нередко встречаются описания фактов и событий, связанных с историей данного народа, различными литературными ассоциациями,

бытом, обычаями, наименованиями национальных блюд, предметов одежды и т.п. Все это требует внесения поправок на прагматические различия между исходным языком и переводящим языком для обеспечения адекватного понимания текста читателем перевода.

Перевод рекламного слогана – это сложная задача, требующая обязательной адаптации текста к социокультурным особенностям аудитории. Реклама каждой отдельной страны также имеет свою специфику и свои отличительные черты, что отражается в рекламном тексте. Адаптация рекламного слогана – это не только перевод слов, но и перевод идей. Для того чтобы не потерять маркетинговое содержание слогана, а также сохранить оригинальность, следует интерпретировать содержание слогана, а не копировать его. В то же время часть рекламных слоганов могут быть успешно переданы на русский язык при помощи традиционных приемов перевода, в частности, лексических и грамматических переводческих трансформаций.

Применение трансформаций как приемов должно быть мотивировано тем, что они обеспечивают большую степень эквивалентности, чем любое из возможных регулярных соответствий, позволяют избежать негативных последствий использования регулярных соответствий в определенных контекстах.

Мотивами применения трансформаций могут быть:

- стремление избежать буквализмов;
- стремление приблизить перевод к нормам языка перевода;
- необходимость преодоления межъязыковых различий в оформлении однородных членов предложения;
- стремление исключить чуждые переводящему языку словообразовательные модели;
- желание избежать неестественности, неэстетичности, громоздкости, неясности и нелогичности перевода;
- стремление к более компактному варианту перевода;
- желание донести до читателя перевода важную фоновую информацию или снять избыточную;
- стремление воссоздать труднопередаваемую игру слов, образность и другие стилистические фигуры [1, с. 67].

Существует множество разновидностей и классификаций переводческих трансформаций и приемов, используемых при переводе. Суть приема приближенного перевода в том, что вместо иностранной реалии используется реалия целевой аудитории той страны, в которой реклама будет транслироваться, и которая обладает собственной национальной спецификой, однако в то же время имеет много общего с реалией страны рекламодателя. К примеру, понятия *Santa Claus* и *Дед Мороз*

нельзя считать идентичными, но в определенных контекстах они взаимозаменяемы.

Прием элиминации национально-культурной специфики близок к приему приближенного перевода и заключается в том, что при переводе реалии ее национально-культурная специфика опускается. К примеру, слоган пива Carlsberg: *“Carlsberg – probably the best lager in the world”* на русском языке звучит так: *«Carlsberg – пожалуй, лучшее пиво в мире»*. В этом примере форма слогана сохранена, однако слово *«lager»* заменили на слово *«пиво»*, поскольку *«lager»* (название, которое используется англичанами для обозначения светлого пива) у нас встречаются довольно редко, и далеко не каждый знает, что это слово значит.

Использование приема перераспределения значения безэквивалентной лексической единицы подразумевает то, что значение безэквивалентной лексической единицы перераспределяется на несколько единиц переводного текста, причем сама безэквивалентная лексическая единица как бы растворяется в переводе. В качестве примера можно вспомнить рекламный слоган Sprite, который в оригинале звучит *“Obey your thirst”*, что сложно перевести буквально, поэтому нам знаком такой вариант: *«Не дай себе засохнуть»*.

Иногда при переводе рекламных текстов используется и синтаксическое уподобление – такой способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинального текста преобразуется в аналогичную структуру языка перевода, как, например, в слогане *“Melt in your mouth, not in your hands”* – *«Тает во рту, а не в руках»*.

Требования потребителей, технологий, СМИ и бизнеса постоянно меняются. Реклама США активно реагирует на все эти изменения и развивается в достаточно высоком темпе. Благодаря рекламе различные продукты и услуги реализуются на заранее подготовленном для них рынке, ведь реклама обслуживает выпуск товаров, а также имеет весомое влияние на размер спроса и оповещает потенциальную аудиторию о характеристиках того или иного товара или услуги. Помимо прочего, реклама имеет большое влияние на общество, которое объясняется отношением к деньгам и коммерции в целом. Самое большое влияние имеет газетная реклама, а также реклама на радио. Большими темпами развивается реклама на телевидении. Большинство коммерческих телекомпаний живет за счет прибыли от выпуска рекламы.

По мнению экономистов США, реклама является важной составляющей в структуре бизнес активности, которая призвана побуждать потребление до такого же высокого уровня, как и уровень производства. Реклама заняла одно из ведущих мест среди

компонентов, как коммерция, производство и финансирование, став при этом неотъемлемой составляющей экономики в условиях высокой занятости населения и массового потребления товаров.

Американская реклама навязчива и прямолинейна, однако данная назойливость не вызывает возмущения у аудитории, а наоборот, действует наилучшим образом, привлекая новых покупателей. Английский язык достаточно гибкий и лаконичный. В связи с этим для рекламы, как правило, достаточно несколько слов, ведь короткие и емкие фразы запоминаются гораздо быстрее. Реклама США проста, логична и лаконична, но не лишена эмоциональной окраски. В этом и заключается ее сила – использование минимума слов с максимальным смыслом и подачей. Создатели рекламы успешно сочетают вербальные средства и образы.

Немецкая реклама является одной из самых выдающихся и креативных и занимает одну из лидирующих позиций в мире. Естественно, культура Германии внесла в тексты рекламы свои особенности и национальные черты. Немцы прагматичны и логичны, соответственно, их реклама направлена на рациональность потребителей. Немецкая реклама воздействует на аудиторию с помощью достоверных неоспоримых фактов и безупречной логики, представляет точные характеристики рекламируемого товара, подчеркивает его исключительность и проверенное качество, чтобы покупатели не отвлекались от самого главного. Но, несмотря на всю рациональность и минимализм, в немецкой рекламе нет щепетильности и безупречного порядка. Немецкая реклама отличается нестандартным подходом к банальным проблемам. Немецкая реклама отличается самобытностью, является неизбитой и своеобразной и не содержит предсказуемости.

В текстах рекламы Германии, как правило, используются не только немецкие слова, но и иностранные (английские, французские и др.). Подобная реклама позволяет привлечь не только коренных немцев, но и зарубежную публику. Сохранив национальные черты, при этом добавив нестандартные подходы, немецкая реклама является одной из самых лучших и эффективных.

Особенность и самобытность российской рекламы заключается в том, что она пытается понять ментальность потенциального потребителя, а именно – русского человека прежде, чем создать товар, который заинтересует. Для выражения ценностных и культурных норм создатели рекламы используют различные языковые средства. Все это направлено на то, чтобы конечный рекламный текст имел успех у аудитории.

Если в других странах реклама является скорее коммерческой, то в России она является национальной. Раньше, да и сейчас, реклама является своего рода средством агитации и пропаганды. Помимо этого, рекламодатели стараются сохранить культурное своеобразие, чтобы выделяться на фоне другой рекламы.

Если в США ценятся индивидуальные особенности, то в России же, наоборот, стремятся к коллективизму. Это отложило отпечаток на рекламу, в которой используют, как правило, обобщающие местоимения и избегают личного местоимения «я». И если в других странах создатели рекламы стараются взывать к эмоциям аудитории, то в России реклама более практичная, так как русские потребители вдумчиво выбирают товары.

Одной из главных категорий культуры является время. В типологии культур, предложенной Э. Холлом, присутствует деление на монокронные и полихронные культуры [4, с. 194]. В культурах, которые относятся к первому типу, темп жизни достаточно стремительный, а время является очень ценным ресурсом, большое значение придается пунктуальности. В полихронных культурах распорядком и временными рамками часто пренебрегают, темп жизни достаточно размеренный, спешка воспринимается негативно.

Как правило, в российских текстах рекламы чаще уделяется внимание полихронной культуре. Реклама призывает получать удовольствие в настоящем и не тревожиться о прошлом. Однако реклама также ориентирована и на будущее. Создатели рекламы стремятся создать благоприятный образ стабильного благополучного будущего, стараются убедить потенциальных покупателей, что, приобретя определенный товар или воспользовавшись услугой, их ждет счастливое будущее.

Другой важной характеристикой культуры, выделенной Г. Хофстеде, является ориентация на мужские или женские ценности. В маскулинных культурах высоко ценятся независимость, сила, активность, материальный успех. Феминные культуры ориентируются на межличностные отношения, компромисс, заботу, дружбу, взаимопонимание [2, с. 203]. В русской рекламе преобладают феминные культуры. Большое внимание уделяется таким понятиям, как дружба, любовь и добро. Ценится щедрость и забота.

Задача переводчиков состоит в том, чтобы использовать все знания теоретических основ перевода для передачи коммуникативной функции оригинала, так как знание теоретических основ перевода и экстралингвистических реалий – это необходимое условие адекватного перевода. Также при переводе рекламных текстов следует учитывать этические,

психологические и психографические характеристики целевой аудитории и потенциальных потребителей, специфику и культуру страны, для которой данный текст предназначен.

Специфика рекламного текста состоит в том, что он является текстом массовой коммуникации. Он призван не только информировать, но также побуждать к определенному действию целые группы, влияя на массовое, общественное сознание. Перевод рекламных текстов требует нетрадиционного подхода переводчика.

Говоря о проблеме перевода рекламы, выделяют такие его особенности:

- специфичный подбор используемой лексики – для лексики в рекламных текстах характерен довольно богатый коннотативный шлейф, что, иными словами, понятными каждому, говорит о многозначности используемых слов;

- наличие двух, а иногда и более двух значений для каждого из слов, использованных для создания рекламного текста – в рекламном сообщении (слогане) слов обычно используется немного, но они очень многоплановы в плане смысла;

- стилистическая окрашенность – присутствие целого ряда языковых явлений, окрашивающих текст в яркие, индивидуальные тона, связанные с теми или иными явлениями социума, профессиональной среды, национальных особенностей, тем самым привлекая внимание потенциальных потребителей;

- употребление лексики в переносном значении для усиления образности – это инструмент для создания яркого, запоминающегося образа, который мощно влияет на общий результат, и как следствие, на проблемы перевода;

- идиомы – используются также для той же цели, создания образа, но относительно самостоятельные по признаку использования данного языкового инструмента.

Из-за различий русского, английского и немецкого языков, при переводе используются различные трансформации, чтобы сделать его более доступным для аудитории, которой он будет представлен. Рекламные слоганы не являются исключением.

Достаточно часто используется прием конкретизации, например: *“Take Courage”* – *«Поймай кураж»*. В данном случае наблюдается лексико-стилистическая трансформация, а именно конкретизация слова *“take”* и нейтрализация общего смысла слогана. В словаре русского языка есть выражение «быть в кураже», что означает «быть навеселе». Однако из эстетических соображений концепт опьянения при переводе меняется на концепт авантюризма и веселья. В данном рекламном слогане создатель играет с названием бренда и прямым значением слова.

Таким образом в слогане скрывается не только «поймай кураж», но и призыв взять пиво компании Courage.

Женская аудитория особенно тщательно следит за своей внешностью. И не только грамотно подбирает одежду и аксессуары, наносит макияж, но также следит за качеством своей кожи. Причем, не только кожи лица, но и ног. Многочисленные косметические компании этому способствуют и выпускают множество средств. Рекламный слоган одной из них звучит так: *“Cellulite – der Fluch vieler Frauenschonkel!”* – «Целлюлит... это бедствие для красоты ног!». В данном случае переводчик решил использовать прием генерализации и не акцентировать внимание на том, что товар рассчитан на женскую аудиторию.

“Ein Stuck Vollkommenheit. Deutsche Schokolade Lindt”. – «Наслаждение в каждом кусочке. Немецкий шоколад “Lindt”». В этом примере авторское выражение *“Ein Stuck Vollkommenheit”* («Кусочек совершенства») перевели, используя прием замены – «Наслаждение в каждом кусочке». Произошла замена образа исходной метафоры, где шоколад – это олицетворение безупречной работы компании “Lindt”, по образу, который более понятен для русскоязычного реципиента и который лучше передаст коммуникативное намерение рекламы, а именно проинформировать потребителя об особых вкусовых качествах продукта.

Лидирующей и ведущей компанией, выпускающей гаджеты, является компания Apple. Перевод рекламного слогана *“I-pod. Game on. And on. And on”* – «I-pod. Заиграешься» сводится к использованию приема опущения. В русском переводе опущена фраза *“And on. And on”*. Данная переводческая трансформация использована для того, чтобы не перегружать повторами русскоязычный вариант. В английском варианте заложен смысл длительности действия и указание на будущее время. В русском же тексте это передается не посредством слова, а морфемно – форма совершенного вида и будущего времени от глагола «играть».

Один из слоганов рекламы бургера компании McDonald’s таков: *“Two all beef patties, special sauce, lettuce, cheese, pickles, onions on a sesame seed bun”* – «Две мясных котлеты гриль, специальный соус, сыр, огурцы, салат и лук, все на булочке с кунжутом». В данном случае, при переводе были использованы такие трансформации, как перестановка слов, а также добавление слова «всё». Также, переводчику удалось создать рифму, благодаря которой довольно-таки длинный слоган звучит емко и четко.

Прием антонимического перевода представляет собой замену одного понятия на противоположное. Нередко данный

приём является одним из наиболее удачных способов перевода. К примеру, слоган компании “Adidas” звучит *“Impossible is nothing”* – «Невозможное – возможно». В слогане используется двойное отрицание. В оригинале это имеет определенный риторический смысл. Дословный перевод звучит так: «Невозможное – ничто». Но переводчики решили избежать двойного отрицания и использовали древнюю фразу из Библии, а ныне – известное всем мотивационное клише. Говоря о трансформациях, в данном случае, помимо антонимического перевода, также было использовано опущение глагола “is”.

Иногда при переводе требуется дополнительное пояснение и внесение вспомогательных слов. Для этого переводчики используют прием добавления. Английские и немецкие предложения являются более конкретными и сжатыми по своей структуре, а русские, наоборот, более развернутыми, что является причиной добавления новых слов при переводе.

В рекламном слогане *“Kaiser ist der König in Ihrer Küche”* – «*Кайзер: король на Вашей кухне*» был использован дословный перевод. Сравнение рекламируемого товара – техники – с королем создает весьма яркий образ, который наглядно демонстрирует положение данной техники среди аналогичной продукции, а также ее главенствующую роль на кухне. При переводе немецкого варианта слогана на русский язык не возникает необходимости менять его составляющие, так как в обеих культурах король – это человек, носящий непревзойденный титул, лучший из лучших.

Не всегда рекламные слоганы переводятся и адаптируются под определенную аудиторию. Иногда слоганы оставляют в исходном виде, без перевода. Как правило, это короткие слоганы, состоящие из одного или нескольких слов. Это происходит зачастую тогда, когда в переводе просто нет необходимости. Целевая аудитория воспримет слоган в его оригинальном виде. С каждым годом уровень английского языка у русскоязычного населения растет, поэтому, необходимость перевода иностранных слоганов все меньше, так как русскоязычная аудитория понимает оригинал. Таким образом, компания подчеркивает свою интернациональность и качество своих товаров, а потребитель знает, на что ему обратить внимание и чего ожидать от приобретенной продукции. Одним из таких примеров является слоган пива Kaiser: *“Kaiser – Das ist fantastisch!”*. Не нужно обладать даже минимальными знаниями немецкого языка, чтобы понять, о чем слоган, так как данная фраза на слуху у каждого человека. Перевод в данном случае звучал бы не так экспрессивно.

Таким образом, рекламные тексты в современном обществе выполняют важную коммуникативную функцию. Одна

из основных особенностей перевода рекламных текстов выражается в содержательном соотношении между оригиналом и переводом, а также в передаче социолингвистических аспектов переводимого текста. Рекламный текст включает в себя целый ряд экстралингвистических компонентов и адекватно воспринимается лишь при их гармоничном сочетании. Этот фактор является значимым при переводе рекламы, так как, игнорируя эти компоненты, не удастся эффективно перевести рекламный текст. Таким образом, при переводе рекламного сообщения следует учитывать все вышеперечисленные факторы для того, чтобы рекламный текст адекватно отражал замысел изготовителя и производил должный эффект на покупателя.

Переводчики используют эмоционально окрашенные слова, неологизмы, яркие и емкие фразы, чтобы заинтересовать и привлечь внимание потенциальных покупателей, а также стараются адаптировать рекламный слоган для целевой аудитории. При переводе рекламных текстов переводчик должен учитывать: цель рекламного сообщения, характер потенциального потребителя, языковые качества текста оригинала, национально-специфические черты, возможности языка в культурном аспекте потребителя и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова А.Д. Особенности перевода рекламных текстов [Электронный ресурс] / А.Д. Белова. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/forum2012/253/1073> (дата обращения: 18.02.2021).
2. Браганик О.С. Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам / О.С. Браганик. – Минск : Тесей, 2009. – 302 с.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. – М.: УРАО, 2002. – 208 с.
4. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд-е 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М. Н. Национально-специфическое как проблема перевода рекламных текстов с английского и немецкого языков на русский

В статье предпринята попытка доказать, что перевод рекламного слогана – сложная задача, требующая обязательной

адаптации текста к социокультурным особенностям аудитории. Для того чтобы не потерять маркетинговое содержание слогана и сохранить его оригинальность, следует интерпретировать его содержание. Анализируются переводческие трансформации, которые используются при переводе текстов англоязычных и немецкоязычных рекламных слоганов, определяются национально-специфические черты, влияющие на качество перевода.

Ключевые слова: реклама, слоган, перевод, переводческие трансформации, национально-специфическое.

SUMMARY

Ivakhnenko M. N. National and specific features as a problem of advertising text translation from English and German into Russian

An attempt is made to prove that the translation of an advertising slogan is a difficult task that requires adaptation of the text to the social and cultural characteristics of the audience. In order not to lose the marketing content of the slogan and to maintain originality, it should be interpreted. The article analyses the translation transformations used in translation of the texts of the English-language and the German-language advertising slogans, identifies national and specific features that affect the quality of translation.

Key words: advertising, slogan, translation, translation transformations, national and specific.

*С. В. Карпий
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 070; 81; 82

ВОЗДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ ПЕЧАТИ ДОНБАССА НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ВОВ (1941 – 1945 ГГ.)

Особая роль печати Донбасса отводится в годы Великой Отечественной войны. С её помощью для Красной армии из шахтёров и металлургов оперативно формировались военные подразделения, дивизии, ставшие на борьбу с фашизмом. Развитая инфраструктура газетного производства способствовала организации деятельности народного ополчения, подпольных, партизанских и разведывательных отрядов, защищавших крупнейшие предприятия и оборонявших Донбасс на различных фронтах. Передача разведанных, агитация среди населения

распространение правдивых сведений и уничтожение противника в оккупированном фашистами и их союзниками Донбассе также была невозможна без прессы. При исследовании изданий военного периода и их текстовой составляющей лингвист Н. П. Курмакаева обращает внимание на идейно-содержательную особенность одного из донбасских изданий в первый день начала Великой Отечественной войны. Она отмечала, что выпуски газет состояли пока ещё из статей общественной тематики: *«Рекордная производительность врубовки»*, *«Колхоз “Коммунар” перед уборкой»*, *«Соцсоревнование Донбасс – Кузбасс – Криворожье – Баку»*, *«Отдых железнодорожников»*, *«Сегодня – открытие республиканского стадиона им. Н.С. Хрущева»* [2, с. 182]. Военный дискурс на Донбассе начнётся с последующих номеров периодических изданий.

В военный период с 1941 по 1943 г. в Горловском районе издаётся официальная оккупационная газета *«Украинский Донбасс»*, которую, как отмечает исследователь украинского военного коллаборационизма в период нацистской оккупации Донбасса А. С. Мартынов, создали пособники фашистов бандеровцы для проведения в городе и регионе украинской националистической пропаганды посредством языка. Так, продолжает учёный: *«в номере «Украинского Донбасса» от 18 декабря 1941 г. было опубликовано обращение за подписью «Украинские националисты г. Горловки» к Гитлеру и немецкой армии, в котором говорилось: «От всего искреннего украинского сердца благодарим руководителя немецкого народа, строителя могучей национал-социалистической Германии Адольфа Гитлера за оказание помощи украинскому народу в восстановлении вольной украинской державы»* [3, с. 369]. Данные послы свидетельствуют об уровне продолжения радикальными националистами проведения политики насильственной украинизации исконно русского региона, то есть, чтобы украинский наряду с русским в ближайшей перспективе мог выполнять все функции языка. Но на всех этапах развития общества Донбасса введение двуязычия сводились лишь к минимальному уровню владения жителями неродным языком, порождающим множество речевых процессов и видов билингвизма: субординативный, координативный, активный, пассивный, контактный, неконтактный, автономный, параллельный, рецептивный, репродуктивный, продуктивный и т. д. Одновременно таким образом, путём взаимодействия нескольких языков полиэтничного Донбасса, формировалась содержательная лингвокультурная ситуация (на стилистическом и

лингвистическом уровнях), характеризующаяся также слиянием нескольких культур.

С похожими языковыми процессами и искусственным формированием чуждой русскоговорящему населению лингвокультурной ситуации на протяжении определённого периода времени Донбасс столкнётся и в 2014 г., что, в конечном итоге, получит свой отпор и приведёт к масштабному вооружённому и информационному противостоянию. Аналогии между современным и периодом оккупации Донбасса в годы Великой Отечественной войны проводит И. В. Бочарников при анализе посредством прессы содержания, специфики и причин карательной операции на Донбассе, состава её участников, методов и способов проведения, а также сущности тактики «выжженной земли», применяемой киевским режимом против населения региона [1, с. 509].

Юзовская городская управа в период начала ВОВ печатает «*Донецкий вестник*» (1941 г.). В Красноармейске выпускается ежедневная городская газета «*Во славу Родины*» (июль – ноябрь 1941 г.). С апреля по июнь 1941 г. среди читателей распространяется издание «*Комсомолец України*» – орган Центрального и Киевского комитетов ЛКСМУ. Бахмутская городская управа становится собственником печатного органа «*Бахмутская правда*» (1941 г.), Городской управе Константиновки принадлежали «*Костянтинівські вісті*» – официальный орган местной власти (1941 г., 1942 г.).

В Мариуполе с 1941 до 1943 г. выходила «*Мариупольская газета*». Снежнянское сельхозуправление имело печатный орган под названием «*Снежнянский вестник*» (1942 г.). Своё издание в годы войны имела и Чистяковская городская управа – «*Чистяковский листок*» (1942 г.). Тем временем в Константиновке появляется ещё одно украиноязычное издание «*Відбудова*» (1942 г., 1943 г.). Макеевская городская управа в этот же период тоже в течение нескольких лет печатает на украинском языке газету «*Українська земля*». Ещё одно украинское издание возникает в Волновахе под названием «*Хлібороб*» – орган Волновахской городской управы (1942 г.).

Юзовская же городская управа издаёт «*Донецкий вестник*» (1942 г., 1943 г.). В 1942 г. Бахмутская городская управа начинает печать ещё одного информационного издания – «*Бахмутский вестник*» (1942 г.). В Краматорске местной властью выпускаются издания «*Бюллетень Краматорской городской управы*» и «*Краматорская газета*» (1942 г.). В Славянской городской управе в 1942 и 1943 г. действовал ещё один печатный орган «*Донецкая газета*». В эти же годы

Чистяковская городская управа обладала печатным органом – *«Новая жизнь»*. Под таким же названием издавала свою газету Енакиевская городская управа – *«Новая жизнь»* (1943 г.). Ещё одно официальное, но оккупационное издание было у Горловки и района – *«Голос Донбасса»* (1943 г.), также издававшегося, обращает внимание А. С. Мартынов: *«членами «Организации украинских националистов» (ОУН) фракции бандеровцев. Поскольку в Горловке находился областной штаб («провод») ОУН в Донбассе, украинский коллаборационизм здесь был распространен во всех его формах и структурирован в гораздо большей степени, чем в других городах Донецкого края»* [3, с. 367]. С таким же названием распространялось издание в Артёмовске и районе – *«Голос Донбасса»*. Некоторые его номера печатались даже в Кракове, Одессе, Полтаве и Таганроге (1943 г.).

В 1943 г. информационный дискурс эвакуированных или подпольных изданий преимущественно был посвящён героическому освобождению Донбасса от фашистских захватчиков, пособниками которых были украинские националисты. В частности, на страницах всех газет сообщалось о победе советской армии на Миус-фронте и взятии штурмом Саур-Могилы – легендарной высоты 277. После окончательного освобождения промышленного региона от фашистских оккупантов главной функцией СМИ стало освещение трудовых подвигов, связанных с восстановлением промышленности в кратчайшие сроки.

С 28 ноября 1943 г. на Донбасс доставлялись *«Известия»* – орган Советов депутатов трудящихся СССР г. Москва (4 ноября – 28 ноября 1943 г., январь – декабрь 1978 г.), а на Юге тем временем читали мариупольскую газету азовских заводов *«Эхо Приазовья»* (1943 г.). С ноября по декабрь 1943 г. на Донбассе осуществлялась дистрибуция печатного органа ЦК КП(б)У, Верховного совета и совета Народных Комиссаров УССР – *«Советская Украина»*. В декабре 1943 г. *«Кочегарка»* стала органом Горловского горкома КП(б)У и горловского совета депутатов трудящихся Сталинской области. Её издание местной властью продолжалось до 1966 г., о чём свидетельствуют сохранённые выпуски.

Старобешевский райком КП(б)У и районный Совет депутатов трудящихся с ноября 1943 по декабрь 1959 г. издаёт газету *«Социалистическая победа»*. Издание *«Магистраль угля»* принадлежало Управлению Донпрофсоюза Южно-Донецкой железной дороги с декабря 1943 г. по декабрь 1953 г. Столь же продолжительное время просуществовало

«Красное знамя» – орган Авдеевского райкома КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся (1943 – 1962 гг.). Органом Дебальцевского отделения движения паровозного хозяйства и райкома профсоюза Свєверо-Донецкой железной дороги в декабре 1943 г. стала газета «*За большевистский транспорт*». Она распространялась до декабря 1951 г. Тельмановский РК КП(б)У и райсовет с. Гранитное обеспечивали работу издания «*Большевик*» (июнь 1944 – октябрь 1952 гг.). Продолжительное время реализовывала общественную коммуникацию на Донбассе и газета «*Правда Украины*» – орган ЦК КП Украины Верховного совета и Совета министров УССР (январь 1944 – декабрь 1995 гг.), входивший в основную группу партийно-советской печати. Данное издание, отмечает О. Л. Протасова, как и все подобные ему в данный период, «ориентировалось на своих «старших братьев», выпускаемых в Москве» [4, с. 19].

Разрешением различных социально-политических, коммуникативных и экономических задач занимался печатный орган Красноармейского райкома КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся Сталинской области «*Новый Донбасс*», издаваемый с января 1944 по декабрь 1959 г.

В Макеевке свой инструмент массовой коммуникации, имеющий систематический характер, с мая 1944 по декабрь 1967 г. был у завкома, профсоюза металлургов и управления завода им. Кирова с одноименным названием «*Кировец*».

Газету «*Ленинский путь*» как печатный орган создали В-Янисольский РК КП(б)У и районный Совет депутатов трудящихся (май 1944 г., июнь 1944 г., август 1944 г., январь – март 1945 г., май – ноябрь 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1951 г.). Газета «*Ударна бригада*» – стала поставщиком информации и печатным органом Александровского РК КП Украины и районного Совета депутатов трудящихся Сталинской области (январь 1944 – декабрь 1959 г.). Частью информационного пространства Донбасса и одного из узловых участков железной дороги стало издание «*Дебальцевский рабочий*» – орган Дебальцевского горкома КП(б)У и городского Совета депутатов трудящихся Сталинской области (февраль 1944 – декабрь 1958 г.).

В течение продолжительного времени информационные потоки Донбасса аккумулировало такое издание, как «*Енакиевский рабочий*» – орган Енакиевского горкома КП(б)У, городского и районного Советов депутатов трудящихся. В Государственном архиве сохранены его выпуски с января 1944 по декабрь 1966 г. Журнализм со свойственными ему социальными функциями проявлялся и в Володарском районе Донбасса посредством газеты «*Колгоспний*

шлях» – орган Володарского райкома КП(б)У и районного совета депутатов трудящихся (май 1944 – декабрь 1962 г.).

Катализатором развития информационно-коммуникационной среды в другой части Донбасса стала газета «*За темпи*» – орган Лиманского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся (январь 1944 – декабрь 1959 г.). В 1951 г. издание стало органом Краснолиманского райкома КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся Сталинской области.

Формированием общественного мнения и взаимодействием с социумом Амвросиевский райком КП(б)У и райсовет депутатов трудящихся занимался посредством газеты «*Колхозная правда*» (апрель 1944 – декабрь 1962 г.). Укреплением принципов коммуникации в обществе способствовало ещё одно значимое и популярное издание «*Знамя индустрии*» – орган Константиновского горкома и райкома КП(б)У городского и районного Советов депутатов трудящихся Сталинской области (январь 1944 – декабрь 1966 г.). С января 1944 г по декабрь 1945 г. «*Известия*» как печатный орган Советов депутатов трудящихся (январь – декабрь 1944 г., январь – декабрь 1945 г.) также развивали информационно-коммуникационное пространство Донбасса.

Образованием информационных потоков и реализацией информационного взаимодействия занималось такое печатное СМИ как «*Транспортник*». Он стал органом Краснолиманского отделения движения паровозного хозяйства и райкома профсоюза Северо-Донецкой железной дороги. В Донецком государственном архиве сохранены выпуски за: январь – октябрь 1944 г., март – июль 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г., январь – декабрь 1950 г., январь – декабрь 1951 г. Издательством газетной продукции занимались и журналисты редакции украиноязычной газеты «*Більшовицький шлях*» – орган Селидовского райкома КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся села Селидовки (январь – декабрь 1944 г., январь – декабрь 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г., январь – декабрь 1949 г., январь – декабрь 1950 г., январь – декабрь 1951 г., январь – октябрь 1952 г.). Влияние на медиaproстранство Донбасса оказывало СМИ Центрального комитета КП(б)У, Верховного совета и Совета народных комиссаров УРСР – «*Радянська Україна*». Выпуски печатного органа с системной периодичностью распространялись с января 1944 по декабрь 1973 г.

В архивах зафиксировано существование украинской газеты «*Ленінський шлях*» (1944 г.). Ещё одна в этот же период функционировала в другой части Донбасса под украинским

названием «*Сталінський шлях*» – орган Добропольского РК КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся (январь – декабрь 1944 г., январь – декабрь 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г., январь – декабрь 1949 г., январь – декабрь 1951 г., январь – декабрь 1954 г., январь – декабрь 1956 г.).

Газета «*Горняк*» в своё время позиционировалась как орган Чистяковского горкома и райкома КП(б)У, городского и районного исполкомов Советов депутатов трудящихся Сталинской области г. Чистяково. Её выпуски издавались с системной периодичностью с 1944 по 1966 г. В этом же году она стала органом Торезского комитета КП Украины и городского Совета депутатов трудящихся Донецкой области в г. Торезе.

Коммуникационный канал со свойственной ему структурой был едва ли ни в каждом населённом пункте Донбасса. Например, газета «*Дзержинський робочий*» стала печатным орган Дзержинского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся. Судя по сохранным её выпускам, можно сделать вывод, что она имела широкое распространение с июня 1944 по декабрь 1960 г.

Украиноязычный информационный ресурс «*За більшовицькі темпи*» с января 1944 по октябрь 1952 г. являлся печатным органом Волновахского райкома КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся (январь – декабрь 1944 г., январь – декабрь 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г., январь – декабрь 1949 г., январь – декабрь 1950 г., январь 1951 г. – октябрь 1952 г.). С 1944 по 1952 г. коммуникационное пространство Донбасса образовывала также газета «*Большевик*» – орган Славянского горкома РК(б)У, горсовета г. Славянска. В августе 1945 г. она позиционировалась как орган Славянского горисполкома и райкома КП(б)У городского и районного Советов депутатов трудящихся Сталинской области.

Производством газеты «*Соціалістическа Родина*» в течение продолжительного периода занимался Харцызский РК КП(б)У и райсовет депутатов трудящихся Сталинской области (август 1944 – 1966 г.). В 1966 году издание стало печатным органом Харцызского горкома КП Украины и горсовета депутатов трудящихся Донецкой области. Частью газетной индустрии Донбасса было также издание «*Краматорська правда*» – орган Краматорского ГК КП(б)У и исполкома горсовета депутатов трудящихся Сталинской области. О продолжительности системного функционирования газеты свидетельствуют выпуски за февраль – 1944 – декабрь 1966 г.

В русскоязычном Донбассе не прекращалась печать украинских изданий. В числе которых был *«Сталинський наступ»* – орган Старо-Керменчикского РВ КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся. Газета распространялась с мая 1944 по декабрь 1955 г.

Традиции в журналистике Донбасса, эквивалентные литературным закладывала *«Сталинская вахта»* (апрель 1944 – декабрь 1956 г.) – орган Снежнянского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся. В 1955 г. газета стала называться *«Стахановская вахта»*.

Информационно-технологической площадкой для общественной коммуникации на Юге Донбасса в военные годы продолжал быть *«Приазовский рабочий»* – орган Мариупольского горкома КП(б)У и городского Совета депутатов трудящихся (январь 1944 – декабрь 1966 г.). В 1950 г. газета стала печатным органом Ждановского горкома Коммунистической партии Украины и городского Совета депутатов трудящихся.

Представление аудитории об окружающей действительности формировал также печатный орган Будённого РК КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся *«Сталинец»* (май 1944 – декабрь 1956 г.). Комплекс коммуникативных технологий порождала газета *«Механизатор»* в качестве органа парткома, завкома и управления Горловского Ордена Трудового Красного Знамени машзавода им. Кирова (январь 1948 – 1967 г.). На мировоззрение и воздействие на аудиторию Донбасса оказывал также *«Сталинец»* – орган парткома КП(б)У, завкома профсоюза и дирекции Ново-Краматорского ордена Ленина машиностроительного завода (январь 1945 – декабрь 1958 г.).

Влияние на развитие массовой культуры посредством информационно-коммуникативного контента, ориентированного на удовлетворение запросов общества, оказывало издание *«Прапор Леніна»*. Издание, по меньшей мере, 14 лет было органом Марьинского райкома КПУ и райсовета депутатов трудящихся (январь 1945 – декабрь 1959 г.).

В военные годы продолжается издание украинских газет. Ещё одной такой была *«Сталинський шлях»* – орган Ольгинского райкома КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся Сталинской области с. Ольгинка (январь 1945 – декабрь 1956 г.). В ответ на потребность общества в информации появляется *«Знамя индустрии»* – орган Константиновского горкома КП(б)У, городского и районного Советов депутатов трудящихся (январь – декабрь 1945 г.).

На 1945 г. приходится выпуск ещё нескольких украинских газет *«Соціалістичний наступ»*, – орган Старо-Керменчикского

РК КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся (январь 1945 – декабрь 1959 г.), а также *«Радянська Донеччина»* – орган Сталинского обкома и горкома КП(б)У и областного Совета депутатов трудящихся. Газета стала одним из массовых изданий Донбасса того времени, что доказывают сохранённые выпуски (1945 – 1990 гг.). С 27 февраля до 13 марта 1947 г. – выездная редакция газеты работала на шахтах треста *«Орджоникидзеуголь»* г. Донецка, освещающая тяжесть горняцкого труда.

В период активный индустриализации и урбанизации Донбасса в ещё одном промышленном городе начинает функционировать ещё один инструмент массовой коммуникации *«Дружковский рабочий»*. Он был печатным органом Дружковского горкома КП(б)У и горисполкома Совета депутатов трудящихся (май 1945 – декабрь 1959 г.). Континуальный интерес аудитории, побуждающий её к межличностной или групповой коммуникации, вызвала газета *«Колхозное поле»* – орган Андреевского райкома КП(б)У и исполкома райсовета депутатов трудящихся Сталинской области (январь 1945 – декабрь 1959 гг.). Политчасть УМ УНКВД Сталинской области издавало издание *«На страже социалистического Донбасса»* (июнь – октябрь 1945 г., январь – декабрь 1947 г.). *«Стахановец транспорта»* также образовывал коммуникативное пространство в одной из частей Донбасса, являясь при этом органом Красноармейского отделения дороги и райпрофсоюза Южно-Донецкой железной дороги. Документальным свидетельством тому служат выпуски за: июль – август 1945 г., январь 1946 г., июль 1946 г., август 1946 г., сентябрь 1946 г., ноябрь 1946 г., декабрь 1946 г., февраль – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г. Инструментом общественной коммуникации в своё время на Донбассе служила и газета *«За Сталинский урожай»* – орган Мангушского РК КП(б)У и районного Совета депутатов трудящихся (январь – декабрь 1945 г., январь – декабрь 1946 г., январь – декабрь 1947 г., январь – декабрь 1948 г., январь – декабрь 1949 г.). На некоторых особенностях идейно-тематического содержания газет уже послевоенного периода останавливает своё внимание и Н. П. Курмакаева, отмечая, что: *«В советское послевоенное время в шахтёрско-металлургическо-машиностроительном крае наиболее частыми были публикации о положении дел в ведущих индустриальных отраслях производства, о патриотическом воспитании, культурной и спортивной жизни региона. Газеты ищут своё «лицо», осваивают новые*

жанры, открывают юмористические рубрики» [2, с. 181]. Для наглядного понимания масштабов украинизации, а также порождённых ею билингвистических процессов и оценки лингвокультурной ситуации стоит обратить внимание на классификацию газетных изданий по языковому признаку (Таблица № 1).

Таблица № 1

**Классификация газет Донбасса в период Великой
Отечественной войны по языковому признаку**

Русскоязычные издания	Украиноязычные издания
«Донецкий вестник», «Во славу Родины», «Бахмутская правда», «Мариупольская газета», «Снежнянский вестник», «Чистяковский листок», «Донецкий вестник», «Бахмутский вестник», «Бюллетень Краматорской городской управы», «Краматорская газета», «Донецкая газета», «Новая жизнь», «Новая жизнь», «Голос Донбасса», «Известия», «Эхо Приазовья», «Советская Украина», «Кочегарка», «Социалистическая победа», «Магистраль угля», «Красное знамя», «За большевистский транспорт», «Большевик», «Новый Донбасс», «Кировец», «Ленинский путь», «Дебальцевский рабочий», «Енакиевский рабочий», «Колхозная правда», «Знамя индустрии», «Известия», «Транспортник», «Горняк», «Дзержинский рабочий», «Большевик», «Социалистическая Родина», «Краматорская правда», «Сталинская вахта», «Стахановская вахта», «Приазовский рабочий», «Сталинец», «Механизатор», «Сталинец», «Знамя индустрии», «Дружковский рабочий», «Колхозное поле», «На страже социалистического Донбасса», «Стахановец транспорта», «За Сталинский урожай».	«Український Донбасс», «Комсомолец України», «Костянтинівські вісті», «Відбудова», «Українська земля», «Хлібороб», «Голос Донбасу», «Правда України», «Ударна бригада», «Колгоспний шлях», «За темпи», «Більшовицький шлях», «Радянська Україна», «Ленінський шлях», «Сталінський шлях», «За більшовицькі темпи», «Сталінський наступ», «Прапор Леніна», «Сталінський шлях», «Соціалістичний наступ», «Радянська Донеччина».
Всего: 49	Всего: 21

Подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на вооружённое противостояние в период Великой Отечественной войны, газетное производство на Донбассе не прекращалось, а в информационном пространстве в общей сложности функционировало 70 изданий, к числу которых относятся Всесоюзные, республиканские, региональные, городские и районные газеты. Некоторые из них издавались в подполье, эвакуации или же являлись оккупационными.

Наличие трети газет, функционировавших в исконно русскоязычном регионе на украинском языке, свидетельствует о том, что система печати Донбасса в данный период как один из источников информации имела особое влияние на языковые процессы. Посредством данного специфического билингвизма в печати предпринимались попытки насильственным путём сформировать в регионе особую лингвокультурную ситуацию.

Обширная система печати в данный временной период демонстрирует динамичное развитие в индустриальном регионе журналистских процессов, журналистики как общественного института, а также информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарников И. В. Тактика «выжженной земли» на Донбассе / И. В. Бочарников // Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 508-512.
2. Курмакаева Н. П. Динамика лингвокультурной ситуации региона в языке местной прессы / Н. П. Курмакаева // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10-11. – С. 178-186.
3. Мартынов А. С. Украинский военный коллаборационизм в городе Горловке в период нацистской оккупации Донбасса (1941-1943 гг.) / А. С. Мартынов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, Новосибирск, 27–29 сентября 2018 года. – Новосибирск: Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Институт истории СО РАН, 2018. – С. 365-378.
4. Протасова О. Л. История российской журналистики XVIII-XX вв. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. – С. 26.

АННОТАЦИЯ

Карпий С. В. Воздействие системы печати Донбасса на языковые процессы в период ВОВ (1941-1945 гг.)

В статье впервые справочно в историографическом аспекте на глокальном уровне представлен подробный перечень газет, функционировавших на Донбассе в период Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на идейно-тематическое содержание изданий, а также латентные попытки националистов под прикрытием государственной политики украинизации посредством прессы воздействовать на языковые процессы и лингвокультурную ситуацию в целом. Следствием данных процессов является относительное укрепление в индустриальном регионе билингвизма в различных его проявлениях, что на современном этапе развития Донбасса приведёт к разногласиям в вопросах идентичности и вооружённому противостоянию.

Ключевые слова: печать, пресса, СМИ, билингвизм, лингвистика, речь, язык, лексика, идентичность, лингвокультурная ситуация, классификация.

SUMMARY

Karpiy S. V. The impact of the printing system of Donbass on language processes during the Great Patriotic War (1941-1945)

For the first time in the article, for reference in the historiographical aspect at the glocal level, a detailed list of newspapers that functioned in Donbass during the Great Patriotic War is presented. Particular attention is paid to the ideological and thematic content of publications, as well as the latent attempts of nationalists under the guise of the state policy of Ukrainization through the press to influence the language processes and the linguistic and cultural situation as a whole. The consequence of these processes is the relative strengthening of bilingualism in its various manifestations in the industrial region, which at the present stage of development of Donbass will lead to disagreements in issues of identity and armed confrontation.

Key words: print, press, media, bilingualism, linguistics, speech, language, vocabulary, identity, linguocultural situation, classification.

УДК 811.161.1

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Проблема соотношения языка и религии, особенностей языка религиозной сферы стала предметом исследования на рубеже XX-XXI вв. (Н.Б. Мечковская), интерес исследователей к данному феномену с течением времени всё возрастает (И.В. Бугаева, М.Г. Селезнев и др.), сегодня лингвисты заявляют об особом статусе религиозного, или церковно-религиозного стиля (М. Войтак, Д.А. Звездин, О.А. Крылова, Ю.Т. Листрова-Правда, М.Б. Расторгуева, И.В. Шкрабкова и др.); исследуют религиозные тексты в социолингвистическом (Е.С. Худякова) и когнитивном (Л.Г. Панова, Е.В. Сергеева) ракурсе; как особый религиозный дискурс (С.Г. Воркачев, Е.Е. Сахарова, А.Д. Шмелев) и т. д.

В последние годы появилось много исследований, посвящённых проповеди как ведущему жанру религиозной сферы языка. Проповедь рассматривается с разных точек зрения: стилистической (И.В. Бугаева, И.А. Крылова, О.А. Крылова, Л.П. Крысин, О.А. Масурова, О.А. Прохватилова, М.Б. Расторгуева, Н.Н. Розанова и др.), дискурс-анализа (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, Т.В. Лосева, В.А. Мишланов, В.А. Салимовский), коммуникативной (Г.А. Агеева, Д.А. Звездин, Г.А. Савин), моральной (И.М. Гольберг), риторической (Н.А. Бурмакина, М.Р. Галиева, А.К. Михальская), прагматической (Т.В. Ицкович, Д.А. Листвин, Г.А. Ульянич) и т. п. Исследователи анализируют лексические средства выразительности в текстах православной проповеди (О.Н. Кондратьева), её фонетическую, произносительную сторону (Ю.Е. Коченкова, Е.В. Крымская, О.А. Прохватилова, Е.Ю. Рослова), тональность текста проповеди (Т.В. Ицкович), рассматривают синтаксис проповеди (А. Климчукова, А.А. Моллаева, М.М. Савина и др.), выявляют особенности её композиционного построения (Г.А. Агеева, К.А. Кузьмина), описывают жанровые разновидности в жанре проповеди (Н.С. Баланчик), эволюцию языка проповеди (Л.И. Шощкая).

Стилистическую основу текста проповедей составляет книжная лексика, слова и словоформы (устаревшие, торжественные слова, старославянизмы).

В православных проповедях часто используются такие тропы, как метафора, антономазия, гипербола, литота и др. С помощью

метафор священник подчёркивает значение уже известных адресатам персонажей, связанных с христианством, и помогает увидеть их с новой стороны, по-новому ощутить значение их деяний: *Видимым образом это сошествие было представлено как нисхождение огненных языков, каждый из которых почил на апостолах и даровал силу, мудрость и, главное, Божественную благодать, чтобы проповедовать и распространять веру Христову* (Патриаршая проповедь после Литургии в праздник Святой Троицы. Патриарх Кирилл).

Метафоры помогают священнику сделать более доступными сложные для понимания верующих явления, придать черты конкретики отвлечённым понятиям: *Дьявольские силы, потому что диавол с Богом борется, как сказал Достоевский, и, конечно, эта борьба направлена на то, чтобы исторгнуть веру из сердец, из сознания людей. Но силой благодати Божией вера живет, несмотря на сменяющиеся эпохи, несмотря на сменяющиеся правителей, несмотря на сменяющиеся политические режимы, несмотря на сменяющиеся взгляды на мир, на космос, на человека, несмотря на различные человеческие учения и идеологии* (Патриаршая проповедь после Литургии в праздник Святой Троицы. Патриарх Кирилл); *Праздник Вознесения приоткрывает нам окно в пока неведомое для нас будущее, в ту загробную перспективу, которая от каждого из нас еще сокрыта, но которая явится, как только перестанет биться наше сердце* (Проповедь в праздник Вознесения Господня. Патриарх Кирилл).

Антономазия является разновидностью метафоры, отличающейся специфическим объектом для переноса лексического значения – именем собственным. Например: *В ту пору возникла ересь, основоположником которой был не кто иной, как архиепископ Константинопольский Несторий, учивший, что Христос был рожден как человек, а потому неправильно называть Деву Марию Богородицей, а только Христородицей* (Проповедь в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

Гиперболы служат в православных проповедях священников преувеличению качества или признака, особенностью же использования гипербол говорящим является то, что с их помощью он изображает целые картины, совмещая гиперболу с другими риторическими средствами. Например: *А это означает, что те, кто умер, воскреснут со своими телами, а у тех, кто будет жить до последнего момента человеческой истории, изменятся телеса. И это будут уже другие тела – тела реальные, но подобные тому, которым обладал Спаситель после Своего Воскресения* (Проповедь в праздник Вознесения Господня. Патриарх Кирилл).

Сегодня во время Литургии читалось Евангелие от Иоанна (Ин. 17:1-13), *и в этом евангельском отрывке есть стих – на мой взгляд, центральный, самый значительный, в котором как в капле воды отражается все христианство* (Патриаршее слово после Литургии по случаю первой годовщины освящения главного храма Вооруженных сил РФ. Патриарх Кирилл).

Литота как явление, противоположное гиперболе и состоящее в преуменьшении качеств, свойств, значений, тем не менее, тесно связано с гиперболой и также служит преувеличению того, что сопоставляется с преуменьшаемым объектом или качеством.

Фигуры речи в православной проповеди разделяются на фигуры выделения и фигуры диалогизма. Одним из наиболее распространённых разновидностей фигур выделения, в свою очередь, являются добавления и повторы, к которым относятся в проповедях эпитет, плеоназм, синонимия, градация, реприза, анафора, интерпретация, многосоюзие и др. Такие риторические приёмы, как плеоназм и синонимия, используются в комплексе. Например: *И этим даром мы спасаемся – не своими силами, не своим разумом, не своим умением, не своей волей, но только силой благодати Божией, которая даруется нам в ответ на нашу веру* (Патриаршая проповедь после Литургии в праздник Святой Троицы. Патриарх Кирилл).

Градация применяется святителем Иннокентием особенно часто, причём проповедник достигает нарастания содержательного и эмоционального напряжения разнообразно и мастерски, сочетая градацию, как правило, с другими риторическими приёмами. Например: *Церковь нашу мы называем апостольской – прежде всего потому, что она была основана Господом через святых апостолов. А апостолы разнесли по всему миру Божественный дар, явленный в день Святой Пятидесятницы – день основания Церкви Христовой. Христианские общины, получившие этот дар через святых апостолов, стали образовывать местные Церкви, соединённые, однако, через Самого Христа во единое тело Церкви Вселенской. Именно поэтому Апостольская Церковь и существует до сего дня и распространена по всей вселенной, а те, кто распространял веру Христову, кто нес свидетельство о Христе распятом и Воскресшем, кто создавал местные общины, – продолжатели святых апостолов – стали именоваться равноапостольными* (Проповедь в день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла. Патриарх Кирилл).

Для стиля православной проповеди характерно сочетание риторических и стилистических приёмов и средств выразительности в пределах одного предложения, высказывания, сложного синтаксического целого, что служит усилению

экспрессивности речи, повышению силы её воздействия на слушателей.

Вторая разновидность фигур выделения – сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи, к которым относится эналлага (подстановка). Священники прибегают к такой разновидности эналлагы, как использование местоимения первого лица «я» вместо местоимения второго лица «вы» при описании тех чувств, которые должна испытывать паства. Проповедник говорит в этом случае, на первый взгляд, о своих чувствах и ощущениях: *И дай Бог, чтобы наши женщины, православные христианки, в полной мере были сегодня готовы – и духовно и, я бы сказал, интеллектуально – служить Воскресшему Спасителю* (Проповедь в Неделю 3-ю по Пасхе после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл). Апелляция к себе делает проповедника ближе к народу, помогает стиранию границ, показывает слушателям, что священнослужитель – такой же человек, как и они, и одновременно подсказывает им, какие чувства они сами должны испытывать по тому или иному поводу, то есть имеет, помимо прочего, назидательное, дидактическое значение без видимой назидательности, незаметное для паствы.

Ещё одна разновидность фигур выделения – определения и сравнения, к которым относятся в православной проповеди сравнительные конструкции, перифраз, антитеза, оксюморон и др. Сравнения, используемые в проповедях, могут быть основаны на различных ассоциациях как религиозного, так и светского характера. Апелляции в сравнениях к христианским легендам, сюжетам из Священного Писания нередки: *Святые угодники являются через чудеса, чтобы еще и еще раз сказать нам: «Мы не умерли, мы живы! И не просто живы, но находимся там, где Бог совсем рядом, и можем вам, людям земли, живущим в каждодневных трудностях и заботах, помочь так, как не поможет никто – ни родственник, ни знакомый, ни друг, ни тот, кто имеет власть и силу на этой земле, – потому что мы рядом с Господом и молимся о вас Творцу неба и земли»* (Проповедь в день памяти святителя Николая Чудотворца после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

Фигуры диалогизма в православной проповеди служат для придания речи вида беседы, благодаря им монологическое выступление превращается в диалог, совместное обсуждение священником и паствой того или иного богословского вопроса. Священниками наиболее часто используются такие фигуры диалогизма, как цитата, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, вопросно-ответный приём, заимословие и др. Риторические вопросы в проповедях

характеризуются многокомпонентностью, то есть проповедник задаёт несколько вопросов подряд, направленных на усиление одного и того же утверждения: *Казалось бы, кто должен быть верным Христу даже до смерти? Кто не должен был убояться никаких страхов, которые естественным образом возникли, когда Спаситель подвергся аресту, пыткам, а затем и крестной смерти? Кто был рядом с Ним, кто был ближе всех? Ближе всех были апостолы – и где же они? Даже в Гефсиманском саду – и то заснули. Господь молится, предвидя, предчувствуя, переживая приближающиеся страдания и крестную смерть; Он нуждается, по человеческому естеству, в поддержке, – а апостолов нет, они спят, и даже когда Господь пробуждает их, они снова засыпают... А где апостолы, когда Спасителя пригвоздили ко кресту? Остается лишь Иоанн, а кто еще окружал крест?* (Проповедь в Неделю 3-ю по Пасхе после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

Диалогизация достигается проповедником не только за счёт употребления специально предназначенных для этого фигур диалогизма, но и с помощью других стилистических и риторических приёмов (использования бытовой лексики, интерпретации, эналагии и др.): *Мы связываем чудо воскрешения Лазаря с общим воскресением всех умерших. И когда люди рационально мыслящие, не принимая факта всеобщего воскресения, задаются вопросом, как же может Господь телесно воскресить умерших, когда от них даже праха не осталось, – то ответ простой: а какая разница между подвергшимся тлению человеческим естеством, которое уже четыре дня как переступило границу жизни и смерти, и теми, для кого переход этой границы произошел более продолжительное время назад? Действительно, воскрешение Лазаря есть великий акт, свидетельствующий о силе Божией, способной воскресить весь человеческий род. Именно так: весь человеческий род будет изведен из гроба во времена Второго пришествия Господа и Спасителя на Страшный Его Суд* (Проповедь в Лазареву субботу. Патриарх Кирилл).

Стилю православных проповедей свойственно поучение без нарочитости, назидание, незаметное для паствы и тем более ценное. Способствуют этому используемые проповедником риторические и стилистические приёмы: местоимения мы, наш, литота, а также научная лексика, научные и технические образы в сравнениях и метафорах: *О том, что на пути решения этих маленьких и больших человеческих проблем мы совершаем не только доброе и хорошее, но и злое, плохое. И пусть Господь поможет нам как бы со стороны взглянуть на свою жизнь и провести дни Святой Страстной седмицы, не забывая и о том событии, которое мы сегодня воспоминаем, то есть в*

памятовании о всеобщем воскресении, а значит, и о нашей смерти и о нашем воскресении (Проповедь в Лазареву субботу. Патриарх Кирилл).

В православной проповеди также используются такие фигуры речи, которые определенным образом оформляют высказывание, выделяя особенности строя мысли автора. Благодаря использованию фигур речи фраза получает смысловую глубину и строится нелинейно, поскольку связи ее элементов образуют сложное содержательное пространство [1, с. 200]. Фигуры речи, используемые в православной проповеди, делятся, во-первых, на фигуры выделения (могут строиться путем добавления, пропуска, полного или частичного повтора, видоизменения, перестановки или распределения слов, словосочетаний или частей конструкции). Фигуры выделения представляют собой конструктивные схемы представления содержания, посредством которых сопоставляются или подчеркиваются те или иные аспекты мысли. Во-вторых, это фигуры диалогизма – риторические фигуры, которые используются для создания диалогического эффекта в монологической речи, то есть это включение в речь адресата элементов, которые представляются как мнимый или реальный обмен репликами между ритором, аудиторией или третьим лицом [1, с. 221].

В выборе проповедником, который является создателем, творцом оригинального текста, тех или иных стилистических и риторических приёмов, лексики отражаются его человеческие качества и особенности личности: глубокая эмоциональность, энциклопедическая учёность, стремление привести паству к вере не путём бездумного приёма её догматов, а путём раздумий и искренней убеждённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Изд-во храма св. мц. Татианы, 2001. – 480 с.
2. Прохватилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Прохватилова. – Волгоград, 2000. – 495 с.
3. Проповеди Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/patriarch/38019/>.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Стилистические особенности православной проповеди

В статье предлагается рассмотрение стилистических особенностей построения православных проповедей

как нашего периода, так и уже вошедших в историю материалов. Проанализировано содержания проповеди, своеобразие ее коммуникативного направления, уровень образованности, религиозности адресата и другие факторы, то, что непосредственно влияет на стилистические ресурсы православной проповеди.

Ключевые слова: православная проповедь, священник, прихожане, паства, текст, лексика.

SUMMARY

Leshkova N. V. Stylistic features of the Orthodox sermon

The article offers an examination of the stylistic features of the construction of Orthodox sermons both of our period and of materials that have already entered the history. The article analyses the content of the sermon, the originality of its communicative direction, the level of education, the religiosity of the addressee and other factors that directly affect the stylistic resources of the Orthodox sermon.

Key words: orthodox sermon, priest, parishioners, flock, text, vocabulary.

E. В. Минина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.23:811.111

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Поэтонимы в литературном произведении мотивированы и используются писателем для достижения определенной цели, поэтому функционирование поэтонимов является одним из важнейших аспектов реализации замысла писателя. Функция поэтонима – «выполнение своей роли, своего назначения в речи» [4, с. 145]. На сегодняшний день продолжается поиск идеальной общепринятой классификации функций поэтонимов, ведь на современном этапе развития в ономастике такой классификации до сих пор не существует. Взгляды специалистов по литературной ономастике расходятся относительно количества и названий функций поэтонимов. Опыт, приобретенный ономастами, дает основание утверждать что создание «идеальной» системы функций поэтонимов практически невозможно в силу того, что художественный поиск не прекращается, ученые выделяют все новые функции или дополняют уже существующие

новыми характеристиками [2, с. 25; 3, с. 279]. Целью данной статьи является анализ способов реализации социальной функции поэтонимов в художественном дискурсе на материале поэтонимикона исторической диалогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца».

Взгляды большинства ученых на номинативную природу имен совпадают, поскольку первостепенным назначением имен является номинация. По-видимому, исследователи осознают, что, если поэтонимы не будут выполнять номинативную функцию, они не будут восприниматься как имена собственные. В качестве обязательных для поэтонимов функций В. М. Калинин выделяет речевые функции (номинативная, идентифицирующая и дифференциальная), на которые наслаиваются другие функции, которые позволяют использовать поэтонимы в выразительных целях и которые можно обобщить под названием «эстетической, поэтической или стилистической», которую он считает основной функцией поэтонима [3, с. 282, 290]. Почти все исследователи на первый план выдвигают стилистическую функцию и заявляют о многофункциональности поэтонимов.

Одной из стилистических подфункций поэтонимов является социальная функция, направленная на выявление социальных составляющих поэтонимов. Писатель часто выбирает имена таким образом, чтобы они служили и социальной характеристике персонажей. Необходимо отметить, что в социальной функции реализуются прежде всего антропопоэтонимы. В рамках функционирования в художественном тексте каждый вариант антропопоэтонима представляет интерес с точки зрения своего коннотативного значения, поскольку имеет определенную социальную значимость [1, с. 168]. Социальная окраска антропопоэтонима (принадлежность к определенной социальной, религиозной или профессиональной группе) может проявляться в его семантическом значении или антропопоэтонимной формуле именования. В силу исторических условий развития общества в эпоху Средневековья царила преимущественно однокомпонентная модель именования, но с приходом норманнов появились прозвища и фамилии, которые стали основным источником антропопоэтонимных формул с двухкомпонентной структурой. Известно, что однокомпонентными антропопоэтонимами и формулами именования с двухкомпонентной структурой «имя+прозвище» обычно назывались низшие слои населения: крестьяне, строители, торговцы, церковные служители, а антропопоэтонимными формулами с двухкомпонентной структурой «имя+фамилия» – высшие слои населения: лорды, графы, рыцари, высшие духовные служители. Примерами

однокомпонентных антропонимов в социальной функции могут быть: *Joby* (чернорабочий), *Alfred* (сын строителя), *Ann* (дочь портного), *Gwenda* (дочь чернорабочего), *Dan* (каменщик), *David* (вор), *Edith* (местная девушка), *Edmund* (крепостной) и др. Проанализировав данные примеры, становится очевидным, что в реализации социальной функции участвует только структурный аспект антропонима, указывающий на социальный статус персонажа, а не его семантический аспект. Прозвища в составе двухкомпонентных антропонимных формул могут указывать на принадлежность персонажа к определенной профессиональной группе: *Christopher Blacksmith* – «кузнец», *Harry Plowman* – «пахарь», *Ian Boatman* – «лодочник», *Maldwyn Cook* – «повар», *Matthew Barber* – «цирюльник», *Ozzie Ostler* «конюх», *Richard Carpenter* – «плотник». Следующие прозвища указывают на профессиональную принадлежность внутри определенной религиозной группы, так как все персонажи являются монахами, занимающими различные должности в монастыре: *Andrew Sacrist*, *Bernard Baker*, *Bernard Kitchener*, *Milius Bursar*, *Milius Kitchener*, *Pierre Circuitor*, *Randolph Infirmaryer*. Прозвища также могут свидетельствовать о социальном положении, социальном статусе или возрасте персонажа: *Dick Shorthouse* («с небольшим домом»), *Little Merthin* («маленький»), *Old Joseph* («пожилой»). Из вышеуказанных примеров видно, что структура и семантическое значение прозвища способствуют реализации социальной функции, у которой много общего с характеризующей, что дает основание считать, что вышеупомянутые антропонимы одновременно выполняют несколько функций. Таким же образом функционируют и фамилии в составе двухкомпонентных антропонимных формул именования. Фамилии, как правило, указывают на принадлежность персонажа к высшим слоям населения, ведь только они обладали правом на получение фамилии и правом ее наследования в эпоху Средневековья: *David Caerleon*, *Percy Hamleigh*, *Agostino Caroli*, *Regan Hamleigh*, *Jake Riley*, *William Hamleigh*, *Hugh Morville*, *William Tracy*, *Thomas Langley* и другие.

Следующим примером влияния семантики и структуры антропонима на реализацию социальной функции является формула именования с двухкомпонентной структурой «приложение+личное имя или фамилия». В этом случае именно приложение указывает на социальный, профессиональный или религиозный статус персонажа, что подтверждает точку зрения А. В. Чигиревой относительно использования и роли приложения [5, с. 109]. Итак, приложения-маркеры религиозной принадлежности, указывающие на церковный сан, имеют отапельлятивную природу и могут быть выражены лексемами: *canon* (от англ. «каноник»),

mother (от англ. «матушка»), *abbot* (от англ. «аббат»), *archbishop* (от англ. «архиепископ»), *sister* (от англ. «сестра»), *archdeacon* (от англ. «архидьякон»), *bishop* (от англ. «епископ»), *brother* (от англ. «брат»), *dean* (от англ. «декан»), *father* (от англ. «отец»), *pope* (от англ. «папа»), *prior* (от англ. «настоятель»), *subprior* (от англ. «помощник настоятеля»), *subprioress* (от англ. «помощница настоятельницы»), как, например, *Sister Mair*, *Subprioress Natalie*, *Mother Cecilia*, *Canon Claude*, *Abbot Urso*, *Archbishop Theobald*, *Archdeacon Waleran* и др. Указанные антропоэтонимы могут употребляться без соответствующего приложения, но в контексте объясняется, о ком идет речь в данный момент. Однако при обращении мирян к служителям церкви или обращении монахов друг к другу приложение является обязательным элементом, ведь этого требует социальная среда. В качестве маркеров социально-родственных связей и семейного статуса выступают приложения, выраженные апеллятивными лексемами *aunt* (от англ. «тетя»), *cousin* (от англ. «кузен»), *uncle* (от англ. «дядя»), *grandfather* (от англ. «дедушка»), *widow* (от англ. «вдова»): *Auntie Bessy*, *Aunt Martha*, *Cousin Robert*, *Widow Huberts*, *Uncle Edmund* и др. Приложения-индикаторы социального статуса (ранга или титула носителей) представлены апеллятивами: *countess* (от англ. «графиня»), *count* (от англ. «граф»), *miss* (от англ. «мисс»), *duke* (от англ. «герцог»), *princess* (от англ. «принцесса»), *prince* (от англ. «принц»), *earl* (от англ. «граф»), *empress* (от англ. «императрица»), *king* (от англ. «король»), *lady* (от англ. «леди»), *lord* (от англ. «лорд»), *mister* (от англ. «мистер»), *queen* (от англ. «королева»), *sir* (от англ. «сэр»), *signor* (от англ. «сеньор»), *marquis* (от англ. «маркиз»). Примерами таких приложений могут быть *Prince Pedro*, *Marquis de Neuchatel*, *Countess Regan*, *Miss Margery*, *Countess Elizabeth*, *Duke Henry*, *Earl Richard*, *Empress Maud* и др. И, наконец, маркеры, указывающие на профессию персонажа – *master* (от англ. «мастер»), *mistress* (от англ. «мастерица»), *sheriff* (от англ. «шериф») – *Sheriff Bernard*, *Mistress Rose*, *Master John*, *Sheriff William*.

Антропоэтонимы способны создавать парадигматический ряд, состоящий из множества разнообразных антропоэтонимных форм и моделей [1, с. 169]. Писатель оставляет за собой право в определенный момент предложить такой вариант, который помимо предоставления характеризующей информации и эмоциональной окраски может раскрывать и социальный потенциал антропоэтонимов. Антропоэтонимное преобразование служит стилистическим приемом, который позволяет передать рост социальной значимости персонажа. Примерами социально значимых преобразований являются некоторые персонажи произведения «Столпы Земли», среди которых *Philip*, *Waleran*, *Jonathan*, *William*,

Percy, Regan и *Jack*. Рост социальной значимости Филиппа, Валерана и Джонатана происходил вместе с продвижением по церковной иерархической лестнице, что отображается в изменениях прозвища или прилагательных. Сначала указывается происхождение Филиппа *Philip of Gwynedd*, затем он становится послушником *Brother Philip*, после этого он был назначен настоятелем монастыря *Prior Philip*, поэтому к нему и обращались соответствующе *Father Philip*, а когда он возглавил не только монастырь, но и весь город Кингзбридж, то писатель называет его *Philip of Kingsbridge*, и, наконец, в конце саги ему удалось получить сан епископа и стал именоваться *Bishop Philip*. Итак, весь парадигматический ряд антропоэтонимных формул состоит из *Philip of Gwynedd – Brother Philip – Prior Philip – Father Philip – Philip of Kingsbridge – Bishop Philip*. Похожие изменения заметны и в антропоэтонимных преобразованиях следующих персонажей: *Waleran Bigod – Archdeacon Waleran – Bishop Waleran; Jonathan – Brother Jonathan – Prior Jonathan*. Изменение статуса семьи Хэмли произошло из-за измены и завладения имением Earlcastle и городком Shiring: *William Hamleigh – Lord William – Sir William – William of Shiring – Earl William – Sheriff William; Regan Hamleigh – Lady Regan – Countess Regan; Percy Hamleigh – Lord Percy – Earl Percy*. Самым ярким примером антропоэтонимных социальных преобразований служит персонаж Джека: *Jack – Jack Jackson – Jack Tomson – Jack Bastard – Jack Fitzjack – Mr Jack*. При детальном рассмотрении данного парадигматического ряда выясняется, что в начале произведения *Jack* – странный, несколько глуповатый парень с заурядной внешностью, но достаточно образованный и любознательный. Будучи подростком, он узнал, что его отца звали также Джеком, и решил называть себя *Jack Jackson* (благодаря прозвищу означает «сын Джека»). Джек всегда конфликтовал со сводным братом Альфредом, который, чтобы разозлить брата, называл его *Jack Tomson* («сын Тома») или еще хуже *Jack Bastard* («незаконнорожденный»), но Джеку удалось доказать, что его единственным родителем был *Jack Shareburg* и его по праву должны называть все же *Jack Jackson* («сын Джека»). Путешествуя по Франции и Испании в поисках Джека, Алиена расспрашивала жителей разных городов о нем как о *Jack Fitzjack* (также благодаря прозвищу передается как «сын Джека», но на франко-нормандский манер). И наконец, прославленный в Испании как высокообразованный человек и замечательный строитель, он заслужил обращение как *Mr Jack*.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что социальная функция поэтонимов определяется их семантикой и структурой и реализуется посредством разнообразных антропоэтонимных формул именования, выбор которых

зависит от исторических условий, социальной среды, воли и замысла писателя. Следует подчеркнуть, что антропопоэтонимные преобразования представляют собой особый стилистический прием и обладают определенным социально значимым потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Н. И. Textoобразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале призывов В. Аксенова) [Текст] / Н. И. Иванова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк : Донеччина, 2000. – С. 165–174.
2. Калинин, В. М. Литературная ономастика или поэтика онама. Методические указания к спецкурсу [Текст] / В. М. Калинин. – Донецк, 2002. – 39 с.
3. Калінкін, В. М. Поетика оніма [Текст] / В. М. Калінкін. – Донецьк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. Чигирева, А. В. Стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын», «Крошка Доррит» [Текст] / А. В. Чигирева, В. А. Бондарь // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 7. – Донецк : Донеччина, 2001. – С. 104–117.
6. Follett, Ken. The Pillars of the Earth [Text] / K. Follett. – London : Pan Books, 1990. – 1076 p.
7. Follett, Ken. World Without End [Text] / K. Follett. – New York : New American Library, 2008. – 1015 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В. Способы реализации социальной функции поэтонимов в англоязычном художественном дискурсе

Статья посвящается изучению социальной функции поэтонимов в англоязычном художественном дискурсе. Целью данной статьи является анализ способов реализации социальной функции поэтонимов на материале дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». В ходе исследования установлено, что социальная функция может реализовываться в англоязычном художественном дискурсе благодаря структуре и семантике антропопоэтонимов, а также антропопоэтонимным преобразованиям.

Ключевые слова: поэтоним, социальная функция, формула именования, приложение, парадигматический ряд.

SUMMARY

Minina Ye. V. The ways of realizing the poetonyms' social function in the English fiction discourse

The article is devoted to the study of poetonyms' social function in the English fiction discourse. The article aims at the analysis of the ways of realizing the poetonyms' social function on the basis of Ken Follett's diology «The Pillars of the Earth» and «World without end». The research establishes that the social function may be realized in the English fiction discourse due to the antropopoetonyms' structure and semantics as well as atropopoetonyms' transformations.

Key words: poetonym, social function, naming formula, apposition, paradigmatic series.

*Е. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.111:81'42

ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Знание людей об объективной действительности организовано в виде концептов, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Поэтому концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания.

Концепт – современный термин многих гуманитарных наук: языкознания, литературоведения, философии, лингвистики, психологии, культурологии. В научной литературе есть достаточно много дефиниций этого понятия, поскольку оно является одним из ключевых в исследовании языковой картины мира.

Актуальность данной статьи обусловлена проблемой осмысления языковых единиц как структур представления знаний, поскольку по совокупности концептов можно судить о ментальной модели действительности, которые отражены в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка.

Цель статьи: проанализировать и определить наиболее релевантные современные лингвистические подходы к определению понятия «концепт».

В русском языке слово «концепт» – калька латинского «conceptus» (понятие), и некоторые исследователи оперируют

ими как синонимичными. И все же, сейчас они являются достаточно дифференцированными. «Понятие» употребляется, в первую очередь, в логике и философии, а «концепт» – в языкознании, культурологии, лингводидактике, лингвистике. Термин «понятие» включает систему логических терминов, таких как «суждение» и «умозаключение», и является ступенью рациональной части концепта, то есть то содержание, которое включает основные существенные характеристики объекта [3, с. 128]. Анализ определений, который был проведен Л. А. Касьян [5, с. 50-53], показывает, что понимание термина «концепт» в современном языкознании является вариативным.

Существует как узкое его понимание (В. В. Красных), так и широкое (В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова). Бесспорным для всех подходов является то, что концепт принадлежит к сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концептами можно не только мыслить, но и их можно переживать. В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. А. Чернейко и другие лингвисты считают концепт, как минимум, трехмерным образованием и выделяют его предметно-образную, понятийную и целостную составляющие. Образная сторона концепта включает в себя зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и обонятельные характеристики предметов, явлений, событий, которые отражены в нашей памяти. Понятийная сторона концепта – это то, как концепт зафиксирован в языке, его значение, описание, структура, дефиниция, сравнительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам. Ценностная (интерпретационная) сторона концепта характеризует важность этого психического образования как для индивида, так и для всего языкового коллектива [3, с. 129].

В современном языкознании можно выделить три основных подхода к пониманию понятия «концепт»:

1) лингвистический (С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, В. В. Колесов, В. М. Телия): поскольку концепт существует для каждого словарного значения, то его следует рассматривать как алгебраическое выражение значения. В общем, сторонники этого направления понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом;

2) когнитивный (З. Д. Попов, И. А. Стернин, О. С. Кубрякова): концепт – явление ментального характера. Представители когнитивного подхода относят концепт к мыслительным явлениям и толкуют его как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона;

3) культурологический (Ю. С. Степанов, Г. Г. Слышкин): вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт – главный очаг культуры в ментальном мире человека. Ученые, придерживающиеся этого подхода, убеждены, что при изучении концепта внимание следует уделять культурной информации, которую он передает. Концепт здесь определяется как базовая единица культуры и является ее концентратом.

Сейчас все языковедческие подходы к пониманию понятия «концепт» сводятся обычно к лингвокогнитивному и лингвокультурологическому толкованию этого явления. Так, например, под концептом, как под понятием лингвокогнитивного явления, следует понимать «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с. 90]. А с точки зрения лингвокультурологического подхода концепт, например, культурный, определяется базовой единицей культуры, является ее концентратом [3, с. 116].

Следует отметить, что оба подхода не являются взаимоисключающими. Концепт как ментальное образование в сознании индивида – выход на концептосферу социума, то есть культуры, а концепт как единица культуры – это фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. По мнению В. И. Карасика, эти подходы отличаются векторами применительно к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – направление от культуры к индивидуальному сознанию. Разделение движения снаружи и движения внутрь является лишь исследовательским приемом, на самом деле это движение является целостным многомерным процессом [3, с. 117].

Концепт как объемное ментальное образование впитывает в себя не только инвариант значений слова, представляет его, но и абсорбирует инвариант значений словообразовательного гнезда того же семантического поля [10, с. 52]. Исследователи отмечают сложную структуру концепта. С одной стороны, его касается все, что принадлежит структуре понятия, с другой – в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры, т.е. этимология, символика, особенности восприятия, оценки и др.

Существует множество трактовок понятия «концепт». Иногда они очень отличаются друг от друга, одни из них крайне суженные (Ю. С. Степанов, Д. С. Лихачев, В. И. Карасик), другие

же максимально широкие (С. Г. Воркачев, С. А. Аскольдов). Наиболее всеобъемлющим, полным определением, на наш взгляд, является формулировка С. Г. Воркачева: «Концепт – это термин, сочетающий лексикографическую и энциклопедическую информацию, «самое близкое» и «самое отдаленное» значение слова, знания о мире и о субъекте, который его познает» [2, с. 10]. С. Г. Воркачев рассматривает концепт с разных точек зрения: концепт – это и то, с помощью чего человек познает мир; он основан как на опыте, так и на энциклопедической информации, некая средняя, выработанная в процессе познания, единственно верная квинтэссенция значения слова.

Если говорить о природе возникновения концепта, то, по мнению В. И. Карасика, концепт возникает в результате взаимодействия опыта, отбора на основе критерия ценности и механизма запоминания [3]. Согласно Ю. С. Степанову концепт возникает при столкновении мира культуры и индивида, что свидетельствует о том, что это определение является самым узким из всех перечисленных, так как автор дает лингвокультурологическое толкование концепта [9]. Д. С. Лихачев в своем определении концепта – «замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте» [6, с. 281] подчеркивает его сугубо индивидуальную направленность как средства понимания окружающего мира, не уделяя внимания социальной стороне данного понятия.

Таким образом, на современном этапе в языкознании невозможно отследить единую мысль в трактовке понятия «концепт» и его возможность характеризовать окружающий мир. Независимо от типов концептов, все они являются структурными звеньями, строительным материалом концептосферы определенного языка, в котором можно выделить меньшие образования.

Исследователи отмечают, что концепт как категория, которая является одной из важнейших для целого ряда гуманитарных наук, характеризуется своей неоднородностью. Выделяются конкретные и абстрактные, индивидуальные и групповые концепты, их разделение можно продолжить до транскультуральных универсалий. Более подробно типологию концептов можно рассмотреть по следующим признакам:

- 1) мысленные картинки (конкретные зрительные образы – собака «немецкая овчарка»);
- 2) схемы (менее детальные образы – дом как дом);
- 3) гиперонимы (очень обобщенные образы – дерево);
- 4) фреймы (совокупность ассоциаций, которые мы сохраняем в памяти – Новый год);

5) инсайты (знания о функциональном назначении предмета – вилка);

6) сценарии (знания о сюжетном развитии событий – свадьба);

7) калейдоскопические концепты (совокупность сценариев и фреймов, которые связаны с чувствами – счастье) [1, с. 43-67].

Важным моментом для понимания понятия «концепт» является мысль о том, что «ни один концепт не выражается в языке полностью» [8, с. 28-29]. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин приводят следующие аргументы:

1) концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств выражения;

2) концепт не имеет четкой структуры, он объемный, и поэтому не может быть выражен полностью;

3) невозможно зафиксировать все формы выражения концепта [8, с. 29-30].

По мнению В. А. Масловой, «концептосфера – это совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается мировоззрение носителя языка» [7, с. 34]. Концептосферу можно описать как полевую структуру, у которой есть «ядро (когнитивно-предложная структура важного концепта), приядерная зона (лексические репрезентации) и периферия (ассоциативно-образные репрезентации)» [7, с. 35]. Если исходить из того положения, что концепты бывают национальными и индивидуальными, то периферия будет отражать индивидуальные концепты, а приядерная зона и ядро – общенациональные и даже универсальные.

Некоторые лингвисты тяготеют к мнению, что лингвокультурологический и когнитивный подходы являются одними из ведущих для выявления главных свойств концептов, а именно: неизоллированность и связность с другими концептами. Именно такая семантическая связь между концептами дает возможность лингвистам объединять их в концептосферы. Д. С. Лихачев предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения (алгебраическим выражением или «алгебраическим обозначением каким мы оперируем в своей письменной и устной речи» [6, с. 4]. «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами» [там же].

Концептосфера языка соотносится с понятием концептосфера культуры. По мнению Д. С. Лихачева, концептосферы национального языка состоит из отдельных вариантов, которые группируются между собой. Так, существует концептосфера русского языка, а в ней концептосфера «семьи»,

«политики», «молодежи», индивидуальные концептосферы и др. Следовательно, можно говорить о концептосфере французского языка и выделить в ней концептосферу, например, «международные отношения».

Таким образом, анализ теоретических источников показывает, что при всем разнообразии вариантов толкования «концепт» единодушно признается единицей ментального пространства. Он структурирует знания о мире, отражая национальную специфику. Утвержденные в языкознании подходы к толкованию понятий «концепт» и «концептосфера» позволяют с новых позиций рассматривать закономерности и особенности корреляции языка, сознания и культуры, а следовательно, открывают и новые аспекты взаимодействия когнитивистики, лингвокультурологии, психологии, культурологии, философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд.-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 389 с.
4. Карпенко, А. В. Концепт у сучасних лінгво-когнітивних дослідженнях: підходи до визначення та типологія [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/25391/1/Karpenko.pdf> (дата обращения – 29.03.2021)
5. Касьян, Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып. 2 (17). – С. 50–53.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изд. РАН. – Сер. лит. и яз. – Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
7. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 296 с.
8. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд.-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.
9. Степанов, Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40–76.

10. Убийко, В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения. Когнитивные и культуроведческие подходы к языковой семантики: Тезисы докладов научной конференции. – М., 1999. – С. 52–53.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В. Понятие «концепт» в парадигме современных лингвистических исследований

Статья посвящена анализу лингвистических подходов к толкованию понятия «концепт» как одного из ключевых элементов базовой системы языковедческих терминов. Обобщены основные подходы к пониманию термина «концепт» и проанализированы его главные типологии. Также в статье рассмотрено соотношение концептосферы языка с концептосферой культуры.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, языковедческий подход, лингвистические исследования, лингвокультурология.

SUMMARY

Rochnyak E. V. The term «concept» in the paradigm of modern linguistic research

The article is devoted to the analysis of linguistic approaches to the interpretation of the term «concept» as one of the key elements of the basic system of linguistic terms. The main approaches to understanding the term «concept» are summarized and its main typologies are analysed. The article also considers the relationship between the concept sphere of language and the concept sphere of culture.

Key words: concept sphere, concept, linguistic approach, linguistic research, cultural linguistics.

*В. В. Фефелова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1:81'42:32:81'37.004.12(045)

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политический дискурс в последнее время стал объектом особого внимания лингвистов, так как обретает черты средства манипулирования сознанием и действиями широких слоёв населения. Специфика, функции и характеристики

политического дискурса подробно рассматриваются в работах таких исследователей, как А. Чудинов, Е. Шейгал, О. Эпштейн, А. Бушев, Т. Никишина, Т. ван Дейк, Р. Водак. Важнейший аспект реализации авторского присутствия в высказывании (категория субъективной модальности) активно исследовался такими учеными, как И. Гальперин, Г. Солганик, В. Виноградов, М. Бахтин Ш. Балли, К. Кербрат-Ореккиони др.

Между политикой и языком существует тесная связь. Относительно недавно лингвистами было дано объяснение, как язык влияет на политические, а следовательно, и общественные процессы. В социальном конструктивизме, возникнувшем в 60-е годы XX века, в трудах П. Бергера и Т. Лукмана было предложено обоснование, каким образом понятия, термины, речевые обороты выступают орудием политической мобилизации и мощным информационным ресурсом политических структур [1, с. 72].

Специфика политики в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности заключается в её преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями. Не случайно учёные считают, что политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой, а в современной политологии наблюдается тенденция рассматривать язык не столько как средство отражения политической реальности, сколько как компонент политики [12, с. 28]. Иными словами, можно говорить не просто о языке как значимом факторе политики, а о «языке политики» [6, с. 67].

Многочисленные исследования политического дискурса привели к появлению отдельного направления в языкознании – политической лингвистики. Политическая лингвистика – это область лингвистики, возникшая на срезе двух наук: лингвистики и политологии, и тесно связанная с другими лингвистическими дисциплинами, в частности, с прагмалингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой.

Центральным понятием политической лингвистики выступает политический дискурс, который является отдельной разновидностью дискурса и имеет целью получение и удержание политической власти. Основной задачей лингвистического анализа политического дискурса является раскрытие механизма сложных отношений между языком, властью и обществом. Изучение политической лингвистики помогает лучше разобраться в современных политических процессах и понять истинное значение выступлений политических лидеров и методы манипуляции общественным сознанием, которые они используют [3, с. 6].

А. Чудинов, говоря о предмете изучения политической лингвистики, употребляет термин «политическая коммуникация» – под этим термином подразумевается «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [10, с. 2]. Политическая коммуникация, информируя, параллельно влияет на эмоциональное состояние адресата, меняет политическую картину мира, сложившуюся в сознании. В данном случае политическая коммуникация рассматривается как широкое понятие, на базе которого реализуется политический дискурс. Исследователь также отмечает, что политический дискурс является одним из основополагающих терминов политической лингвистики, «важной задачей которой является исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией и политическим состоянием общества в конкретные исторические периоды» [10, с. 17].

Е.И. Шейгал отождествляет термины «политический дискурс» и «политическая коммуникация» и использует их как равнозначные [11, с. 28].

Политическая лингвистика исследует общие проблемы политического дискурса, рассматривает его отличия от дискурса других областей, анализирует жанровые вопросы политической речи (публичные выступления, парламентские дискуссии, листовки, лозунги, газетные статьи и др.) и особенности функционирования политических текстов. К сфере интересов политической лингвистики следует отнести также всё, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности [5, с. 12].

Как и в случае с термином «дискурс», термин «политический дискурс» до сих пор не имеет однозначного определения. В. Маслова рассматривает политический дискурс как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в котором адресант и адресат приобретают определенные социальные роли согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации [3, с. 7]. Политический дискурс как разновидность институционального общения обладает рядом признаков и выполняет ряд функций.

Некоторые современные исследователи определяют политический дискурс как «речевую деятельность политических субъектов в сферах институционального и

неинституционального общения, объективированную в виде совокупности текстов политической направленности во всём их жаровом и функциональном многообразии» [2, с. 9]. За данным многообразием подходов анализа просматривается особая языковая картина политического мира, восстановление которой возможно благодаря существующей неразрывной связи политических текстов с коммуникативной ситуацией, в которой они были созданы, с социальными, историческими, культурными, психологическими, идеологическими и иными факторами, с системой коммуникативных, прагматических и когнитивных установок адресанта, взаимодействующего с адресатом.

Мы разделяем точку зрения, что любой материал в СМИ, в котором идет речь о политике и автором которого является политик, либо если он адресован политику, следует считать политическим дискурсом. В современной лингвистике существует широкое и узкое понимание политического дискурса.

Политический дискурс – это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих её [7, с. 13].

Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [2, с. 6].

Процитированные дефиниции определяют широкий подход к пониманию понятия «политический дискурс», поскольку представляют такие формы общения, в которых к области политики относится по крайней мере одна из составляющих: адресант, адресат и содержание сообщения [6, с. 68]. Широкое понимание политического дискурса, который используется в публичной сфере, учитывает увеличивающееся влияние СМИ, развитие новейших коммуникационных технологий, расширение процессов глобализации (экстралингвистические факторы). Е. Шейгал, ссылаясь на многоаспектный подход В. В. Зеленского к изучению политики и политического дискурса, указывает на два уровня в определении политики: «Политика определяется как набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране или в мире между странами. Этот официальный уровень политики включает в себя средства массовой информации, систему образования и все те социальные институты, которые контролируют явления социальной жизни. Второй уровень политики – личностный; он представляет собой сам способ, которым первый уровень актуализируется в индивидуальном сознании,

его проявления в личности, в семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также в восприятии человеком произведений литературы и искусства» [11, с. 34]. Политический дискурс, с этой позиции, рассматривается как согласование персонального, социального и культурного знаний. При данном подходе изучение политического дискурса предполагает анализ всех семиотических систем, а практическим материалом выступают заявления политиков, политических обозревателей и комментаторов, публикации в СМИ, материалы специализированных изданий, касающиеся различных аспектов политики.

В узком понимании политический дискурс определяется как класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики [9, с. 60]. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, политической деятельностью, исследовательница обращает внимание на тот факт, что политический дискурс является одновременно формой институционального дискурса. Это значит, что дискурсами политиков считаются те, которые создаются в институциональном окружении: заседания правительства, парламентские сессии, съезды партий. Следовательно, политический дискурс сопровождает политический акт в политическом окружении.

В современной лингвистической литературе выделяют большое количество подходов к изучению политического дискурса. Е. Шейгал сводит существующие подходы в рамках лингвистического анализа к трем основным направлениям: дескриптивный, критический и когнитивный [11, с. 17].

Дескриптивный подход связан с исследованием языкового поведения политических деятелей (языковые средства, стратегии, манипуляции), а также содержательности политических текстов (ценностные установки, стремление к конфликту или сотрудничеству и пр.). Критический подход имеет целью изучение социального неравенства, представленного в дискурсе. При этом исследователь открыто выступает на стороне «угнетённых» и лишенных власти. Когнитивный подход позволяет моделировать структуры сознания участников политического общения через изучение фреймов и концептов, метафорических моделей политического дискурса, а также изучать связь языка и идеологии.

Н. Синекая добавляет к этому ряду количественный метод, который анализирует количественные внешние характеристики текста для формирования целостной картины о его содержании [8, с. 7].

О. В. Эпштейн выделяет наиболее общие семантико-прагматические категории, т.е. присущие политическому дискурсу признаки: образ автора, адресность, информативность, интенциональность, оценочность, конвенциональность, эмотивность, экспрессивность, модальность, интертекстуальность, социокультурную контекстуальность, форму коммуникации, средства коммуникации [13, с. 152]. Определяются также специфические характеристики политического дискурса: состязательность, агрессивность, идеологичность и театральность.

Рассмотрим реализацию некоторых из вышеуказанных категорий применительно к франкоязычным речам европейских политических деятелей. Категория модальности включает элемент необходимости и желательности, которая ярко выражена в высказываниях подавляющего большинства политиков и носит характер предписания, установки, необходимости: *«нужно представить эффективные ответы, это наша обязанность»*, *«мы все должны продолжать эту битву»*. Модальные глаголы *«devoir, falloir»* помогают реализовать данный аспект модальности. Говоря о таком компоненте модальности, как степень уверенности говорящего, что демонстрирует уровень осведомленности, можно сделать вывод, что все без исключения политики показывают высокую степень уверенности и убежденности при представлении высказываний, что и создает обстоятельство впечатления от политического высказывания. Данный аспект осуществляется посредством наречий интенсивности *«évidemment, naturellement»*:

(1) *C'est évidemment toute l'Europe et l'Europe libre qui a été attaquée* (Attentat à Manchester: *«C'est toute l'Europe qui a été attaquée»* déclare Emmanuel Macron [Видеозапись]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=fJX_OzLQQHg).

Уверенность и убежденность реализуются также с помощью лексических средств, в частности, прилагательных с оценочной коннотацией в роли именной части сказуемого:

(2) *Nous serons déterminés et résolus...* (Attentat à Manchester: *«C'est toute l'Europe qui a été attaquée»* déclare Emmanuel Macron [Видеозапись]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=fJX_OzLQQHg).

Заметим, что в данных случаях высокая степень уверенности говорящего соотносится с высокой степенью решительности и готовности к действиям.

По утверждению О. Эпштейн, «для публичной политической речи, полемики и интервью с политиком эмоциональность является неотъемлемой составляющей» [13, с. 155]. Согласимся с данным утверждением исследовательницы, отметив, что даже

если на первый взгляд высказывание того или иного политика кажется сдержанным и безэмоциональным, при его анализе обнаруживается целый ряд эмоциональных формулировок. Ярким примером могут служить «сдержанные» высказывания А. Меркель:

(3) Je suis comme des millions d'Allemands: horrifiée, choquée et très triste face à ce qui s'est passé hier soir... (Angela Merkel: ce crime «sera puni aussi durement que la loi peut le permettre» (après l'attentat de Berlin) [Видеозапись]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HgXN8IAHFx8>).

Сдержанная канцлер, как и большинство жителей Германии, испытывает эмоции ужаса, шока и выражает это с помощью лексических и стилистических средств: сравнения, гиперболы, аффективных эпитетов.

Рассматривая структуру политического дискурса, Е. Шейгал указывает на его пересечение с другими видами институционального дискурса: юридическим, научным, педагогическим, военным и пр. и с неинституциональными формами общения (художественный и бытовой дискурс). Автор определяет следующие структурообразующие признаки политического дискурса: институциональность, информативность, смысловую неопределенность, авторитарность [11, с. 59].

С точки зрения А. Чудинова, следует акцентировать внимание на таких свойствах политической коммуникации, как: ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; эзотеричность и общедоступность; редукционизм и полнота информации; стандартность и экспрессивность; диалогичность и монологичность; явная и скрытая оценочность; агрессивность и толерантность [10, с. 28].

Анализируя франкоязычный политический дискурс, мы можем отметить, что дихотомия ритуальность / информативность присутствует в подавляющем большинстве выступлений политиков (как европейских, так и американских). Публичные речи, связанные с проблемами терроризма и миграционного кризиса в Европе, являются ритуалом с закрепленными и, в некотором роде, предсказуемыми формой и содержанием. Прослеживается наличие стандартных компонентов высказываний политических деятелей: соболезнования близким погибших; осуждение злодеяний, которые спровоцировали данные утраты; критика бездействия властей, которые не смогли предотвратить данные происшествия (высказывания оппозиционных политиков) или призыв к принятию мер, направленных на предотвращение дальнейших терактов или

способствовать поимке преступников (высказывания представителей власти). Примечательны заявления относительно приёма мигрантов: высокопарные утверждения представителей правительства о необходимости принятия беженцев («потому что это соответствует ценностям Франции и Европы») и уверенные высказывания оппозиции о необходимости остановить приток мигрантов (путем закрытия границ, принятия соответствующих постановлений или других законодательных актов). В данном контексте особо интересными представляются высказывания лидера партии «Народный республиканский союз» Франсуа Асселино, которые в отличие от остальных выдвигает «неожиданные» разоблачения союзников Франции и обвинения в сторону их внешней политики, которая и спровоцировала данную нестабильность:

(4) ... les rebelles syriens, des «fameux rebelles syriens», contre le président Bashar Al-Assad en fait étaient encadrés, même très largement encadrés, par la CIA américain et que la CIA américain avait fait son affaire du financement de toutes ces opérations avec le Gouvernement saoudien qui a filé des milliards de dollars (Commentaire de Francois Asselineau à propos de la déclaration précédente [Видеозапись]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YmLARtp6Hs8>).

Процитированные высказывания отмечаются характером институциональности, то есть общение происходит между представителем одного социального института (политической партии, общественной организации) и гражданином, избирателем (в данном случае с целой страной). Особенностью высказываний является соотнесенность определенного политика не только с определенным социальным институтом, но и с культурными ценностями, ментальным кодом страны или общественного образования (коим является Европейский Союз). Социальный институт, в свою очередь, является выразителем мыслей, идей, ценностей более широкого образования (борьба против преступлений террористов и возмездие, единство и сплоченность, преобладание гуманистических идеалов при приёме волн мигрантов из стран, охваченных войной и пр.).

Высказывания европейских политиков отличаются общедоступностью, то есть понятным и доходчивым изложением своих мыслей, рассуждений, действий. При данном положении дел и настроениях общества (желание наказать виновных, недовольство притоком мигрантов и политикой государства в данной сфере и пр.) доступность и открытость высказываний просто необходима, чтобы хотя бы в небольшой мере удовлетворить потребность общества в действиях по устранению вышеуказанных угроз.

Экспрессивность высказываний политиков подчёркивает присутствие авторской модальности. Экспрессивность политического дискурса выражена целым рядом языковых средств: стилистическими фигурами (метафорические конструкции, эпитеты, акцентированные перечисления), экспрессивно-эмоциональные слова, экспрессивный синтаксис (риторические вопросы, восклицательные фразы). При этом стоит указать на впечатление, которое создается при многократном повторении определенных формулировок многочисленными политическими деятелями. Стилистические фигуры эмоционально-экспрессивная лексика при неоднократных употреблении приобретают эффект узнаваемости, ожидаемости и, соответственно, стандартности: «особая жестокость», «варварские действия», «трусливые атаки», «варварство», «глубочайшая печаль» и пр.

Политическая коммуникация является диалогичной по своей природе, поскольку ориентирована на воздействие [10, с. 33]. Одна из форм диалогичности, по его мнению, диалог на «расстоянии», с ответами на заранее подготовленные вопросы, оценкой существующих мнений. Мы согласны с данным утверждением и отметим, применительно к нашему материалу, что данная форма диалогичности базируется на диалоге с целыми нациями, а данные политические высказывания могут быть ответами на закономерные в данной ситуации вопросы. Например, как поймать и наказать виновных? Как предотвратить повторные теракты? Почему мы должны принимать мигрантов в ущерб собственному благосостоянию?

Явная оценочность при анализе действий (или бездействия) власти наблюдается в высказываниях французских оппозиционеров:

(5) Je n'en veux pas aux immigrés. J'en veux aux politiques. Mais les politiques, il faut les sanctionner et l'élection c'est le bon moment! (Marine Le pen et Rachida Dati sur l'attentat de Marseille [Видеозапись]). – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=NthuuDG56_g.

Данная оценка власти, высказанная Мари ле Пэн, имеет открытую негативную модальность, которая, в целом, поддерживается её соратниками (Ф. Филиппо, Ж. Коломбье).

Следует добавить, что в анализируемых высказываниях отсутствуют такие формы крайней агрессивности, как призывы к физическому насилию, использование брани, оскорблений. Вместе с тем, некоторые политики открыто категорично заявляют о применении максимальных усилий для физического уничтожения террористов (М. Вальс):

(6) Nous frapperons cet ennemi pour le détruire, bien sûr, en France et en Europe pour poursuivre ceux qui ont commis cet acte mais aussi, et vous le savez, en Syrie et en Iraq (Lutte contre le terrorisme: Macron s’imagine capable de pousser Apple ou Facebook [Видеозапись]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=64g3lA8oHZ0>).

А. Бушев указывает на языковые феномены политического дискурса, которые исследователь определяет как факторы социально-политического дискурса:

- клишированность и штампы (стереотипия);
- наличие аксиологической лексики (оценочность) – частые повторы и варирование разных слов и сем, процессы эвфимизации и перифразирования («словесный камуфляж цинизма в политическом дискурсе»);
- сложность дефинитивности терминов («наполнение явления своими смыслами») [4, с. 27].

Все вышеперечисленные факторы отображены в высказываниях европейских политиков по проблемам терроризма и миграционного кризиса. Особое внимание следует обратить на роль стереотипии и оценочности в реализации влияния на аудиторию как на средства, воздействие которых не подвергается сомнению.

При анализе политического дискурса лингвисты должны учитывать «как экстралингвистические факторы (обстоятельства, сопровождающие описываемые в тексте события, фон, поясняющий эти события, оценка участников события), так и собственно лингвистические факторы (фонетический строй текста, грамматические, лексические особенности текста)» [9, с. 7].

Таким образом, были рассмотрены различные подходы, интерпретирующие термин «политический дискурс» как основополагающее понятие политической лингвистики, главной задачей которой является изучение взаимосвязей между языком, мышлением и политической коммуникацией в обществе. Проанализированный франкоязычный политический дискурс может реализовываться как в рамках политических институтов, так и вне таковых. Данный тип дискурса рассматривается с точки зрения широкого (с учетом общественных и процессов глобализации, роста влияния СМИ) и узкого (ограниченный только высказываниями политических деятелей) подходов и обладает рядом семантико-прагматических категорий (модальность, экспрессивность, оценочность, образ автора и пр.) и характеристик (институциональность, информативность, авторитарность,

агрессивность, общедоступность). Политический дискурс современных европейских политиков чётко структурирован и строится на определённых штампах / клише. Позитивную либо негативную оценку политики выражают при помощи экспрессивно-эмоциональной лексики, аффективного синтаксиса, стилистических фигур речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акінчиць, Н. Г. Політичний дискурс як об'єкт наукового аналізу / Н. Г. Акінчиць // Культура народів Причорномор'я. – 2007. – № 107. – С. 72-76.
2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре) / А. Н. Баранов. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
3. Божеску, М. Г. Сучасні дослідження політичного дискурсу / М. Г. Божеску // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. – 2013. – № 14 (273). – С. 6-11.
4. Бушев, А. Б. Языковые феномены политического дискурса / А. Б. Бушев // Язык и коммуникация : Материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 27-30.
5. Горшкова, О. Ф. Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия в американском президентском дискурсе / О. Ф. Горшкова // Стратегии и тактики современного дискурса: Междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2014. – С. 10-17.
6. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – Вып. 60. – С. 67-69.
7. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск, 1998. – 255 с.
8. Синеокая, Н. А. Характеристика политического дискурса / Н. А. Синеокая // Современные проблемы науки и образования. – Ростов на Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2012. – С. 1-8.
9. Чашина, А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса / А. М. Чашина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 37 (328). – Вып. 86. – С. 60-62.
10. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учебное пособие / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гуманитар. ин-т, 2003. – 194 с.

11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
12. Шейгал, Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология = Philologica. – 1998. – № 14. – С. 22-29.
13. Эпштейн, О. В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса / О. В. Эпштейн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 2 (2). – С. 150-156.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В. Семантико-прагматические характеристики франкоязычного политического дискурса

В статье рассматривается «политическая коммуникация» в широком и узком понимании этого термина на материале франкоязычных публичных высказываний французских, европейских и мировых политических деятелей, посвященных проблемам терроризма и миграционного кризиса в Европе. Анализируются семантико-прагматические характеристики франкоязычного политического дискурса, ориентированного на массовую аудиторию: модальность, экспрессивность, оценочность, авторитарность, общедоступность, а также разноуровневые языковые средства их выражения, что и составляет актуальность исследования.

Ключевые слова: франкоязычный политический дискурс, субъективная модальность, структурообразующие признаки, разноуровневые языковые средства, семантико-прагматические характеристики.

SUMMARY

Fefelova V. V. Semantic and pragmatic characteristics of the French-language political discourse

The article examines «political communication» in a broad and narrow sense of this term on the material of French-speaking public statements of French, European and international politicians dedicated to the problems of terrorism and the migration crisis in Europe. The paper analyses the semantic and pragmatic characteristics of the French-language political discourse, aimed at the mass audience: modality, expressiveness, evaluativeness, authoritarianism, general accessibility, as well as multilevel linguistic means of expression, which is the relevance of the study.

Key words: French-language political discourse, subjective modality, structure-forming features, multilevel linguistic means, semantic and pragmatic characteristics.

УДК 81'38=111

ДЕЙКСИС КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ МАРКЕР РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

В современных лингвистических исследованиях дейксис рассматривается как «указательное поле», представляющее собой пространственно-временную систему координат, построенную относительно субъекта восприятия.

Универсальность дейксиса заключается в том, что речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц, ориентированных на говорящего или слушающего, поскольку высказывание не может быть произнесено без указания пространства и времени.

Дейктическими принято называть слова, которые соотносятся со своими обозначаемыми не непосредственно, а в определенных контекстуальных условиях. Феномен дейксиса состоит в том, что слово соотносится со своим означаемым посредством указания на речевой акт [11, с. 20].

Дейксис – это явление, предполагающее участие адресанта и адресата, изменение их позиций в отношении к предмету общения, однако существует и так называемый «вторичный дейксис», который не имеет прямого отношения к речевой ситуации и представляет собой трансформацию первичного дейксиса в особый речевой режим.

Следует также отметить, что в научной литературе сформировано достаточно четкое представление о дейксисе, однако существует множество различных его интерпретаций. Специфика этого лингвистического явления представлена разнообразием подходов исследователей.

Так, к примеру, в ходе интерпретации дейксиса Ю. Д. Апресян использует три ключевых понятия: наблюдателя, мыслимого говорящим; пространства, в котором говорящий в момент речи мыслит себя или наблюдателя, а также времени, в котором говорящий в момент речи мыслит себя или наблюдателя.

На основе этого формулируется основное свойство всякого дейксиса – это «либо совпадение (для я-дейксиса), либо несовпадение (для других разновидностей дейксиса) пространственно-временных координат описываемого факта с пространственно-временной координацией говорящего или мыслимого им наблюдателя» [1, с. 33].

Основное определение понятия «дейксис» заключается в следующем: «дейксис – это функция указания, которая соотносена с лицами, предметами или событиями, находящимися в определенном отношении к говорящему лицу или моменту речи» [11, с. 23].

Также необходимо отметить, что значение дейктиков подвижно и зависит от речевой ситуации, т.е. ее участников, времени и места высказывания.

Опираясь на ранее изложенное, мы можем выявить основные типы дейксиса, а именно: темпорально-локальный (пространственный и временной дейксис), а также предметный (личностный дейксис) (рис. 1).

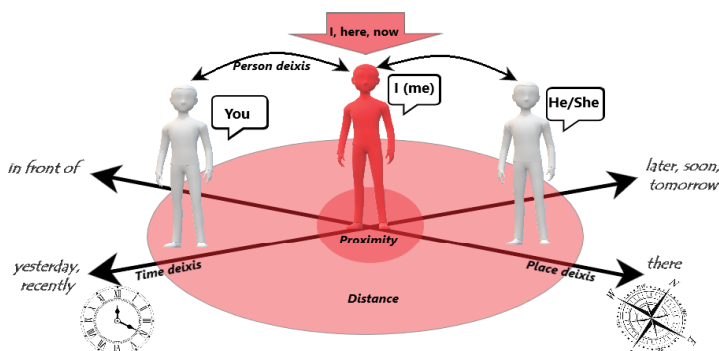

Рис. 1. Модель пространственно-временной координации

Объединив изученные классификации, к числу дейктических маркеров дискурса мы относим личностный дейксис, локационный, темпоральный, социально-ориентированный, дискурсивный и эмотивный дейксис.

Так, личностный дейксис предполагает указание на предметы и лица при помощи личных местоимений и представляет собой находящиеся во времени и пространстве персональные точки предметного дейксиса – адресанта, адресата, объекта речи, которые становятся центром координации [4, с. 19].

Благодаря тому, что адресат находится в одном поле сообщения с адресантом и ему известны коммуникативные условия ситуации, он способен понять говорящего в данный момент и идентифицировать объект, т.е. соотнести слово, произнесенное говорящим, с конкретным объектом действительности [там же].

Из этого следует, что личные местоимения наиболее приспособлены к осуществлению конкретной референции и

являются универсальным средством выражения персонального дейксиса, и эта функция является для них ведущей.

По своей сути, такие местоимения являются заместителями имени, выполняют в дискурсе функцию указания, при этом говорящий находится в центре дейктической координаты и выстраивает остальные релевантные дейктические параметры (время, место).

Для локационного дейксиса существенна, помимо говорящего, еще одна фигура – наблюдатель. В ситуациях, обозначаемых классическими дейктическими словами «сюда – туда», «этот – тот», «здесь – там», говорящий и наблюдатель всегда совпадают в одном лице.

К числу локационных дейктических маркеров относят также имя существительное, прилагательное, наречия и предлоги, которые обозначают пространственную ориентацию.

Локационный дейксис находит выражение при помощи наречий и указательных местоимений. Наречия являются наиболее обширным пластом лексики, выполняющим дейктическую функцию. Наречия места, в частности, относят к группе обстоятельственных номинаторов и подвергнуты субкатегоризации. Таким образом, наречия означают собственно место, а также направление коммуникации.

Темпоральные характеристики контекста получают формальное (грамматическое) выражение в грамматических категориях времени и вида. Это обстоятельство связано с принципиальным различием времени и места в процессе коммуникации: адресант и адресат, как правило, существуют в одном и том же времени, однако при этом они находятся в разных местах, которые могут объединяться или же противопоставляться одно другому.

Адресат может включаться в пространство адресанта или же выключаться из него; иными словами, пространство адресата может объединяться с пространством адресанта (здесь) или же противопоставляться ему (там).

Таким образом, временные характеристики напрямую связаны с адресантом и всегда имеют к нему отношение. Следует отметить, что ориентация на адресата возможна лишь при локационном дейксисе и не может иметь место при дейксисе темпоральном.

Наиболее очевидна дейктическая функция у грамматической категории времени. Видовременная форма глагола подбирается адресантом с учетом соотнесения времени или события, о котором идет речь, или с моментом речи. Наиболее типичным грамматическим средством выражения относительного указания времени являются системы грамматических времен.

Речевой акт является точкой отсчета для различения грамматических времен: прошедшего – до момента речи, настоящего – с включением момента речи, будущего – после момента речи [6].

Имена существительные с предлогами занимают обширную область среди лексических средств выражения дейксиса времени. Такие именные группы имеют возможность указывать на время непосредственно или опосредованно.

Что касается указательных местоимений, то они не только определяют пространственные отношения, но и косвенно указывают на время.

Дейктические выражения не являются чистыми указателями. Они комбинируют в себе две функции – знака и указательного символа. Хотя их значение обусловлено контекстом, у них есть еще добавочные значения, которые не могут считаться контекстуально обусловленными.

Что касается эмотивного дейксиса, исследователь Исакова З. З. отмечает, что он указывает на вербализованные эмоции как в письменной, так и в устной речи, ориентированные в основном на личность. Эмотивный дейксис объясняет использование тех или иных дейктиков как результат аффекта адресанта или его эмоционально-оценочного отношения к сообщаемому. Следовательно, представителями эмотивов-символов являются аффективы: междометия, эмоционально-оценочные прилагательные; единицы из ряда ненормативной лексики; усилительные наречия, которые выступают в сочетании с прилагательными для усиления экспрессивности; инверсия; повтор одной и той же фразы с разными интонационными характеристиками также маркирует эмоциональность.

Параметрическими характеристиками, регулирующими процессы трансляции и выражения эмоций в речи, необходимо считать модальность, направленность и тональность, взаимодействие которых приводит к формированию определенной эмотивной интенции.

Все названные характеристики представляют собой переменные, актуальные значения которых и формируют в каждом конкретном случае систему параметров эмотивного дейксиса. Центральное место в ней занимает эмотивная интенция [8, с. 70].

Таким образом, основными функциями эмотивного дейксиса являются регуляция эмоционального речевого поведения языковой личности и детерминация формы ее речевыражения в условиях эмоциональной коммуникативной ситуации [7, с. 62].

Дискурсивный дейксис связан с формальными элементами дискурса – лексическими или грамматическими, которые отсылают к какой-либо части информационно-смыслового поля (к примеру, выражения «выше», «ниже», «далее»). Эта разнovidность дейксиса связана с пространственно-временным континуумом дискурса в целом.

Социально-ориентированный дейксис используется для кодирования социальных отношений между коммуникантами как абсолютный – формы, связанные с социальной ролью, так и релятивный – формы по отношению к говорящему, а не по их роли в обществе.

Не вызывает сомнения тот факт, что любое высказывание так или иначе соотносится с внеязыковой действительностью, в которой оно порождается. Эта соотнесенность может осуществляться либо путем описания объекта, на который обращает внимание адресат, либо путем указания на него посредством жеста или функциональными эквивалентами лексического и грамматического уровней языковой системы. Именно поэтому очевидна роль дейксиса как «указательного поля». В нашем понимании, дейктические единицы маркируют особенности пропозиционального содержания, отражающего компоненты контекста дискурса.

Необходимо отметить, что основой современной лингвистики является антропоцентризм, сосредоточенность на человеческом факторе в языке, направленность на осмысление языковой концептуализации мира. Центральной категорией «жизни человека в языке», по мнению Э. Бенвениста, «вписывающей» многообразную социально коммуникативную практику человека в тексты культуры, является дискурс.

Его наиболее значимую форму, реализующую важнейшие процессы социального самопознания и формирующую мироощущение человека, его концептуальную картину мира представляет дискурс рекламы [2, с. 153].

В рамках этой публикации представлены наши наблюдения над особенностями функционирования дейксиса в англоязычном рекламном дискурсе.

Реклама является феноменом чрезвычайно многогранным и многоаспектным. К тому же, реклама трактуется как одна из сфер использования языка, где она, прежде всего, служит инструментом увещательной коммуникации, основной целью которой является воздействие на прагматическую сферу потребителей рекламы, а также побуждение к модификации их поведения [10, с. 89].

Понятие дискурса рекламы в научно-исследовательской практике закрепилось благодаря трудам Т. Г. Добросклонской, по мнению которой рекламный дискурс является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь и контекст)» [5, с. 22].

Для более широкого описания рекламного дискурса, необходимо отметить его специфические характеристики, к которым относят: завершенность сообщения, имеющего строго ориентированную прагматическую установку – привлечение внимания к предмету рекламы. Именно прагматическая направленность рекламного дискурса диктует выбор грамматических и лексических единиц и стилистических приемов; сочетание дистинктивных признаков письменного текста и устной речи с комплексом экстралингвистических средств, к которым относят культурно-историческое влияние на процесс создания дискурса и невербальное оформление (шрифт, цвет, размер, форма, наличие иллюстраций; мимика и жесты; аудиосопровождение), что в совокупности представляет собой целостное, содержательно-смысловое, иерархически организованное знаковое образование; антропоцентризм, т.к. именно дискурс рекламы обслуживает потребности человека и социума и характеризуется прагматической заостренностью; социальное воздействие и регулирование, предлагая тот образ мыслей и стиль жизни, которые ценятся в настоящее время и являются отражением развития культуры [10, с. 76].

Исходя из того, что реклама является особой моделью коммуникации, которая имеет свой специфический потенциал и отличается тенденциями своей композиционной организации, следует отметить, что существует несколько типов развития темы рекламного дискурса, таких как: линейный, пунктирный, ступенчатый, параллельный и развернуто-пунктирный [9, с. 201].

Так, при линейном типе развития темы наблюдается плавный переход мыслей, при этом последующая всегда зависит от предыдущей, что обуславливает специфику вербального контекста. Заметим, что эмотивный дейксис маркирует эмоциональное напряжение дискурса.

Например: *'Inside jar you'll find a radiantly glowing skin, naturally-blushed cheeks, wondrous eyes and color-kissed lips. Suddenly your skin has a radiant sun-kissed glow'* (реклама косметических изделий) [13].

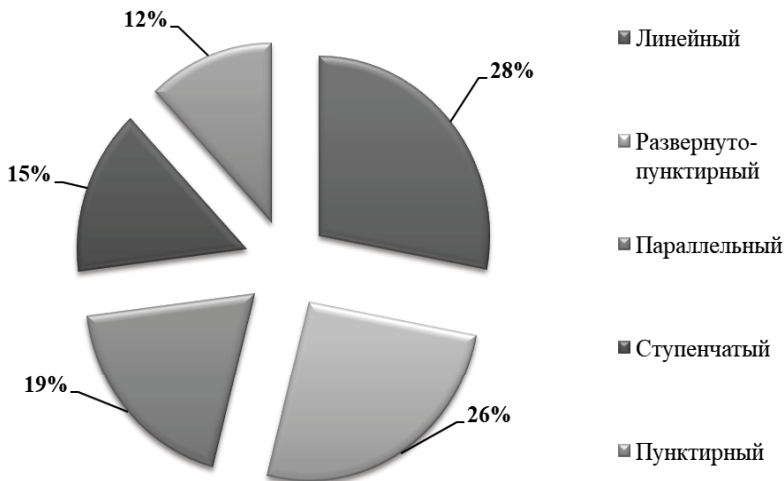

Рис. 2. Показатели соотношения типов развития темы

Так, при линейном типе развития темы наблюдается плавный переход мыслей, при этом последующая всегда зависит от предыдущей, что обуславливает специфику вербального контекста. Заметим, что эмотивный дейксис маркирует эмоциональное напряжение дискурса.

Например: *'Inside jar **you**'ll find a radiantly **glowing skin**, **naturally-blushed** cheeks, wondrous eyes and **color-kissed** lips. Suddenly your **skin** has a radiant **sun-kissed glow**'* (реклама косметических изделий) [13].

В приведенном примере наблюдаются личностный и эмотивный дейктические маркеры, представленные эмоционально-оценочными прилагательными, повтором и личным местоимением.

Или: *'**We will take your** life savings. **Now**, **your** investments should be **there** for **your** future. That's why **we** won't do anything with **your** money that **we** wouldn't do with **our** own. If **you** want **your** investments making money instead of headlines, think about who **you**'re investing with. **Now** it's simple* (реклама Frost Bank)' [13].

В примере, приведенном выше, темпоральный маркер *now* не только расширяет рамки настоящего, но и отражает значение противопоставления прошлому, сравнение с прежними ситуациями. Наречие *now* в рекламном дискурсе имеет широкий смысл и обозначает широкую сферу наличного современного – не ушедшего в прошлое и не отодвинутого в будущее [3, с. 23]. К

тому же представленный образец рекламы маркирован частотным личностным дейксисом.

В другом образце рекламного дискурса с линейным развитием темы наблюдается специфическая дейктическая аранжировка.

Например: *We will take **your** life savings. Now, **your** investments should be **there** for **your** future. If **you** want **your** investments making money instead of headlines, think about who **you**'re investing with. Now it's simple* (реклама Frost Bank) [13].

В этом образце рекламного дискурса наблюдается использование частотного личностного дейксиса и темпорального, выраженного словоформами *now, will, future*.

Пунктирный тип топикальной динамики характеризуется краткостью и динамичностью развития темы, отражая особую контекстуальную ритмику, равную значимость приведенных один за другим фактов, степень связности и эмоциональную динамику. В этих контекстуальных условиях идентифицирующими маркерами являются личностный и эмотивный дейксис.

Например: *Drink juice, "Good." We care about you. We care about your health. We care about your children. We care about your future. Stay with us. Stay with Love «Good»* (реклама сока) [13]. В этом образце рекламы реализация коммуникативного замысла маркируется прежде всего личностным дейксисом при помощи личных местоимений *you/we*, а также эмотивного повтора *we care about, stay with*.

Ступенчатый тип развития темы представляет собой последовательный переход от одной мысли к другой, однако в отличие от линейного включает в себя эмоциональный и смысловой акцент. Такая контекстуальная динамика подводит к пониманию того, что только данная фирма может обеспечить то, что является доминантой информационно-смыслового поля и поэтому создается впечатление множественности достоинств рекламируемого товара. Дейктическими маркерами этой топикальной динамики являются личностный, эмотивный, темпоральный, а также локационный дейксис.

Например: *At Pet Smart, we know that pet adoption **changes** lives. That's why Pet Smart Charities helps save more than a thousand homeless pets **every day**. Be a part of **these** life changing moments at our National Adoption event **this weekend**. It won't just **change** their world, it'll **change you** too* (реклама сети магазинов) [13].

В этом примере маркерами идентификации и дифференциации являются личностный дейксис, который выражен такими местоимениями, как *we/you*, темпоральный дейксис – *every day, this weekend, these life changing moments*, эмотивный дейксис – *these life changing moments*, а также повтор словоформы *change*.

Или: *We will **return to that** in a moment, **but first look at that** responsive touch-screen on a new phone. Blackberry Storm. An **incredible** power is in your hands. Vodafone. Make the most of **now*** (реклама нового смартфона) [13].

Этот образец рекламы со ступенчатым развитием темы маркирован дискурсивным дейксисом, который указывает на структурные составляющие вербального контекста, отсылая адресата, к примеру, к последней части информационно-смыслового поля, а также эмотивным и темпоральным.

В свою очередь развернуто-пунктирному типу топикальной модели присуща резкая сменяемость приводимых фактов – специфическая ритмизация, конкретизация и оценочность. Доминирующим маркером идентификации в этих контекстуальных условиях является эмотивный дейксис. Следует также отметить, что оценочность характерна для всех типов развития темы рекламного дискурса, а эмотивность является ингерентным риторическим признаком рекламы.

Например: ***You don't need an official court, an official net or official uniforms to be officially great. Find your greatness with our shoes*** (реклама спортивной обуви) [13].

Как явствует из вышеизложенного, модели дейксиса могут быть однокомпонентными и поликомпонентными, идентифицирующими маркерами информационно-смыслового поля дискурса.

Например: ***Drench your curls! This nourishing blend with coconut oil, sweet honey and a twist of citrus oil helps to enhance natural softness, boost decadent spirals, and tame frizz for beautiful tumbling waves with bounce and shine*** [13].

Или: ***Drench your dehydrated strands in this ultra lightweight hydrating formula with coconut water, electrolytes, and coconut oil. This supercharged blend helps to transform dry, parched hair into silky, shiny perfection. Only this month. Only at this time*** (реклама средства для волос торговой марки Kukuioil) [13].

В первом примере указательное местоимение *'this'* (однокомпонентная модель) является структурным элементом поликомпонентной модели эмотивного дейксиса *this nourishing blend*, а во втором примере эта словоформа как эксплицитный локационный дейксис представлена в структурно аналогичных моделях темпорального дейксиса *this month, at this time*.

Параллельный тип развития темы расщепляется на ряд подтем, детализирующих основное сообщение. Как правило, мини-темы автономны по своему характеру, а их отношения друг к другу в рамках дискурсивного пространства можно определить как параллельные. Каждая подтема маркируется прежде всего эмотивным как доминирующим в рекламе дейксисом, а также

личностным, релевантным дейксисом, сигнализирующим значимую роль антропофактора в дискурсе.

Например: *Introducing liners with sport level protection. New liners from Playtax Sport are **amazingly thin**, yet **super absorbent**, featuring a Flex Fit design to twist and turn with **your** body. Sport Level protection, so **you** can play on* [13].

Или: *Inside jar **you'll find a radiantly glowing skin, naturally-blushed cheeks, wondrous eyes and color-kissed lips. Your skin has a radiant sun-kissed glow*** (реклама косметических изделий) [13].

Проанализировав примеры разных типов развития темы в рекламном дискурсе, мы приходим к выводу, что рекламе присуща разнообразная топикальная динамика, отражающая своеобразную ритмизацию коммуникативного замысла, идентификацию и дифференциацию контекстуально значимых сегментов, маркированных дейксисом (рис. 2).

Так, относительно визуального ряда дейктические единицы функционируют в сфере проявления определенного риторического кода, выступая как элементы фактора адресата для создания рекламного дискурса, понятного ему, оправдывающего его ожидания. Они укладываются в систему кодификации, поскольку всякое сообщение говорит то, чего ожидал потребитель [12, с. 253].

Наши наблюдения показывают, что наиболее частотными и, следовательно, релевантными дейктическими маркерами контекста рекламного дискурса являются модели эмотивного и личностного дейксиса. Эмотивный дейксис придает рекламному дискурсу легкость, удерживает тему в центре внимания получателя, требует меньше усилий, затрачиваемых на декодирование синтаксических конструкций и ускоряет процесс соотнесения каких-либо фактов с личным опытом. В то же время личностный дейксис приводит к субъективации авторского повествования, что создает «эффект присутствия» потребителя в конкретной описываемой ситуации, а также придает доверительный оттенок, эффект искренности и настраивает потребителя на то, что рекламируемый товар является доступным в приобретении, и, разумеется, призывает приобрести данный продукт.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в рассмотрении функциональной специфики дейксиса как «указательного поля» в типологическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира / Ю. Д. Апресян – М. : Языки русской культуры, 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Наука, 1987. – 200 с.
4. Гармажапова, Л. А. Выражение персонального дейксиса личными местоимениями / Л. А. Гармажапова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 10. – С. 19–23.
5. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
6. Ерзинкян, Е. Временной дейксис в семантике различных частей речи // Herald of Social Science. – 2012. – № 12. – С. 21–31. – URL : <http://www.lraber.asj-oa.am/2204/> (дата обращения: 08.04.2021).
7. Исакова, З. З. Дейксис и его тесная связь с эмотивностью / З. З. Исакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – Вып. 51. – С. 70–78.
8. Кротова, М. А. Дейктические единицы в рекламном дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – Вып. 8. – С. 98–103.
9. Одинцов, В. В. Композиционные типы речи / В. В. Одинцов // Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С. 130–217.
10. Рахимов, С. Проблема дейксиса как категории сопоставительной грамматики // Филологические науки. – 1986. – Вып. 3. – С. 62–69.
11. Успенский, Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в тексте / Б. А. Успенский // Вопросы языкознания. – 2011. – Вып. 2. – С. 3–30.
12. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 554 с.
13. Advertisment / Текст : электронный // Английская реклама : сайт. – URL : <http://englishon-line.ru/reklama-na-angliiskom.html/> (дата обращения: 10.04.2021).

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А., Жоломко В. В. Дейксис как идентифицирующий маркер рекламного дискурса

Статья отражает специфику дейксиса как идентифицирующего маркера рекламного дискурса, приводятся наиболее релевантные дейктические единицы вербализации рекламного дискурса, рассматриваются модели развития темы рекламного дискурса. Данные контекстуального анализа свидетельствуют о специфике функционирования дейксиса в дискурсе рекламы.

Ключевые слова: дейксис, маркер, реклама, дискурс, контекст, вербализация.

SUMMARY

Shtakina L. A., Zholomko V. V. Deixis as an identifying marker of advertising discourse

The article highlights specifics of deixis as an identifying marker of the advertising discourse. The focus of this research is primarily on the deixis relevance as the identification by pointing. The verbalization peculiarities and the topical dynamism are exposed within the framework of contextual analysis. The data obtained reveal the functional essence of deictic markers identifying coherent discourse stretches in a given advertising context.

Key words: deixis, marker, advertising, discourse, context, verbalization.

О. И. Баранова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'23

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Цель нашей статьи – показать, как явление «десемантизация» рассматривается исследователями, принадлежащими к разным направлениям лингвистики.

Любая культура формируется под влиянием исторически сложившихся экстралингвистических условий, определяющих национальный характер, мышление, язык, невербальные и вербальные средства общения. По мнению И.И. Халеевой, «межкультурная интеракция» происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом осознают тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает попеременно «чужеродность» партнера [5, с. 6], поэтому невладеение лингвокультурными реалиями того или иного лингвокультурного социума приводит к конфликтам и непониманию как в процессе обучения иностранному языку, так и в процессе межкультурной коммуникации.

Одной из таких проблем выступает явление десемантизации в процессе речетворчества при интеркультурном взаимодействии. Этот феномен на данный момент изучен слабо, чем и обусловлена актуальность данной статьи. Достаточно часто в процессе

межкультурной коммуникации носителя языка и представителя иного лингвокультурного сообщества первый, может, совершенно не замечая того, может употреблять десемантизированные единицы, что, соответственно, вводит в «ступор» инокультурного собеседника и может увести разговор/переписку в совершенно иное русло. В особенности неприятно, когда речь идет о бизнес-переговорах, где фигурируют большие деньги и престиж компаний.

Мы считаем, что десемантизация – это распад, уменьшение или редукция смысла; процесс, в соответствии с которым определенный текст начинает частично или полностью терять свое значение. Значение существует, его можно найти в толковом словаре, можно восстановить в сознании, но в речи (в конкретном акте речевой коммуникации) оно не проявляется. Если текст многократно повторяется, в сознании адресата он начинает терять свой смысл (не увеличивать его): мозг перестает декодировать входную информацию как уже обработанную и начинает «отдыхать». Данной проблемой в разные времена занимались такие ученые, как О.А. Леонтович, С.Г. Тер-Минасова, И.Ф. Птицына, В.В. Красных, А.В. Чанчина и др.

С точки зрения этиологии (науки, изучающей причины и происхождение чего-либо), явление десемантизации следует рассматривать с нескольких позиций. Многие лингвистические парадигмы в той или иной мере касались данной проблемы.

Психолингвистика анализирует психологические особенности хранения и употребления десемантизированных единиц. Так, например, в контексте изучения *клише сознания и штампов сознания* В.В. Красных в работе «"Свой" среди "чужих": миф или реальность» различает их как единицы, несущие/ненесущие информационной нагрузки, единицы лингвистические и единицы психологической природы [4, с. 127]. Критерием разграничения может служить также наличие/отсутствие семантико-информационной нагрузки: клише сознания таковую несет, штамп сознания – нет. Другими словами, для клише сознания крайне важна семантика: весь комплекс значений, поверхностных и глубинных, которые стоят за вербальной единицей, соотносимой с клише; т. е. речь идет не только о *понимании* формы, но и о *знании* того, что стоит за данной единицей; при функционировании клише идет игра со значением. Для штампа сознания семантика значительно менее актуальна, для него в первую очередь важна форма, поэтому при функционировании штампа идет игра с формой. В нашем же случае наиболее интересным является изучение именно клише сознания, к коим, как мы считаем, относятся прецедентные феномены.

Вслед за А.Г. Чикибаевым мы выделяем десемантизированные прецедентные высказывания (ДПВ) и десемантизированные фразы (ДФ), где ДПВ выражается прецедентным феноменом, культурно-значимой единицей (*Что позволено Юпитеру, не позволено быку*), тогда как ДФ выражаются этикетными формулами (*How are you?*, *Hello!* и т. д.), выполняющими фатическую функцию [7, с. 20]. Как считает Ю.В. Щурина, десемантизированные прецедентные высказывания входят в языковое сознание носителей языка на уровне клишированных поговорок, составляющих то, что в последнее время в науке получило название речевой субкультуры. «*Евреи, не жалейте заварки*» – из анекдота про умирающего еврея, который владел секретом заварки крепкого чая. Фраза используется в ситуации заваривания чая.

Для адекватной интерпретации комических прецедентных феноменов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих presuppositions. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных текстов, паремий, фразеологизмов; отсутствие необходимого, хотя бы предварительного знакомства с литературными произведениями, кинофильмами и т. п.) может привести к коммуникативному сбою, возникновению незапланированного перлокутивного эффекта. Для юмористических прецедентных феноменов отсутствие ожидаемого комического эффекта равносильно коммуникативной неудаче.

С точки зрения лингвокультурологии, десемантизация – это приписывание слову смысла, которого у него не было, и далее использование этого слова в новом смысле при одновременном попирании смысла старого. Так, например, с буквенным сокращением «КПСС» долгое время ассоциировалось слово «слава», и трудно было разъединить эти два понятия: они слились в нечто нечленимое. Высказывание «*Народ и партия едины*» можно было написать в одно слово (без пробелов), так как утрачено внутреннее членение на смысловые единицы. В данном ключе десемантизированные прецедентные высказывания – это устоявшиеся речевые обороты, используемые для того, чтобы освободить себя от необходимости выразить личное отношение к происходящему. Например: «*Все мужики – козлы*».

Структурная лингвистика рассматривает эту проблему несколько с другого ракурса. Так, например, А.В. Чанчина считает, что практически любая языковая единица может переходить в междометие [6, с. 273]. В качестве примера здесь можно

представить мысли гениального лингвиста В.В. Виноградова, который пишет: «Производные, вторичные междометия нередко сохраняют грамматические остатки своих прежних синтаксических свойств, следы своего бывшего отношения к интеллектуальным, знаменательным частям речи» [1, с. 282]. Вторичными междометиями считаются единицы, лексическое значение которых сохраняется, хотя и оттесняется эмоцией «на задний план». Для иллюстрации такой позиции можно привести фрагмент английского текста, в котором императивная форма «слушайте!» представлено как междометие:

Hear, hear! Hear, hear! Hear, hear! Admirably put from the business point of view (B. Shaw, *Widower's. Houses.* (Слушайте! Слушайте! Замечательно сказано с деловой точки зрения – Б. Шоу. Дома вдовца).

Семиотика рассматривает явление десемантизации как разрушение семантических ресурсов языковых единиц и имеет семиотическую природу, также принимая различные языковые формы. О.В. Кравченко понимает под десемантизацией семантические процессы и их результаты, приводящие к появлению образцов лингвистического абсурда. Она считает, что синтагматические аномалии являются наиболее распространенной формой десемантизации. Данный факт объясняется тем, что актуализация значений слов происходит в синтагматической цепи. Как употребление некоторого слова в стандартном семантическом окружении приводит к актуализации его регулярного значения (регулярных значений), так нарушение семантической сочетаемости во многих случаях может приводить к десемантизации. Причиной нарушения семантической сочетаемости выступает противопоставленность или неоднородность семного состава компонентов словосочетания, что соответственно приводит в замешательство представителя иноязычного лингвокультурного сообщества, при встрече с данного вида языковой игрой. Ярким примером синтагматических аномалий служат словосочетания, компоненты которых в своей семантической структуре содержат противоположные семы: *Разберем кирки и лопаты и маршем бодрой печали и горестного ликования отправимся хоронить своих мертвецов* (А. Соколов).

Одной из важных составляющих процесса десемантизации являются *этикетные формулы* (десемантизированные фразы). В.В. Картошина под *речевым этикетом* понимает регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта

собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [2, с. 18].

Речевой этикет в процессе межкультурной коммуникации позволяет засвидетельствовать уважение, помогает определить статус происходящего общения; формирует благоприятную эмоциональную обстановку и оказывает положительное воздействие на слушателя. Речевой этикет может реализовываться как в характеристиках речи в целом, так и в десемантизированных языковых единицах: формулах приветствия, прощания, просьбы и пр. Такие устойчивые языковые формулы определяются как культурно обусловленные национальные языковые стереотипы.

Одной из характерных особенностей дискурса международных переговоров является умение соблюдать принцип вежливости и межличностной дистанции, проявляющийся в устойчивых, конвенциональных идиомах, таких как *Could you...?*, *Will you...?* (*Would you put us up?*). Десемантизированные фразы благодарности *Thank you very much, you've been so helpful and supportive* могут соответствовать русской фразе *Большое спасибо за помощь и поддержку* или *Большое спасибо, вы мне очень помогли*. При этом, если в русской коммуникации такая фраза следует в ответ на реально оказанную помощь или поддержку, в английском общении достаточно того, что адресат выслушал вопрос или просьбу адресанта и проявил к ней интерес.

Здороваясь, коммуниканты в межкультурной коммуникации обычно сопровождают приветствие формулой *'How're you'*, что также является внешним знаком внимания к адресату. В прагматическом плане она представляет собой не столько вопрос о состоянии здоровья или дел адресата, сколько знак признания его существования и значимости, способ проявления внимания к нему.

При прощании англичане очень часто сопровождают реплику прощания пожеланием (*Have a nice day / Have a relaxing afternoon / Have a great evening / Have a lovely week-end*), что также является знаком внимания к адресату, или такими репликами, как *Take care / Take it easy*, которые практически утратили свою семантику, что подтверждается возможностью их употребления незнакомыми людьми. Их прагматическая функция – сказать что-то приятное адресату на прощание, продемонстрировать интерес к нему. Следовательно, как в русском, так и в английском языке десемантизированные высказывания могут становиться знаками соответствующего коммуникативного события.

Можно выделить также дистанцирующую функцию этикетных формул. Эта функция, выполняемая определёнными грамматическими структурами для придания приказам, просьбам, предложениям вежливого конвенционально и

социально обусловленного вида, позволяющего говорящему отдалиться от момента говорения, показывая этим уважение как к собственному культурно-языковому пространству, так и к личному пространству собеседника. Это тем более важно, когда речь идет о ситуации межкультурного общения. Анализ английских и аналогичных русских дискурсов также показал, что и в русском языке существуют эквиваленты подобного языкового поведения – *не будете ли Вы любезны*. Однако очевидно, что современное состояние нормы русского языка не предполагает обязательного употребления подобных десемантизированных структур в деловой речи. В связи с этим необходимо учитывать различия языковой ментальности собеседников разных культур в ситуации межкультурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М. : Ин-т рус. яз., 1999. – 346 с.
2. Карнюшина, В. В. Сопоставительный анализ английских и русских этикетных клише: автореф. дисс. ... канд. филол. н. : спец. 10.02.20 сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / В. В. Картошина. – М., 2011. – 24 с.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Халеева, И. И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) / И. И. Халеева. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1999. – С. 5-15.
5. Чанчина, А. В. Лингвистические факторы десемантизации корня // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический ун-т, 2009 – С. 272-275.
6. Чікібаєв, А. Г. Прецедентні феномени в структурі мовної особистості студента-філолога (на матеріалі англійської, французької, української та російської мов): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 – загальне мовознавство / А.Г. Чікібаєв. – Донецьк, 2011. – 23 с.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Явление десемантизации в межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются различные подходы к явлению десемантизации в процессе межкультурной интеракции. Это явление изучается с позиций психолингвистики,

лишвокультурологии, таксономической лингвистики, семиотики. Десемантизация понимается в статье как уменьшение или редукция смысла. Выделяется несколько типов десемантизированных высказываний. На материале этикетного дискурса исследуются десемантизированные единицы.

Ключевые слова: десемантизация, десемантизированные прецедентные высказывания, десемантизированные фразы, уменьшение смысла, смысловая редукция, межкультурная коммуникация.

SUMMARY

Baranova O. I. Phenomenon of desemantization in intercultural communication

The article deals with various approaches to the phenomenon of desemantization in intercultural interaction. This phenomenon is studied from positions of psycholinguistics, cultural linguistics, taxonomical linguistics, semiotics. Desemantization is understood in the article as reduction or a sense reduction. Several types of desemantized statements are distinguished. On the base of etiquette discourse the desemantized units are investigated.

Key words: desemantization, desemantized precedent statements, desemantised phrases, sense reduction, semantic reduction, cross-cultural communication.

G. V. Golubkov

(Yelets, RF),

J. A. Dovzhenko

(Yelets, RF)

Scientific adviser – N. B. Abroskina

(Yelets, RF)

УДК 373.57

CREATIVE WAYS TO MEMORIZE ENGLISH VOCABULARY IN SECONDARY SCHOOL

It's not an easy process for every student of the secondary school to learn English. The difficulty is that they have to memorize a large number of new words.

Vocabulary in the system of language is a fundamental component that carries semantic content connections. The term “vocabulary” is understood as a set of words and expressions that are directly included in the language or dialect of the language. The problem of the formation of foreign language lexical competence was studied in the works

of such domestic and foreign scientists, such as: Belyaeva B. V., Rogova G. V., Passova E. I., Korosteleva V. S., Baumann J., Wallans M., Harmer J., etc.

The complex vocabulary acquisition is a system-forming component in the process of learning a foreign language. Also, the formation of vocabulary has a significant impact on the acquisition of speech skills. Of course, the vocabulary is in contact with both the phonetic and grammatical side of learning a foreign language. But, nevertheless, mastering the lexical skill is an integral part in the first stages of learning a foreign language, since at first students can communicate through individual words, without having an idea of the grammatical structure of a foreign language. It does not mean that full-fledged communication does not require the above aspects.

Word perception and word usage are closely related to the processes of forming, formulating and forming thoughts by lexical means of a foreign language. I. L. Bim notes that to master a word means to master its meaning, form (sound and graphic), to be able to use it in context [1, p. 164]. One of the famous philologist S. G. Ter-Minasova considers it as a difficult task to use the word in the context: “When you learn a new foreign word, the equivalent of your native one, you should be very careful with its use: behind the word is a concept, behind the concept is an object or phenomenon of the reality of the world, and this is the world of another country, foreign, alien, strange” [6, p. 42].

For a modern teacher of a foreign language, it is very important that his wards are able to master quickly the basic amount of lexical material that is spelled out in the Federal State Educational Standard of the new Generation. But sometimes it is very difficult for a teacher to convey to students the full range of material that is required for mastering, because the number of academic hours for teaching a foreign language changes every year. To do this, the teacher has to look for non-standard ways of presenting lexical material for students to form a lexical skill an action performed with a language phenomenon, brought to automatism. Referring to the psychological component, the teacher should at first develop a skill in students, and only then upgrade it.

A lexical skill is a synthesized action of choosing a lexical unit that is adequate to the plan and its correct combination with others, performed in the skill parameters, ensuring the situational use of this lexical unit and serving as one of the conditions for performing speech activity [3, p. 24]. Thus, the structure of a lexical skill is made up of operations for choosing a lexical unit, operations for combining this lexical unit, and speech tasks. To possess a lexical skill means to know the forms of words, their meaning and functioning in speech.

The common forms of the word are:

- graphic (be able to write correctly);
- sound (be able to pronounce the word correctly);
- grammatical (be able to use different forms of the word).

When talking about the meaning of a word, you need to remember that words can have several meanings. The teacher should introduce the children to the most commonly used ones. Also, do not forget about the connotation of the word, in other words, the association, the social subtext that it has in native speakers. For example, the phrase “*Arbeit macht frei*”, which means “Labor liberates”, does not seem to carry a negative connotation. But if you say it to a German resident, then for him it will be considered an insult, since this inscription was placed on the gates of the German fascist camps during the Great Patriotic War.

E. I. Passov identifies 6 stages of lexical skill formation.

1. Perception of the word in the process of its functioning. For example, in a text, in a dialogue, in a short statement.

2. Explanation of the meaning of the word.

3. Imitative use of the word (repetition after the teacher).

4. Independent use of the word.

5. Combination (use with other words).

6. Use in speech [3, p. 29].

The formation of any skills goes through three stages:

1. familiarization-semantics,

2. training- automation,

3. practical application.

We can call lexical skills strong and stable when the work on them is carried out systematically, not only the interaction of lexical skills with each other, but also with phonetic and grammatical skills.

Many students in the period of learning a foreign language face problems of memorizing a large number of new vocabulary. This is influenced by a lot of factors.

1. Lexical material is accurate information, since incorrect pronouncing of a word or distortion of its form will lead to loss of meaning of the phrase or sentence as a whole. It is always difficult for students to remember accurate information, so subjects such as mathematics, physics and others are a “stumbling block” for schoolchildren. Even after a grueling “cramming”, only 20% remains in memory. Knowing this feature of memory, our ancestors 2 thousand years ago created mnemonics-the art of memorization. Nowadays, mnemonics has been enriched with new techniques, methods, and techniques.

2. The lexical material that needs to be learned can be presented by the teacher in different ways, both through the utterance of the word, and with the help of technical training tools. But there is a problem associated with the psychological and individual characteristics of

students, as some students can better remember words by ear, and someone has a better visual memory.

3. Most teachers spend time memorizing words in their original form, i.e. the lexical material is shown outside of the context or example of use. Thus, after a while, if the student does not understand where and when a particular word is used, he will simply forget it. We agree with A. N. Leontiev, who writes: “The difficulty lies in the fact that if you learn vocabulary words like this (foreign – Russian, Russian – foreign), then you will not know the language for a very simple reason: words, including foreign ones, are polysemantic.”

Many teachers use stable methods of memorizing lexical material in modern schools, such as:

1. The method of frequent repetition (“cramming”). The essence of the method is that with constant repetition of words, they remain in memory. This method will simply be ineffective, without using of the studied lexical units.

2. The method of cards. The essence of this method is that the student creates small cards from paper, on one side of which he writes a lexical unit in the language being studied and on the reverse side a translation of a word or a drawing that will be an association to the word. Then the student adds them up and gradually begins to teach. He puts aside cards with words that the student has memorized and those that cause difficulties, leaves in a pile. And so he continues to teach until all the cards are studied. The main advantage of the method is its speed, i.e. in a relatively short period of time; you can learn quite a lot of new lexical units.

3. The method of composing a story or situation. For a lesson in a secondary school, students must learn 7-10 new lexical units. In this regard, this method is very effective, since students must compose a story, a dialogue, or a situation using all the new words. First, the student will be able to remember them, and secondly, he will learn to use this word in context and then use them in speech.

In order to increase the number of memorized lexical units, teachers began to use creative ways of memorizing and consolidating the lexical material in their practice. Every year, the range of creative methods of memorizing vocabulary in teaching methods is growing as each teacher comes up with something different, referring to the features of the educational material and the capabilities of students.

1. Illustration of words. Information is perceived and remembered faster and easier when it is presented visually. The teacher can ask students to draw pictures for each word in the dictionary. So, students, performing this task, start the process of memorizing the word, i.e. the effect “wrote with your own hand – remembered” works. You can also draw pictures not only for individual words, but also make whole

drawings. For example, to make it easier to remember the vocabulary on the topic “Food”, students can draw a part of the refrigerator and place the products in it, which should be made captions.

2. Mental maps – visual representation of words that have logical connections with each other. They are a diagram, in the center of which is the main concept or picture, from which the branches (points) go. Such a map can be created on a computer using special programs, but it is more effective to make it on a piece of paper, using different images and colors. So, the teacher can give the task to the students to make a mind map for each passed topic. Thanks to this type of work, students will individually work through the passed lexical material and consolidate it.

3. Pantomime. The use of pantomime can be not only a good way to memorize vocabulary, but also a kind of physical training for students. The teacher, explaining the meaning of words, does not say their translation, but shows them non-verbally. For example, passing the topic “Prepositions of the English language”, pronouncing each word, the teacher shows its meaning with his hands, creating a kind of pantomime. Then the students do the same thing with the teacher.

4. Rhyming. School students often face constant memorization of poems in literature and the Russian language. It is known that rhymed information is remembered much faster and remains in the memory for a long time. In foreign language lessons, the teacher can also use rhymed lines in order to speed up the process of memorizing lexical units. For example:

Возле forest чудный house.

Внем живет малышка Mouse.

Mouse любит book читать.

И на sofa сладко спать.

In addition, there are a large number of irregular verbs in the English language, which are sometimes too difficult for students of secondary school to remember. In order to avoid this problem, the teacher can offer students rhymed quatrains that will help in the study of complex lexical units. For example, rhyming lines for memorizing the three forms of the verbs *go*, *dig*, and *come*:

Dig-dug-dug мы огород, (копать)

Come-came-come туда народ. (приходить)

Мы сказали: «Go-went-gone», (идти, уходить)

Это вам не балаган”.

Based on the above, we can conclude that a modern teacher should use a creative way of memorizing vocabulary in addition to the traditional ones. It helps the teacher to conduct the lesson of formation of lexical skills in a new way. Using creative methods allows you to increase the amount of memorized vocabulary and the learning process for students will be interesting and exciting.

LITERATURE

1. Bim, I. L. Theory and practice of teaching German in secondary school. Problems and prospects / I. L. Bim. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 164 p.
2. Passov, E. I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu / E. I. Passov. – M.: Russian language, 1989.
3. Passov, E. I. Textbook on the methodology of teaching foreign languages / E. I. Passov; Voronezh. stat eped. in-t. – Voronezh: VGPI, 1975. – 283 p.
4. Psychology and pedagogy / Ed. by V. M. Nikolaenko. – M. – Novosibirsk: INFRA-M-NGAEiU, 2000.
5. Solovova, E. N. Methodology of teaching foreign languages: A basic course of lectures: A manual for students of pedagogical universities and teachers / E. N. Solovova. – M.: Prosveshchenie, 2002. – 238 p.
6. Ter-Minasova, S. G. Language and intercultural communication / S. G. Ter-Minasova. – Moscow: MSU, 2004. – 42 p.

SUMMARY

Golubkov G. V, Dovzhenko J. A. Creative ways to memorize english vocabulary in secondary school

The article deals with traditional and creative ways of memorizing English vocabulary, which a teacher can use in foreign language lessons in order to form lexical skills. The article reveals their essence and analyzes the possibilities of their influence on the development of lexical skills among schoolchildren. It also describes a number of factors that affect the memorization of lexical units in foreign language.

Key words: traditional ways to remember vocabulary, creative ways to remember vocabulary, lexical skill, lexical unit, English, high school.

*Л. А. Жиденко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'25

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СТРАТЕГИЙ ОЖИДАНИЯ И СТОЛЛИНГА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Синхронный перевод, являясь наиболее обсуждаемым и сложным из всех видов переводческой деятельности, в то же время остается самым молодым и наименее изученным. Синхронный

перевод – это нечто большее, чем просто применение навыков говорения в процессе слушания. Это вид устного перевода на слух, который отличается тем, что речь на языке перевода порождается одновременно (или почти одновременно) с восприятием речи на исходном языке, что приводит к дефициту времени. Иначе говоря, «синхрон – это сочетание слушания, моментального осмысления текста и чётко артикулированного перевода» [4, с. 20].

Как известно, в основе синхронного перевода лежит не только спонтанность речевого воспроизводства, базирующаяся на достаточной языковой компетенции переводчика на иностранный и переводимый языки, но и определённый план, который использует переводчик-синхронист при осуществлении перевода. Такой план коммуникативной деятельности существует в виде набора определённых стратегий, применяемых синхронным переводчиком в зависимости от конкретной переводческой ситуации.

Для получения адекватного продукта особенно важен выбор правильной стратегии или стратегий, что означает не что иное, как выбор нужного алгоритма, т.е. четкой заданности определенных действий и их последовательности со стороны переводчика-синхрониста. Конечный выбор переводческого решения – это результат осознанного анализа разных подходов к переводу и разных его вариантов. Безусловно, набор используемых переводчиком стратегий в значительной степени зависит от конкретных обстоятельств, структуры переводимого языка, когнитивных характеристик переводимого (оратора) и переводчика, и, конечно, самого вида и типа перевода. Синхронный перевод, обладая целым рядом особенностей, подразумевает использование переводчиком целого набора стратегий, как в комплексе, так и отдельно взятых, сообразно ситуации. Так, лингвист В. М. Илюхин, анализируя процесс синхронного перевода, выделяет две группы стратегий, используемых переводчиком – это стратегии, связанные с фактором времени, и стратегии, обусловленные статистическими факторами. При этом под стратегией в синхронном переводе он понимает метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с иностранного языка на переводимый коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории [2]. В первую группу, согласно автору, входят: стратегия проб и ошибок, стратегия ожидания, стратегия столлинга, стратегия сохранения линейности, вероятностного прогнозирования [2, с. 7]. Ко второй группе он относит стратегию знакового перевода, компрессии и декомпрессии.

Выбор стратегии синхронного перевода, главным образом, сосредоточен на планировании, целях и действиях переводчика. Согласно одной из дефиниций, стратегия в синхронном переводе – «метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с исходного языка на язык перевода коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории» [2, с. 14]. Стратегия определяется как языковыми, так и неязыковыми факторами, кроме того, при синхронном переводе возможно комбинирование стратегий для достижения оптимального результата.

Мы рассмотрим две из них, а именно стратегии ожидания и столлинга, которые нередко связывают с недочетами в синхронном переводе, но в некоторых ситуациях считают спасительными, например, в случае первичного недопонимания источника, необычного построения языковой конструкции, в преодолении ничем необоснованных пауз говорящего. Обе стратегии тесно связаны между собой, но в то же время имеют ряд существенных отличий. Обе имеют свои плюсы и минусы, зависящие от конкретной ситуации и действий переводчика-синхрониста.

Как на практике выглядит механизм данных стратегий? Чем может быть вызвана пауза в переводе? Одним из характерных недочётов синхронного перевода как раз и считаются паузы в речи. Однако, как показывает практика, наличие паузы иногда бывает оправданным, и, более того, продуктивным. Согласно исследованиям учёных, занимающихся проблемами синхронного перевода, паузы можно разделить на две группы: синтаксические (паузы, которые делаются при перечислении, при переходе к новому придаточному предложению и так далее) и паузы хезитации (паузы, которые связаны с колебаниями в процессе речепроизводства). Иногда паузы хезитации могут «заполняться» различными звуками «м-м», «э-э», но, даже если они «чистые», слушатель перевода хорошо различает паузу длительностью как минимум от 0,5 до 1 сек. [4, с. 47]. Пауза такого порядка, на самом деле, является переводческой стратегией, именуемой в переводоведении стратегией ожидания.

Смысл стратегии ожидания заключается в том, что синхронный переводчик делает небольшую паузу, дожидаясь дополнительных компонентов текста, которые могли бы полностью прояснить смысл высказывания, если из имеющегося контекста он не совсем ясен [1, с. 36]. Синхронный переводчик может выдержать паузу в течение нескольких секунд, если он не ставит получателя информации в неловкое положение из-за временного отсутствия

перевода. Разумеется, подобная тактика оправдана только тогда, когда пауза не слишком длительная и составляет всего несколько секунд, в течение которых в выступлении появляется более широкий контекст. В переводческой практике, стратегия ожидания часто используется в переводе с тех языков, где смысловой глагол стоит в предложении на последнем месте, к таким языкам относятся немецкий и нидерландский. Основная задача переводчика, в данном случае – получить более широкий контекст, для принятия правильного решения. Стратегия ожидания в этом решении перекликается со стратегией столлинга, которая тоже подразумевает выигрыш времени, но реализуется иначе. Стратегия ожидания может быть использована и в переводе с английского. Например, если в роли переводимого языка выступает английский, где прилагательное не имеет согласования с существительным, для постановки прилагательного в правильную форму в переводящем языке, в нашем случае русском, требуется указание на род и число существительного, так как в русском языке форма зависимого слова определяется лексико-грамматическим значением главного. Однако, именно это существительное, являющееся главным, ключевым словом в именной группе находится в конце предложения в переводимом языке. Чтобы преодолеть эту сложность, синхронист скорее всего будет использовать стратегию ожидания. Стратегия ожидания часто является вынужденной мерой при неспособности выделять в тексте единицы ориентирования и заканчивать предложения. Стратегия ожидания применяется в синхронном переводе в тех случаях, когда переводчику необходим широкий контекст для адекватной передачи на переводимый язык трудно переводимого понятия при условии, что докладчик расширяет контекст сразу же после введения данного понятия на иностранный язык. Стратегия ожидания часто используется синхронистами и в начале смысловой группы. Она применяется для получения более широкого контекста, что является залогом правильного построения фразы на переводимом языке.

Неоправданных пауз и других неловкостей в переводе помогает избежать другая стратегия, имеющая как сходные черты, так и существенные различия в механизме продуцирования со стратегией ожидания – стратегия столлинга. Стратегия столлинга не отличается высокой частотностью, однако в большинстве случаев на начальном этапе она не приводит к искажениям и другим ошибкам, что является плюсом. Стратегию столлинга некоторые исследователи относят к стратегиям восприятия. При этой стратегии переводчик, опираясь на лексические и синтаксические особенности текста, произносит нейтральные

фразы, не несущие новой информации, или намеренно замедляет темп речи, пока не наступит момент, когда переводчику станет понятно, о чём говорит оратор. С помощью столлинга можно решить проблемы, вызванные структурами, где главные члены идут после зависимых, в частности, где глагол занимает последнее место: таким способом переводчик «выигрывает время» и не вынуждает реципиентов перевода слушать его долгое и «неловкое молчание». Также столлинг используется, когда в речи оратора звучат незнакомые переводчику имена собственные, сложные цифры, термины, разговорные слова и другие элементы, которые переводчик не способен перевести в условиях синхронного перевода, поскольку на нахождение эквивалента уходит слишком много времени и переводчик рискует сильным отставанием от оратора. Столлинг позволяет выиграть больше времени, чем использование стратегии ожидания за счёт повторения тематической информации, не содержащей ничего нового. Конечно же, стратегия столлинга, как и любая другая стратегия используемая переводчиком, имеет свои преимущества и недостатки. К первым относится возможность большего выигрыша времени, ко вторым – стилистические несовершенства текста перевода, повторы и т.д. Принятием правильного переводческого решения относительно выбора стратегии служат «наводящие слова», слова-подсказки в тексте оригинала, дающие синхронному переводчику возможность мгновенно понять, что «расшифровка» сложнопереводимого понятия последует немедленно. Следовательно, в данном случае логично просто сделать небольшую паузу, которая никак не повлияет на качество перевода, вместо того чтобы заполнить ее тематическим повтором. Если суммировать сказанное, столлинг – это стратегия синхронного перевода, заключающаяся в попытке выиграть время путем замедления подачи переводного материала или повторением тематической информации, не содержащей ничего нового с целью заполнения слишком затянувшейся паузы [5, с. 130]. Столлинг в переводческой литературе часто описывается как техника разрешения проблем, связанных с постановкой глагола на последнее место в иностранном языке. В отличие от стратегии ожидания при использовании данной стратегии синхронный переводчик не сохраняет паузу, а заполняет ее тематической информацией, в ряде случаев не избегая и повторов. Задача, как и в предыдущем случае, – выиграть время для получения более широкого контекста. Часто столлинг применяется в тех случаях, когда невозможно использовать стратегию ожидания, т.е. пауза в переводе может оказаться слишком длинной, а «подсказка» оратора наступает после

нескольких смысловых групп оригинала. Стратегия столлинга, так же как и стратегия ожидания, используется в синхронном переводе в случаях, когда синхронному переводчику необходим широкий контекст для адекватной передачи на переводимый язык конкретного сегмента.

Однако в отличие от стратегии ожидания при стратегии столлинга пауза между представленным докладчиком понятием и его «расшифровкой» занимает достаточно длительный период времени, что не позволяет синхронисту использовать стратегию ожидания, но дает возможность в ожидании широкого контекста заполнить ее подходящим по смыслу содержанием. Вне всякого сомнения, любой синхронист пользуется определенной стратегией на протяжении перевода конкретного сегмента. Стратегия может меняться в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов, которые оказывают прямое воздействие на выбор стратегии переводчиком. Как правило, во время перевода синхронист пользуется несколькими стратегиями, которые он меняет в зависимости от обстановки. В ряде случаев смена стратегии происходит внезапно, в зависимости от неожиданно изменившихся обстоятельств. Каждый синхронист может оказаться в такой ситуации, когда определённый сегмент текста или какой-либо термин оказался непонятным по различным причинам. В подобном случае возможно использование других стратегий, наряду со стратегиями ожидания или столлинга.

Синхронный перевод, как было сказано выше – один из наиболее сложных видов перевода в своем осуществлении. И не всякая стратегия, а в нашем случае это стратегия ожидания и столлинга, работает. Не всегда у переводчика есть возможность переводить оратора «вживую». Современный мир диктует новые правила и условия, где синхронисту приходится осуществлять перевод «за кадром», например в случае перевода слайдов, бегущей строки презентации, где времени на подбор нужной стратегии и «паузу» практически нет, что ограничивает применение вышеупомянутых факторов. Но, в конечном счете, все зависит от конкретных обстоятельств, преобладающих в той или иной конкретной ситуации.

Подводя итог, следует отметить, что на выбор стратегии, в частности стратегии ожидания или столлинга, могут повлиять не только морфологические различия языковых систем, но и совершенно неожиданные факторы, во многом связанные с психологическими и индивидуальными особенностями как синхронного переводчика, так и оратора. Безусловно, переводчику-синхронисту необходимо ориентироваться в коммуникативной ситуации, которая позволит уяснить цель

осуществления перевода и тем самым определит выбор нужной стратегии. А правильно выбранная стратегия или стратегии определяют общую линию поведения переводчика в процессе работы, что послужит осуществлению главной цели – созданию адекватного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заиченко, А. И. Синхронный перевод: выбранная стратегия или отражение когнитивных способностей человека? /А. И. Заиченко // Университетское переводоведение. Вып. 5: Материалы V международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 23-25 октября 2003 г. – СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. – С. 107 – 117.
2. Илюхин, В. М. Стратегии в синхронном переводе: на материале англо-русских и русско-английских комбинаций перевода: дис. ... канд. филол. наук / В. М. Илюхин. – М.: Моск. лингв. ун-т, 2000. – 206 с.
3. Казакова, Т. А. Стратегии решения задач в художественном переводе / Т. А. Казакова // Перевод и интерпретация текста: сб. науч. тр. – М.: ИЯЗ, 1988. – С. 56–65.
4. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. – М.: Междунар. отношения, 1978 – 208 с.
5. Gile, Daniel (2009) : Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator training. – Revised edition. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2009. – 283 p.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л. А. Плюсы и минусы стратегий ожидания и столлинга в синхронном переводе

В статье рассматриваются особенности применения стратегий ожидания и столлинга в синхронном переводе как факторов достижения его адекватности и качества. Приводятся примеры языков, при синхронном переводе которых на русский, в определенных условиях, с учетом определенной закономерности построения переводимого языка, использование стратегий ожидания и столлинга оправдано. Упомянуты плюсы и минусы использования данных стратегий в общем контексте перевода.

Ключевые слова: стратегии, адекватный перевод, синхронный перевод, алгоритм, переводческие приемы, стратегия ожидания, стратегия столлинга, фактор времени, структура языка.

SUMMARY

Zhidenko L. A. Pros and cons of waiting and stalling strategies in simultaneous translation

The article discusses the features of the use of waiting and stalling strategies in simultaneous translation as factors for achieving its adequacy and quality. Examples of languages are given, in which simultaneous translation into Russian, under certain conditions, taking into account a certain pattern of construction of the translated language, the use of waiting and stalling strategies is justified. The advantages and disadvantages of using these strategies in the general context of translation are mentioned.

Key words: strategies, adequate translation, simultaneous translation, algorithm, translation techniques, waiting strategy, stalling strategies, time factor, language structure.

М. В. Котлярова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.2

**ЭМОТИВНОСТЬ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЭНА БРАУНА
«ПРОИСХОЖДЕНИЕ»)**

Художественная литература на протяжении многих веков выполняет функцию связующего звена культурного сообщения между представителями разных народов. Задача современного переводчика заключается в достоверной передаче реалий и образов с языка оригинала на язык перевода наряду с сохранением целостности и благозвучия родного языка. Однако существует определенная сложность в выполнении этих целей при переводе описаний эмоционального состояния героев и оценке реалий.

Эмоции – неотъемлемая часть человеческой жизни. Они отражают субъективную оценку личности к объективной реальности: к людям, окружающим ее, к событиям, происходящим с ней, и к ее собственным действиям. Природа эмоций необъяснима, разные люди могут различным образом реагировать на одно и то же событие и воспринимать одно и то же явление. Соответственно, эмоции приобретают социальную реальность лишь в том случае, если они выражаются в той или иной форме: проявляются в жестах и мимике, прослеживаются в поведении или манифестируются в речи. Именно вербализация эмоций считается универсальным способом их актуализации.

За последние десятилетия изучение эмоций как одной из форм отражения действительности стало представлять собой интерес как для зарубежных, так и для отечественных лингвистов. Это прежде всего связано с антропоцентрической лингвистической парадигмой, диктующей необходимость изучения языковых средств эмотивной составляющей в связи с неотделимостью эмоциональных и психических процессов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность человека.

В наши дни тенденция к исследованию эмоционально окрашенной лексики в контексте художественного произведения и его перевода приобретает большую актуальность. Это связано с ее функционально-эстетической ценностью в художественном тексте, что многократно в своих работах отмечали такие ученые, как В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Ярцева и многие другие.

В. Н. Телия в своей работе «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» подчеркивает, что «реагировать на мир эмоционально – часть человеческой натуры» [4, с. 203]. Соответственно, существование любой эмоции требует определенной лексической единицы для ее выражения. Однако не стоит также забывать о том, что человек не только испытывает определенные чувства, но и анализирует их, иными словами – дает оценку тому или иному событию или предмету через призму собственных суждений и испытываемых эмоций. Это обуславливает существование т.н. «оценочной» лексики и, соответственно, необходимость разграничения ее от «эмоциональной», так как эти понятия не тождественны, хотя и тесно переплетаются.

В настоящей статье содержатся промежуточные результаты исследования эмотивной лексики на материале произведения Дэна Брауна «Происхождение».

Роман Дэна Брауна «Происхождение» является пятой книгой в серии работ о профессоре Роберте Лэнгдоне. Произведение имеет достаточно динамичный сюжет, отлично сдобренный многочисленными отсылками к архитектурным памятникам, произведениям искусства и литературы. В своих работах автор любит брать что-то очень популярное, окутанное тайнами (например, масонские символы) и придавать этим явлениям свою, не лишенную здравого смысла, трактовку. Одной из самых примечательных особенностей сюжета всей серии книг является столкновение религии и науки.

«Происхождению» характерна мистификация пространства и событий, построение сюжета на некой тайне, создание атмосферы страха и таинственности. Для этого автор зачастую применяет

ряд сюжетных клише и стилистических средств, позволяющих читателю глубоко окунуться в атмосферу. В романе содержится огромный пласт эмотивной лексики, которая прямо называет или описывает эмоции, экспрессивной лексики, создающей саспенс и оценочной лексики, передающей авторскую оценку к тому или иному событию или явлению, что представляет собой огромный интерес для исследования.

Говоря об эмоциональной лексике, стоит отметить, что «Происхождение» насыщено словами с прямой номинацией эмоций. Так, существительное “fear” в произведении представлено 80 единицами, “guilt” – 20, “pride” – 10, “rage” – 47, “excitement” – 10, “anger” – 70, “love” – 80 и т.д.; глаголы “to worry”, “to regret”, “to rejoice”, “to laugh” представлены, соответственно, 40, 30 и 55 единицами. Одними из самых ярких примеров использования лексики с прямой номинацией эмоций являются следующие:

Оригинал	Перевод
1) <i>Langdon's emotions were scattered and numb – twisting layers of sadness, fear, and outrage</i> [6, p. 92].	1) Эмоции были притупленные и сумбурные – чередование горя, ужаса и ярости [1, с. 80].
2) <i>Her final words during their phone conversation had filled him with happiness</i> [6, p. 366].	2) Слова, которые она сказала в конце телефонного разговора, наполнили его сердце радостью [1, с. 331].
3) <i>He lay trembling on his couch, consumed by an endless waking nightmare of fiery demons that dragged him into a dark abyss, shrouding him in blackness, rage, and suffocating guilt</i> [6, p. 137].	3) Он лежал на кровати, его била дрожь, мучили бесконечные кошмары: огненные демоны тащили его в мрачную бездну, где было только отчаяние , мрак, бессильный гнев и удушающее чувство вины [1, с. 120].

Также на лексическом уровне одной из наибольших групп, представленных в произведении, является группа тропов. Они в огромном количестве используются автором на протяжении всего романа, в частности, в описании персонажей, погоды и внутренних переживаний, а также в монологах о происхождении жизни.

Оригинал	Перевод
1) <i>Since man first discovered fire,” Edmond shouted, “this river has been gaining power. Every discovery became a tool with which we made new discoveries, each time adding a drop to this river. Today, we ride the crest of a tsunami, a deluge that rages forward with unstoppable force!</i> [6, p. 83]	1) <i>С тех пор как человек научился добывать огонь, – кричал Кири, – этот поток набирает силу. Каждое научное достижение открывает путь для новых достижений, каждый раз новая капля вливается в Реку Науки. Сегодня мы несемся на гребне цунами, стихия бушует, и остановить ее невозможно!</i> [1, с. 74]
2) <i>The woman was clearly in crisis, and when she had looked into his eyes and pleaded for help, Langdon had sensed in her a deep well of personal conviction and self-reliance ... yet he had also seen heavy clouds of fear and regret</i> [6, p. 134].	2) Она явно в беде. Когда Амбра смотрела ему в глаза и просила о помощи, Лэнгдон видел, что в душе этой сильной и самостоятельной женщины сгустились тучи страха и отчаяния [1, с. 116].
3) <i>The religious community breathed a sigh of relief, and the scientific community went back to the drawing board</i> [6, p. 320].	3) <i>Религия с облегчением выдохнула, а наука осталась у разбитого корыта</i> [1, с. 291].

Эмотивная лексика зачастую передавалась переводчиком прямым русскоязычным аналогом, а самой частой трансформацией при переводе тропов является модуляция.

Текст «Происхождения» очень насыщен обилием оценочной лексики. Это можно объяснить желанием автора доступно донести читателю явления физики, химии и информационных технологий и передать свою авторскую оценку через оценочные суждения главного героя. Переводчиками были использованы все способы реализации оценки, в частности: эксплицитное выражение оценки – 70 случаев, нейтрализация оценки – 10 случаев, создание оценки при переводе – 50 случаев, интенсификация оценки – 50 случаев и снижение интенсивности оценки – 34 случая.

Наглядно все эти способы демонстрируют следующие примеры:

Оригинал	Перевод
1) "Life's origin ...," Edmond continued. "It has remained a profound mystery [6, p. 319].	1) Происхождение жизни, – продолжал Эдмонд. – Величайшая тайна [1, с. 290]. (интенсификация оценки)
2) "It was an astounding science story," Edmond concluded [6, p. 320].	2) «Это удивительная история», – сказал Эдмонд [1, с. 291]. (снижение интенсивности оценки)
3) "Or," he said, "perhaps I had missed one key ingredient in the recipe ." [6, p. 323].	3) Или я упустил какой-то важный ингредиент в нашем вареве? [1, с. 294] (создание оценки)
4) In principle, it's an obvious experiment [6, p. 322].	4) Сама идея очевидна [1, с. 293]. (эксплицитное выражение оценки)
5) England quickly illustrated how tornadoes were nature's best way of dispelling a concentrated area of high pressure by converting it into a rotational force that eventually exhausted itself [6, p. 329].	5) Ингленд быстро объяснил, что торнадо – это способ уничтожить зону высокого давления, преобразовав потенциальную энергию в кинетическую, и в результате вращения вихря максимально быстро рассеять ее в атмосфере (нейтрализация оценки) [1, с. 300].

Следует также отметить, что проведенный сопоставительный анализ оригинала и перевода показал, что перевод исследуемых произведений является адекватным и эквивалентным. Тексты ИЯ и ПЯ равноценны друг другу, содержание и языковая форма оригинала передается в полной мере, а переводческое решение соответствует установленной коммуникативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун, Д. Происхождение / пер. с англ.: И. Болычев, М. Литвинова-Комненич. – М.: АСТ, 2018. – 542 с.

2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Лукьянова, Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантические классы экспрессивных слов русского языка / Н. А. Лукьянова // Экспрессивность лексики и фразеологии : межвуз. сб. – Новосибирск, 1983. – 160 с.
4. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М., 1981. – 270 с.
5. Шаховский, В. И. К теоретической и прикладной лингвистике эмоций / В. И. Шаховский // Филология. – 1995. – № 7. – С. 49–52.
6. Brown, D. The Origin. – London: Corgi Books, 2017. – 388 p.

АННОТАЦИЯ

Котлярова М. В. Эмотивность в оригинале и переводе (на материале произведения Дэна Брауна «Происхождение»)

В настоящей статье исследуется эмоциональная и оценочная лексика на материале произведения Дэна Брауна «Происхождение». Изучены основные виды эмотивной лексики, выявлена необходимость разграничения эмоциональной и оценочной лексики. В ходе сопоставительного анализа оригинала и перевода произведения были проанализированы способы реализации категории оценочности и способы перевода эмоциональной лексики.

Ключевые слова: оценочная лексика, эмоциональная лексика, эмотивность, художественный перевод.

SUMMARY

Kotlyarova M. V. Emotivity in original and translated texts (based on the novel of Dan Brown «The Origin»)

The article examines the emotional and evaluative vocabulary based on Dan Brown's book «The Origin». It describes the main types of emotive vocabulary and points out the need to distinguish between emotional and evaluative vocabulary. Comparative analysis of the original text and the translation of the book presents the ways of implementing the category of evaluativeness and the ways of translating emotional vocabulary.

Key words: evaluative vocabulary, emotional vocabulary, emotivity, literary translation.

С. Н. Лежнев
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.111'373

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Состав лексики, относящейся к общественно-политической сфере, так же, как и состав языка в целом, постоянно обновляется в соответствии с изменениями в жизни общества. Лингвальные инновации превращаются в источник обогащения словарного состава английского языка. Политические и социальные изменения вызывают появление новых понятий, а вместе с ними и новых слов или переосмысление старых понятий. Изучение современных словообразовательных процессов представляет несомненный интерес для лексикологов [1; 2; 3; 4; 6].

Как отмечает В. И. Заботкина, «новыми словами лексикологи и лексикографы считают единицы, которые появляются в языке позднее какого-то временного предела, полагаемого за исходный» [2, с. 16]. В данной работе термин «неологизм» используется условно. В качестве временного предела, являющегося критерием отнесения слова к категории новой лексики, берется 2000-й год.

Появление неологизмов обусловлено двумя качествами языка: его стремлением к развитию и, в то же время, к возможности оставаться понятным для его носителей. Для того, чтобы отображать новые жизненные реалии с максимальной точностью, лексическая структура языка должна быть очень гибкой и постоянно продуцировать новые лексические единицы.

В связи с повышением внимания к исследованиям в области политической коммуникации и анализа закономерностей коммуникативной деятельности в обществе растёт внимание к изучению общественно-политической лексики. Несмотря на большое количество работ, разнообразие тематик и областей исследования общественно-политической лексики, ряд задач остаются нерешёнными.

Наша цель заключается в проведении структурно-семантического анализа англоязычных неологизмов общественно-политической сферы.

Предметом изучения являются словообразовательные процессы в лексической подсистеме английского языка общественно-политической сферы.

Материалом данного исследования служат лексические инновации, зафиксированные современными словарями новых слов [5; 7; 8; 9; 10; 11], а также периодическими изданиями и интернет-сайтами.

Научная новизна исследования определяется поставленной целью и заключается в том, что в нем анализируются способы пополнения лексической подсистемы английского языка новой лексикой.

Как отмечает В. И. Заботкина, «любое новое слово имеет качество неологизма, то есть временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое» [2, с. 16].

Общественно-политическая лексика является важной частью лексической системы языка, она охватывает значительное количество слов, связанных с общественно-политическим строем и идеологией государства. Этим объясняется постоянное внимание к ней лингвистов.

Неологизмы общественно-политической сферы – это новые слова и фразеологизмы, которые прошли стадии узуализации и частично лексикализации, зарегистрированы в лексикографических источниках и используются для обозначения явлений и процессов, связанных с внешней и внутренней политикой, развитием отношений между государствами, общественной и экономической ситуацией в стране.

В зависимости от сферы употребления современные общественно-политические инновации можно распределить на следующие группы: неологизмы, обозначающие философско-культурные реалии, имеющие важное общественное значение; наименования политических движений и партий; правовые, религиозные, этнографические наименования, которые употребляются в общественно-политическом дискурсе средств массовой информации; наименования ведомств и политических органов; лексика сферы дипломатии; социологическая, экономическая лексика, которая характеризует политику государства. Важной чертой новой лексики общественно-политической сферы является то, что она, как правило, понятна участникам общественных процессов.

Новые слова и словосочетания постоянно появляются на интернет-сайтах, в газетных и журнальных материалах общественно-политического содержания. Это наименования из области международных отношений и мировой экономики, названия реалий внутриполитической, экономической и культурной жизни англоговорящих стран.

Общественно-политические неологизмы не столько номинативны, сколько проектны, они не только называют какое-либо новое явление, но и призывают обратить на него внимание. Так, борьба с международным терроризмом и экстремизмом привела к образованию таких понятий, как: *cyberterrorist* – кибертеррорист (тот, кто использует интернет для уничтожения компьютерных систем в политических и экономических целях); *jihadist* – джихадист (человек, который поддерживает священную войну – джихад); *political hireling* – политический наемник; *stooge* – политическая марионетка; *acoustic terrorism* – акустический терроризм (сильный шум, вызывающий чувство дискомфорта, беспокойства). Основную массу слов подобного характера составляют существительные.

Значительную группу новых слов, относящихся к сфере политики, составляют слова, связанные с выборами или с внутренней политикой отдельной страны: *parachute candidate* – кандидат, который не живет в том округе, где избирается; *retail politics* – избирательная компания, во время которой кандидат ездит по различным регионам с целью общения со своими сторонниками; *community politics* – сосредоточение интересов на местных проблемах; *project* – ряд целей, поставленных политическим лидером; *pork barreling* – снабжение крупных компаний выгодными контрактами за их поддержку на выборах.

Трансноминативные, появляющиеся в языке с целью дать более эмоциональное название предмету, уже имеющего нейтральное наименование, отражают тенденцию к использованию более экспрессивных форм. Такая экспрессивность характерна для политических жаргонизмов, поскольку они обозначают наиболее актуальные события и явления в быстро меняющейся политической жизни общества, например: *asylumseeker* – беженец, просящий политическое убежище; *dirty trics Thursday* – четверг перед выборами, когда кандидаты обвиняют оппонентов, зная, что у них почти не остаётся времени на опровержение; *oppo guy* – политический оператор; *swing voter* – колеблющийся избиратель.

Общественно-политическая лексика английского языка пополнилась такими словами, как: *shoo* – *in* – тот, кто ожидает победить на выборах. Междометие «*shoo*» – «кш-ш» используется при испугивании птиц или чтобы прогнать животное или человека; *shockeroo* – используется как реакция на какое-либо шокирующее событие. Междометие «*ooh*» используется для выражения чего-либо неожиданного, очень удивительного; *wardheeler* – политикан; *wheelhorse* – человек, который тащит на

себе огромное количество обязанностей; *hanger-on* – сторонник кого-либо; *hangdog politician* – подлый политик; *hatchetman* – политический приверженец кого-либо.

Исследования в области англоязычной лексики общественно-политической сферы находятся в стадии постоянного развития, так как средства массовой информации постоянно пополняются новыми словами и фразами. В наши дни изменения в политике происходят очень интенсивно, и также интенсивно совершаются изменения в лексике. В сфере общественно-политической лексики наблюдаются значительные перемены, возникает большое количество новых слов. Одним из наиболее характерных способов создания неологизмов в данной сфере является словосложение. Процесс словосложения представляет собой слияние двух основ «омонимичных словоформ». Среди сложных неологизмов преобладают двухкомпонентные единицы. Основными компонентами являются модели: $N+N \rightarrow N$; $A+N \rightarrow N$, например: *power lunch* – рабочий ланч, где на высоком уровне обсуждаются политические и экономические проблемы.

Сокращения – это один из наиболее продуктивных способов создания морфологических неологизмов в данной сфере, например:

аббревиатуры *AAPSS* (*American Academy of Political and Social Sciences*) – американская академия политических и социальных наук;

акронимы (аббревиатуры, произносимые как слова, а не в виде последовательности букв алфавита) *GATT* (*General Agreement on Tariffs and Trade*) – генеральное соглашение по тарифам и торговле; *OMOV* (*One Member One Vote*) – движение в лейбористской партии, которое требует изменить систему голосования.

В новой общественно-политической лексике встречаются также собственно сокращения и слияния: *pol* (*politician*), *rad* (*radical*); *pullutician* = *pollute* + *politician* – грязный политик.

В последнее время заимствования стали уступать место семантическому процессу создания общественно-политических новообразований. Инновационные языковые процессы на лексико-семантическом уровне находятся под влиянием таких макросоциальных факторов, как информационная война, дискриминация в обществе, политические изменения в обществе. Под семантическими инновациями понимаются новые значения уже существующих слов. При этом старые слова могут полностью изменить своё значение или в семантической структуре слова появляется ещё один лексико-семантический вариант при сохранении традиционных.

Среди семантических инноваций последнего десятилетия преобладают единицы второго типа. Среди слов с новыми значениями можно отметить неологизмы, как: *charisma* – личная притягательная сила, магнетизм; *go-go* – динамичный, современный; *dragon* – восточная страна, экономическое положение которой значительно выросло; *economical* – умышленное сокрытие каких-либо фактов от общественности.

В целом, среди семантических инноваций наблюдается тенденция к созданию более абстрактных лексико-семантических вариантов слова, преобладает расширение значения. Общество постоянно развивается, поэтому новая лексика появляется в языке, чтобы обозначить какое-либо новое понятие или явление: *declinism* – убеждение, что в общественно-политическом устройстве государства происходят деструктивные изменения; *corporacy* – общество, в котором корпорации имеют значительную экономическую и политическую власть.

Некоторые слова от обозначения предметов, понятий, явлений, перешли к их оценке, например: *presidentialness* – физические и ментальные качества, которые делают человека лидером.

Английский язык постоянно пополняется большим количеством новых фраз, которые быстро лексиколизируются и становятся общеизвестными, например: *clearbluewater* – идеологические разногласия между двумя политическими партиями; *first nations* – коренное население, которое впоследствии было колонизировано. С целью лексически завуалировать сложную политическую ситуацию в отдельных регионах мира журналисты используют фразеологизмы, например: *arab domino*; *biblical land*; *axis of evil*.

Неологизм *women of cover* обозначает женщин-мусульманок в одежде, покрывающей их с головы до ног.

В современном английском языке появились такие новые словосочетания, как: *terrorist underworld* – подпольный мир террористических организаций; *dead ender* – упорное нежелание признать своё поражение; *slide-rule general* – интеллектуальный военачальник, который использует современные методы ведения войны; *dinosaur wing* – «крыло динозавра» (группа людей с устарелыми взглядами); *moss-backs* – ультраконсерваторы; *puppet government* – марионеточное правительство; *old fogies* – старые консерваторы; *hide bounds* – люди с узким политическим кругозором.

При рассмотрении вопросов словообразования неологизмов общественно-политической сферы наиболее активными процессами оказались: словосложение, сокращения (аббревиатуры, акронимы), семантические способы. Анализ новых номинативных единиц по способу создания показал, что

в языке последних десятилетий преобладают морфологические неологизмы, то есть единицы, созданные по образцам, которые уже существуют в языковой системе. Между типом номинативной единицы и способом её создания существует очевидная корреляция. Так, неологизмы, которые объединяют новизну формы с новизной содержания, с точки зрения создания, являются, в основном, морфологическими. Трансноминации, которые объединяют новизну формы с содержанием, передаваемым ранее иной формой, появляются путём заимствования, а также через морфологическое словосложение. Семантические инновации объединяют новизну содержания с уже существующей формой. Они появляются путём смены значения.

Динамичное развитие языка свидетельствует о быстрых изменениях в общественной жизни. Лингвальные инновации превращаются в источник обогащения словарного состава английского языка. Номинативные процессы на лексико-семантическом уровне происходят в различных подсистемах языка, но они особенно активны в общественно-политической сфере английского языка. Специфическая лексика, которая используется в политических текстах, быстро меняется и требует постоянного изучения.

Дальнейшее исследование англоязычных неологизмов общественно-политической сферы предполагает изучение закономерностей их функционирования в англоязычном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, М. Б. Лексическая номинация на базе малых словообразовательных моделей в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Б. Антонова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2006. – 26 с.
2. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 125 с.
3. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 2016. – 152 с.
4. Порохницкая, Л. В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. В. Порохницкая; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2004. – 24 с.
5. Словарь новых слов и значений в английском языке / Dictionary of New Words and Meanings / З. С. Трофимова. – М. : АСТ, Восток-Запад, 2006. – 320 с.
6. Шкуратова, С. Д. Неологизм как объект лексикографического исследования / С. Д. Шкуратова // Вестник МГУ. Сер. 19.

- Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №2. – С. 115 – 125.
7. Green, J. Bloomsbury Dictionary of New Words / J. Green. – М. : Вече, Персей, 2000. – 569 с.
 8. Hargves, O. New Words / O. Hargves. – Oxford University Press, 2017. – 320 p.
 9. Holder, R. W. Oxford Dictionary of Euphemisms / R. W. Holder. – Oxford University Press, 2016. – 501 p.
 10. Linguistics, New Words in English. – Rice University, 2016. – 320 p.
 11. Tulloch, S. The Oxford Dictionary of New Words / S. Tulloch, E. Knowles, J. Elliott. – Oxford, 2012. – 745 p.

АННОТАЦИЯ

Лежнев С. Н. Номинативные процессы в общественно-политической сфере современного английского языка

Статья содержит результаты исследования инновационной лексики в общественно-политической сфере современного английского языка. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности неологизмов, анализируются основные прагматические причины их возникновения, влияние экстралингвистических факторов. Выделены тематические и структурно-семантические типы неологизмов, относящиеся к общественно-политической сфере, определены пути их возникновения.

Ключевые слова: неологизмы, структурно-семантические типы, тематические группы, способы образования неологизмов, общественно-политические инновации.

SUMMARY

Lezhnyov S. N. Nominative processes in the socio-political sphere of the modern English language

The article contains the results of the study of innovation in the English vocabulary in the socio-political sphere. The article deals with the structural and semantic features of neologisms, analyses the main pragmatic causes of their occurrence, the influence of extralinguistic factors. Thematic and structural-semantic groups of socio-political neologisms have been distinguished. The ways of their formation have been established.

Key words: neologisms, structural-semantic types, thematic groups, ways of creating neologisms, social and political innovations.

УДК 81'276.3

СЛЕНГ В ЕГО КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ Г. ДОНЕЦКА)

Речевая коммуникация является основной целью языковой деятельности, так как с ее помощью человек осуществляет взаимодействие, обмен мыслей, передачу информации, оказывает влияние на собеседника, добивается выполнения своих интенций и целей. Коммуникативные акты происходят между всеми слоями населения, независимо от возрастных и гендерных признаков, профессий и увлечений, однако уровень качества лексического состава вокабуляра коммуникантов не равнозначен и насыщен специфической лексикой.

Социальные диалекты характеризуются динамичностью языковой системы, длительным культивированием литературных стандартов в разговорной стихии, сознательным вычленением из лексикона так называемых «сниженных» лингвоединиц. Однако такое словоупотребление не обязательно свидетельствует о низкой культуре общества, грубости и цинизме, а является реальным отображением психологических комплексов.

В нашей работе мы анализируем понятийный аппарат разговорной лексики и, основываясь на работах зарубежных и отечественных лингвистов, рассматриваем лексический пласт разговорной лексики жителей Донбасса, выявляя характерные особенности сленгизмов, определяя функции, выполняемые данными лексикоединицами.

Активное изучение и анализ непосредственного живого общения в последние десятилетия является актуальной темой для научных исследований ученых-лингвистов. Именно непосредственное устное языковое общение продолжает оставаться важнейшей сферой функционирования языка. Разговорный язык – это минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первичная система, важная по диапазону общественной и индивидуальной значимости [5, с. 87]. Изучение разговорной речи необходимо, так как именно она является единственной истинной формой существования языка. Синхронное исследование разговорной речи дает возможность проследить появление нефиксированных лексикографами слов и выражений, динамику их включения в общенародный лексикон.

Этимология термина «сленг» по сей день остается дискуссионной в лексикографии. Трудность раскрытия происхождения термина усугубляется его многозначностью и различной трактовкой сленга учеными-лингвистами.

Особого внимания заслуживают результаты описательной и аналитической деятельности, посвященной изучению социальных диалектов, представленные в трудах Л.А. Ставицкой, Л.И. Скворцова, А.Т. Липатова, А.И. Смирницкого, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, Т.А. Соловьевой, М.М. Маковского, В.Г. Вилюмана, В.А. Хомякова, О.А. Шарипова.

Рассмотрим основные точки зрения ученых-лингвистов на проблему дифференциации сленга. В трудах советского германиста А.И. Смирницкого отмечается, что генетически сленг – это разговорный или фамильярный стиль речи в определенной специальной области. Похожую дефиницию дает и основоположница научной школы стилистики декодирования И.В. Арнольд, которая указывает, что сленгом называют сугубо-разговорные слова и выражения с грубоватой или шутиливой эмоциональной окраской, непринятые в литературной речи [1, с. 264]. И.Р. Гальперин трактует сленг как слой лексики и фразеологии, который проявляется в сфере живой разговорной речи в качестве разговорных неологизмов, легко переходящих в слой общеупотребительной литературной разговорной лексики [3, с. 86-91]. Отечественные ученые М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев подчеркивают юмористический характер сленговых единиц [5, с. 87].

М.М. Маковский дает развернутую дефиницию понятию сленг, определяя его как особый, исторически сложившийся, общий для всех социальных слоев вариант языковых норм, бытующих в сфере устной речи и генетически и функционально отличный от жаргонных и профессиональных элементов языка [4, с. 22]. Также, в российском языкознании широко распространено определение В.А. Хомякова, который выделяет такие характеристики сленга: устойчивость в определенный период времени; широкое употребление; стилистическая маркировка [6]. Исследование разговорной речи жителей Донбасса позволяет дополнить сленг такими характеристиками, как относительная устойчивость; широкая распространенность; общепонятность; неоднородность генетического состава и степени приближения к фамильярно-разговорной речи; ярко выраженная эмоционально-экспрессивная оценка, представляющая собой иронию по отношению к социальным, этическим, эстетическим и другим условиям.

Для исследования разговорной речи жителей г. Донецка были опрошены 40 респондентов, которые постоянно проживают

на данной территории, входят в состав разных социальных, возрастных, профессиональных групп, имеют разный образовательный уровень.

Анализ собранного материала позволяет выделить такие характерные особенности сленгизмов Донбасса:

- ярко выраженный эмоционально-оценочный характер с преобладанием ассоциативного значения (коннотации) над буквальным (денотацией), например: *Купил телефон на Али, такой галимый (галимый – плохой). Неделю поработал (телефон) и всё – кирдык (кирдык – 1. о ситуации, в значении «все плохо», 2. о неисправной поломке). Платье, конечно, полный отстой, но на скидке – пойдёт (отстой – 1. что-либо плохое, неудачное; 2. то, что вышло из моды, устарело). Выступление – вышка! (вышка – что-либо очень хорошее). Выглядела она сегодня просто пушка! (пушка – о чем-либо хорошем, высокого уровня);*

- распространенность и доступность для всех социальных слоев, например: *Ба, я тебе кинул видос с концерта, глянь (видос – видеоролик). Хватит уже конфеты жилить, поделись (жилить – 1. проявлять жадность, 2. не делиться). Опять она ошибку сделала, сейчас нагоняй выхватит (нагоняй – наказание). Не, ну это полный «абзац»! (абзац – употребляется для оценки ситуации, в значении «все плохо»). А я ему и сказал: «Ты – «Алёша»? Кто так строит?» (Алёша – глупый человек);*

- устойчивость для определенного временного периода, например, сленг актуальный в XXI веке: *Училка эта, всем двойки поставила (училка – учитель: характерно для школьного возраста). – Ты матешу сделал? Дай списать (матеша – математика: характерно для школьного/студенческого возраста). Где ж ты так замуздыкался, горе луковое? (замуздыкаться – выпачкаться: слово популяризировалось в 2008 году в связи с выходом на экраны сериала «Сваты»). Ты мой краш! (краш (от англ. crush – влюбленность) – человек, который симпатичен: слово популяризировалось в 2020 году посредством социальной сети TikTok и российским исполнителям Клава Кока и NILETTO благодаря песне «Краш»). Пойдём вечером пофлексим в клуб (флексить – 1. качаться, двигаться под музыку; 2. расслабляться: слово начали активно использовать посредством его частого употребления блогерами в видео хостинге YouTube);*

- неоднородность генетического состава, например: *Я агрюсь, потому что вы так спокойно на это реагируете! (агриться – раздражаться: игровое понятие). Заходи вечером на бутылёк (бутылёк – посиделки с крепкими алкогольными напиткам: шахтерское понятие). Посеял студак, теперь со*

справкой хожу (студак – студенческий билет: студенческое понятие). Давай зачётку, ставлю пять (зачётка – зачетная книжка: студенческое понятие). Шпоры пополам делили, а она свою часть не сделала (шпора – шпаргалка: студенческое понятие);

– неоднородность приближенности/отдаленности по отношению к фамиллярной речи, например: *Вот гадюка, а сама мне улыбалась! (гадюка – подлый человек). Не пойду, там эта шкура сидит... (шкура – грубое, пренебрежительное наименование девушки). Эу, пацантрэ, куда спешим? (пацантрэ – неуважительное обращение к молодому человеку). Что этот клоун на дороге вытворяет? (клоун – пренебрежительно, о глупом человеке). А она молчит, хоть бы заступилась за меня, овца! (овца – пренебрежительное наименование девушки);*

– наличие фонетических, морфологических, синтаксических особенностей, например: *Ща приду (ща – сейчас). Бормочет шо попало, вообще не думает (шо попало – 1. нести ерунду, 2. что-либо некачественное). Жиза, у меня была похожая история! (жиза – 1. жизненная история, 2. жизненно). Слышь, ты попридержи коней (слышь – слышишь). Займи полтос до завтра (полтос – пятьдесят рублей).*

Разговорный язык состоит, конечно, не только из специфической лексики, поскольку коммуникация не возможна только на уровне сниженной лексики, однако сленговые единицы активно употребляются в процессе коммуникации с различными целями. В этих сниженных единицах языка отражена когнитивная деятельность человека и его стремление посредством коммуникации поделиться этими знаниями с членами своей лингвокультурной общности в надежде быть понятым, передать свои сокровенные мысли. Исходя из этого выделяем следующие функции сленга:

– когнитивная функция – реализует дополнительные значения в стандартных выражениях, например: *Открываю коробку, а там – балалайка (балалайка – 1. ничего, 2. пусто). Если поторопимся – успеем на бесплатный (бесплатный – троллейбус). Собака твоя – велосипед, корми её чаще! (велосипед – кто-либо очень худой). Молчи, а то и тебе припаяют чего (припаять – 1. осудить, назначить наказание, 2. обогатить, 3. присвоить чужие достижения/проступки). Тачка у него, конечно, крутая (тачка – автомобиль);*

– номинативная функция – характеризует сленгизмы, номинирующие явления характерные для узкого круга лиц, или явления, для номинации которых уже существует литературный аналог, например: *Сегодня на улицу вышла – так закоцубла*

(**закоцубнуть** – замерзнуть). *Это твой начальный **стафф** (**стафф** – снаряжение). **Кондёр** при морозе включать нельзя (**кондёр** – кондиционер). Садись, включай **музю**, поедem кататься (**музю** – музыка). Ух, сейчас **махач** начнётся (**махач** – 1. битва, 2. драка, 3. выяснение отношений);*

– коммуникативная функция – проявляет высокую лингвистическую значимость в единицах, не имеющих эквивалента в нормативной лексике, например: *Ой, ну и **бормотуха** была у них на мероприятии (**бормотуха** – дешевое крепленое вино). Этот клоун у меня **буст** купил и не заплатил (**буст** – 1. увеличение характеристик, 2. усиление, 3. толчок). Я ему и слова не сказал, а он уже **быковать** на меня вышел (**быковать** – 1. вести себя агрессивно по отношению к кому-либо, 2. делать что-либо непонятно, глупо, «по-деревенски»). Названивает этот **пендос**, покоя не даёт (**пиндос** (**пендос**) – 1. человек, который сделал подлость, 2. иностранец). Мне не страшно, я перед выходом **остограммился** (**остограммиться** – выпить крепкий спиртной напиток);*

– идентификационная функция – позволяет определить принадлежность человека к отдельному социуму, например: *Чего уже переживать, **дембель** не за горами (**дембель** – 1. выпускной, 2. военнослужащий срочной службы, подлежащий увольнению в запас). Понаехали **донбассяне**, пройти не дают (**донбассяне** – жители Донбасса). Выстроил на столе **дорожку** (**дорожка** – о наркотиках). Полный автобус **македонян** (**македоняне** – жители Макеевки). Нам **дед** рассказал, какие у вас тут законы (**дед** – 1. самый взрослый в компании человек, 2. военнослужащие, прослужившие полтора года);*

– экспрессивная функция – привлекает внимание собеседника, снижает/повышает градус напряжения в диалоге, передает отношение говорящего к объекту номинации, например: *А ты видела как она выглядит? Это ж **зверьё моё**! (**зверьё моё** – 1. что-либо плохое, ужасное, 2. что-либо некрасивое). От **скотобаза**, опять деньги стащил (**скотобаза** – негативная оценка человека). Не хочу учиться в этой **шараге** (**шарага** – негативное наименование учебного заведения). **Капец**! Из-за его выходок все дома остались (**капец** – употребляется для оценки ситуации, в значении «все плохо»). Там такой **стрём** продаётся (**стрём** (**стремоган**, **стрёмно**) – 1. страшно, 2. плохо);*

– функция экономии времени – позволяет сократить слова и выражения до аббревиатур и кратких форм, например: *Это **ГГ**, нам не выиграть (**ГГ** – (от англ. Good Game) 1. используется в качестве прощания, 2. конец чего-либо). С **ДР**! Счастья, здоровья! (**ДР** – День рождения); – **Купи хлеб**. – **Кк** (**Кк** – 1. соглашение с чем-*

либо, 2. одобрение, 3. подтверждение). *ЯАФК*, *не ходите без меня (АФК* – (от англ. away from keyboard) – сокращение, с помощью которого вы даёте понять другим людям, что на некоторое время отойдете от компьютера, будете вне зоны доступа к компьютеру). *Я тебе в ЛС напишу (ЛС* – личные сообщения).

Подводя итог, можно сделать вывод, что сленговые фразы и выражения проникают во все лексические пласты разговорной речи. Сленгизмами пользуются представители разных социальных групп, дифференцированных по возрастному признаку, профессиональной принадлежности, увлечениям. Кроме этого можно выделить сленговые выражения, имеющие частично-локальную принадлежность, например, к территории, на которой он может быть использован и понят жителями данной страны, города, района, например («*Яма*» – автостанция «Центр» (г. Донецк); «*Купи кирпич*» – памятник «Слава шахтерскому труду» на пл. Шахтерская (г. Донецк), «*Белка*» – ТЦ «Белый Лебедь» (г. Донецк)).

Специфика сленга проявляется в достижении социальных целей. Во-первых, сленг выступает в роли шифра, доступного немногим, и тем самым делает речь непонятной для окружающих. Во-вторых, сленг помогает отделить «своих» от «чужих» – первым же произнесенным словом человек делает заявку на принадлежность к определенной социальной группе. Из общенародной лексики в сленг «переводятся» наиболее употребляемые слова, в этом смысле сленг можно рассматривать как слепок образа жизни речевого коллектива, который его создал и который им пользуется. Круг тем, охваченных сленгом, позволяет выделить основные виды деятельности и времяпрепровождения, по факту наличия слова в сленге можно судить о том, какова относительная важность понятия, стоящего за этим словом. В таком случае сленг выступает как «материальное» выражение закона Ципфа, который подразумевает выделение и оценку значимости ключевых слов языка.

Современный сленг являет собой своеобразный язык, который может занимать доминирующую или вспомогательную позицию в речи человека. Безусловно, живя в эпоху глобальных изменений в обществе, мы являемся «пользователями» обновленного языка, а иногда даже авторами языковых новообразований. Фиксация и сохранение сленгового лексикона в словарях является основной задачей лексикографов современности.

Интенсивное функционирование сленга наблюдается в языке молодого поколения как лингвистически активной части общества. Сленг и сленговые выражения в молодежном дискурсе подвергаются лексическим, семантическим, фонетическим изменениям. В нашем дальнейшем

исследовании мы планируем детально рассмотреть особенности функционирования сленга, собранного на территории г. Донецка, в лексикографическом аспекте описания параллелей с нормативной лексикой горожан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 2009. – 398 с.
3. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
4. Маковский, М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология / М.М. Маковский. – М.: Дрофа, 2009. – 234 с.
5. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка : Учебник / Ю.М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель : АСТ, 2000. – 220 с.
6. Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1980. – 39 с.
7. Шарипова, О.А. Региональные особенности языка города : на материале русской речи жителей города Стерлитамак Республики Башкортостан : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Уфа, 2012. – 26 с.
8. Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка / В. Н. Ярцева. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2004. – 284 с.

АННОТАЦИЯ

Метейко В. В. Сленг в его качественных характеристиках (на материале разговорной речи жителей г. Донецка)

В статье актуализирована этимология термина «сленг», рассмотрен лексический пласт разговорной лексики жителей Донбасса, на основе собранного фактического материала выявлены характерные особенности сленгизмов, определены функции, выполняемые данными лексикоединицами в речи жителей г. Донецка.

Ключевые слова: сленг, сленг Донбасса, особенности сленга, функции сленга, социальный диалект.

SUMMARY

Meteiko V. V. Slang in its qualitative characteristics (on the material of spoken language of residents of the city of Donetsk)

The article updates the etymology of the term «slang», considers the lexical stratum of spoken vocabulary of Donbass residents. On the basis of the collected factual material, the features of slangisms are revealed, the functions performed by these vocabulary units in the speech of residents of Donetsk are determined.

Key words: slang, slang of Donbas, features of slang, functions of slang, social dialect.

А. С. Наден

(г. Горловка, ДНР)

УДК 882.09+161.1

**СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *ИЗБРАННИК* И ЕГО
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ К. Д. БАЛЬМОНТА**

Концепты, функционирующие в художественном тексте, являются предметом изучения современной лингвистики и литературоведения. Исследователи обращаются к произведениям писателей, в творчестве которых наиболее полно раскрываются понятия, заключенные в концептах. В то же время индивидуально-авторское понимание концепта способствует выявлению универсальных особенностей национальных концептов.

В данной статье мы рассмотрим функционирование концепта *ИЗБРАННИК* в работах поэта-символиста К. Д. Бальмонта. Материалом для исследования являются литературно-критические работы автора: «Поэзия Стихий», «Поэзия Оскара Уайльда», «Призрак меж людей», «Избранник земли» и др.

Цель исследования – изучение особенностей концепта *ИЗБРАННИК* в литературном наследии К. Бальмонта, выявление его ядра, а также рассмотрение авторских ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных когнитивных моделей.

Миф о поэте-избраннике, получивший широкое распространение в литературе Серебряного века, генетически восходит к романтическим и символистским системам житетворчества. Он претерпел изменения под воздействием индивидуалистической философии Ф. Ницше, а также под влиянием присущей отечественной литературе идеи особой миссии поэта (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов). Опираясь на эту традицию, К. Бальмонт мифологизировал

собственную биографию первым из русских символистов. Мотив избранничества стал одним из исходных принципов его поэтического творчества и литературно-критических работ.

Все значения лексемы «избранник», закрепленные в словарных дефинициях, характерны и для текстов К. Бальмонта, как активного носителя языка. Сопоставив различные словарные статьи, можно выявить в них более или менее общепотребительные значения:

1. Лицо, избранное для исполнения важных, высоких обязанностей.
2. Человек, на которого распространяются какие-нибудь блага, любимец.
3. Любимый человек, возлюбленный.
4. Особо одаренный, избранный человек, предназначенный к деятельности, недоступной другим.

Ядром концепта *ИЗБРАННИК* является значение «особо одаренный, избранный человек, предназначенный к деятельности, недоступной другим» [5, с. 195]. Далее попытаемся выявить ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные коннотации, которые вносят в модель концепта добавочные значения.

Основополагающим философско-эстетическим принципом для К. Бальмонта является пантеизм, утверждение общности природы и духа. К. Бальмонта исповедует стихийный, интуитивный пантеизм, который в то же время находит подтверждение как в поэзии немецких, английских, русских романтиков, идеях Гераклита, Я. Бёме, восточных и западных мифологиях, так и у его современников – Вл. Соловьев, Е. Блаватская, русские космисты. Поэт восхищается цельностью природы, которая является идеалом в системе его ценностей.

Мифопоэтическая модель мира К. Бальмонт – это гармония первостихий (огонь, вода, земля, воздух), *Мировое Кольцо Творческого Четверогласия* [2, с. 31]. Начиная с поэтического сборника «Тишина» (1898), автор снова и снова выстраивает свою Вселенную.

Миросозерцанию К. Бальмонта присущ религиозный синкретизм: автор вводит в христианское сознание элементы пантеизма, называет себя «всебожником», искренне признает, что в нем живет христианин и нехристианин. Эти, казалось бы, несовместимые начала объединяет чувство космической цельности автора. Эта идея – единства всего живого со всем мирозданием – созвучна с концепциями философов-космистов В. Вернадского, А. Чижевского, Н. Федорова. При этом у Бальмонта человеческая душа не растворяется в космических стихиях, личность не утрачивает своей самобытности. Поэт

для него не только «стихийный гений», обладающий даром перевоплощаться в феномены природы, но *ИЗБРАННИК*.

Как уже было сказано выше, К. Бальмонт создал миф о себе, как о прирожденном художнике, *ИЗБРАННИКЕ*, Поэте Божьей милостью. В его биографической легенде разворачивается генеалогический сюжет чудесного рождения. Реальные факты соединяются с семейными легендами и фантазией поэта. М. Цветаева пишет: *Часто приходится слышать о бальмонтовской позе. То, что так часто принимается за позу, есть чуждая обывателю сама природа поэта, – такую Бальмонта, например, носовое произношение ен и ан. Да, Бальмонт произносит иначе, чем другие, он мыслит и чувствует по-другому, видит и слышит по-другому, он весь другой. Кроме того, господа, в поэте громче, чем в ком-либо, говорит кровь предка. Литовские истоки – вот, помимо лирической особенности, объяснение бальмонтовской «позы»* [6, с. 449]. Несмотря на то, что версия о многонациональном происхождении поэта (он находил у себя шотландские, литовские, польские, татарские, монгольские корни) не доказана документально, она объясняет особенности его мировоззрения и душевного строя, открытость западной и восточной культурам.

Миф об *ИЗБРАННИКЕ* разворачивается в сюжетных вариантах: сын Солнца, Луны – поэт-стихийный гений, Художник-Дьявол, поэт Дон-Жуан, поэт-путешественник (странник), поэт-мститель (гражданин), поэт-изгнанник (эмиграция). Более того он поддерживается мифом о Бальмонте, созданным другими авторами Серебряного века (В. Брюсовым, Вяч. Ивановым, А. Белым, А. Блоком, М. Кузминым, Эллисом, М. Цветаевой). В многочисленных посланиях к К. Бальмонту: стихотворениях, эссе, статьях, а позже и воспоминаниях – современники сравнивали его с мифологическими «прототипами» – Орфеем, Протеем, Арионом. *На Бальмонте – в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда – поэт* [6, с. 443].

Особенно ярко миф об *ИЗБРАННИКЕ* проявился в ряде критических портретов выдающихся художников прошлого. Первый штрих портрета Оскара Уайльда – эпиграф: Я сделал свой выбор, в моих стихах прошла моя жизнь [4, с. 545] – заставляет нас вспомнить о всеобщей эстетизации символистами всех сфер жизни, при которой реальное существование человека по законам искусства оценивалось порой выше, чем его творчество. Второй – случайная, оваянная мистическим ореолом, встреча с поэтом в Париже. В строгом смысле слова, это и есть портрет – «художественное описание» О. Уайльда таким, каким его увидел К. Бальмонт. Тысячеликая толпа и один взгляд, одно лицо,

которое приковало внимание автора: *Кто-то весь замкнутый в себе, похожий как бы на изваяние, которому дали власть сойти с пьедестала и двигаться, с большими глазами, с крупными выразительными чертами лица, усталой походкой шел один – казался, никого не замечая... Это был Оскар Уайльд* [4, с. 546].

Проследивая творческий путь поэта, К. Бальмонт находит причину трагедии, постигшей О. Уайльда в конце жизни: *у него в груди было сердце, слабое человеческое сердце* [4, с. 548], поэтому безумный Оскар Уайльд в личном поведении был настолько далек от общепризнанных правил, что, несмотря на всю свою славу, он попал в каторжную тюрьму [4, с. 548]. С лейтмотивом сердца тесно переплетается лейтмотив возмездия: *Все целно в этой жизни. Посмел, заплатил* [4, с. 550]. *Оскар Уайльд прошел сквозь строй* [4, с. 545], заключает К. Бальмонт. Это, по мнению критика, роднит его с Ф. Ницше. Необходимо также отметить, что наряду с рассматриваемой статьей в книге критических работ К. Бальмонта «Горные вершины» была опубликована статья о Некрасове «Сквозь строй». «Пройти сквозь строй» – значит познать нищету, физическое и моральное унижение.

Оскар Уайльд ассоциируется у К. Бальмонта с маком и орхидеей. В мифопоэтической традиции мак связан со сном и смертью, а также с кровью убитого человека или дракона [4, с. 90]. В судьбе Оскара Уайльда *есть красный цвет маков, напоенных его собственной кровью, забвенье маков, чары и забвенье полнозвонных стихов и красочных вымыслов* [4, с. 547]. Вместе с тем он *напоминает красивую и страшную орхидею* [4, с. 551]. На Востоке этот цветок олицетворяет великолепие, благосклонность и роскошь, а в китайской символике – совершенного человека, гармонию, изысканность, любовь, красоту, затворничество ученого [7]. Оскар Уайльд любил *Красоту, и только Красоту, он видел ее в искусстве, в наслаждениях и в молодости. Он был гениально одаренным поэтом, он был красив телесно и обладал блестящим умом, он осуществлял до чрезмерной капризности все свои «хочу!»* [4, с. 547]. Мы видим человека, поступки которого автор не решается судить, так как недолжно судить гения, избранника, который прибывает выше добра и зла (то же Ш. Бодлер «О «Цветах зла»»). При чем же тут затворничество? Чтобы понять это, необходимо вспомнить эпиграф, взятый критиком из стихотворения Уайльда. Знаменательно, что статья заканчивается словами: *Осень, зима, зимний сад, и внутри, в этом роскошном саду пышный и странный и волнующий цветок орхидея тигриная* [4, с. 551]. Начало и конец замыкаются, таким образом, подчеркивая художественное единство портрета.

Статья «Перси Биши Шелли» («Журнал для всех») была опубликована в 1901 г., позже, под названием «Призрак меж людей», она вошла в «Горные вершины».

В начале статьи, опираясь на соотношение личных качеств и творческих способностей, критик разграничивает четыре типа писателей. Первый тип – Шекспир, Дефо, Флобер. Их очарование не в личности, а в могучих и нежных образах [5, с. 3]. Душа и талант этих авторов имеют одинаковый вес. Второй тип – писатели, чей талант не так богат как душа. В них нет внутренней гармонии, они многое видят, но не могут рассказать, ищут слов – и не находят. Писатели третьего типа имеют два духовных образа, и талант соотносится с ними обоими (Достоевский, Свифт). Души последнего, четвертого типа, *наделенные хрустальной прозрачностью, создают два согласные блеска красоты, очарование личности и очарование искусства* [5, с. 5]. К ним К. Бальмонт относит *ИЗБРАННИКОВ* судьбы: Шелли, его бессмертное творчество и, похожую на сказку, жизнь; Гёте, *первородного сына* Земли.

Почему же К. Бальмонт изменил название статьи, заменив имя рассматриваемого автора слова из «Адониаса», которые в первом варианте использовались в качестве второго эпитафия? Очевидно, автор пытался подчеркнуть причастность английского поэта духу всемирной Красоты, суть которого – Любовь, а также способность ощущать каждую минуту жизни. Еще один эпитаф гласит: *Любовь и жизнь в нем были близнецами* [5, с. 4].

К. Бальмонт создает поэтический образ Шелли. Портрет создан с помощью ярких эпитетов и сравнений. Шелли предстает перед читателями как существо с большими голубыми глазами, достигавшими в минуты возбуждения необыкновенного блеска; с волосами *нежными, как пряди шелковистой паутины*; с изящными руками, созданными для красивых движений; с лицом, напоминающим *существо с другой планеты*; с походкой *как движение призрака*; *дух, заключенный в земной оболочке* [5, с. 6]. И в творчестве он создает идеальный образец изображаемого им явления. Всю жизнь поэт служил идее всемирного совершенства.

И его смерть для критика символична. В стихийности морских волн воплощается полнота жизни, она символизирует сферу, находящуюся по ту сторону добра и зла. Смерть Шелли – начало новой жизни, поскольку погружение в море воспринимается как диаволическое соответствие восхождению на небеса [8, с. 306].

Однако наиболее полное выражение мотив избранничества получил в статье «Избранник земли», посвященной Гёте. Для К. Бальмонта Гёте – полубог, *первородный сын земли* [4, с. 514]. Дав понять это в эпитафе (*В садах пробужденной земли / Цветы*

расцвели, отцвели. / Но был ей один всех милее: / Избранник зеленой земли, / Он вечно живет, зеленея [4, с. 513]), автор разворачивает мысль, сравнивая Гёте с Леонардо да Винчи. Данное сопоставление впервые появилось еще в 1897 г. (за два года до публикации статьи) в стихотворении «Аккорды» (Винчи, *спокойный, как Гете* [1]). Не склонный демонизировать Леонардо да Винчи, К. Бальмонт воспринимает его как «уравновешенного», универсального гения, сверхчеловека, всестороннюю личность.

Так как мотив избранничества нередко трактуется в духе ницшеанского индивидуализма, остановимся подробнее на вопросе о К. Бальмонте и Ницше. К. Бальмонт считал Ницше самым блестящим философом XIX века. И все же в понимании сверхчеловека он скорее опирается на Гёте, чем на Ницше. *Все узнать, все понять, все обнять – вот истинный, лозунг Übermensch'a – слово, которое Гёте употреблял раньше Ницше с большим правом* [4, с. 517]. Не идея превосходства над другими привлекает его в сверхчеловеке, а идея нового человека – способной все обновить жизнь творческой личности. Таким образом, «избранный», «мудрый», «посвященный» поэт у К. Бальмонта, конечно, соотносится с ницшеанским сверхчеловеком, однако отнюдь не тождествен ему. Сверхчеловеческое в понимании К. Бальмонта означает в первую очередь всечеловеческое в гётевском понимании этого слова.

Говоря о Гёте как об универсальном гении, К. Бальмонт оценивает его вклад в развитие литературы Германии: развитие жанра баллады и поэмы, создание «современного романа», участие в движении «Бури и натиска»; очерчивает круг его не литературных интересов: руководство театром, критическая и переводческая деятельность, естествоиспытательство, разработка эволюционной теории, увлечение минералогией, геологией, нумизматикой, метеорологией, философией и итальянскую живопись и т.д. Воплощая в себе синтез материального и духовного, рационального и эмоционального, Гёте, по мнению К. Бальмонта, достигает целостности, которую сохраняет на протяжении всей жизни. *О Шекспире кто-то сказал, что это целый континент. Байрон прекрасен, как Люцифер. Шелли рыдает, как гениальная скрипка, и переливается лунными дрожаниями воздушной лютни. Но каждый из этих поэтов воплощает, в общем, только одну черту «...» они – части, он [Гёте] – целое* [4, с. 517]. Ту же мысль мы можем проследить и в ряде других статей: «О русских поэтах» (где Гёте равен Пушкину, и они оба – цельное), «Чувство личности в поэзии».

Отмечает К. Бальмонт и еще одну особенность Гёте – отсутствие внутреннего трагизма. *Трагические души, как Свифт,*

Эдгар По, Бодлер или Ницше, как камни, сорвавшиеся с высоты утеса, с логической неизбежностью и все возрастающей быстротой летят в пропасть [4, с. 518]. В то время как души гармонические, как Гёте, подобны громадному развесистому дереву, которое растет столетия, поднимается упорно в определенном направлении и бури свои переносит – качаясь, мечась, шумя, но цепко и твердо стоя на своем, судьбой ему данном, месте [4, с. 518]. Очевидно, «дерево» символизирует здесь полноту проявления качеств, неумирающий дух, бесконечность, динамичность жизни (в противовес статичному камню). И все же, по мнению А. Ханзен-Лёве, «камень не является негативным свидетельством безжизненности неорганического, но предпосылкой бессмертия артефакта» [8, с. 65].

Личность Гёте, как и личность Леонардо да Винчи, привлекала мыслителей Серебряного века. Так мнение Д. Мережковского (статья «Гёте», 1913 г.) во многом совпадает с восприятием К. Бальмонта. Для обоих Гёте – полубог, царственная фигура, сверхчеловек, тот «для кого мать сыра земля в самом деле – Мать» [3, с. 362]. Оба в своих исследованиях опираются на Эккермана, отмечая «стойкость здоровья и кипение всего жизнерадостного существа» [3, с. 515] Гёте, и иллюстрируя это любовью семидесятилетнего поэта к юной Ульрике фон Левецов. В то же время, Д. Мережковский много размышляет об отношении Гёте к христианству. К. Бальмонту, с его пантеистическим мироощущением, такие пространные рассуждения о религии были чужды. Как, впрочем, и полное отрицание Бога в духе нищезанятия.

Выделим основные авторские когнитивные модели присущие концепту *ИЗБРАННИК*: 1) чудесное рождение и изначальная связь с запредельным миром; 2) незаурядная внешность и особое поведения; 3) цельность творчества и жизни; 4) универсальный гений; 5) пребывание выше добра и зла; 6) обладание даром предвидения; 7) символичность смерти.

Подводя итог, отметим, что концепт *ИЗБРАННИК* является многоуровневым базовым культурным концептом. Ядро составляют культурно-исторические знания, существующие в сознании языковой личности: лицо, избранное для исполнения высоких обязанностей; человек, на которого распространяются какие-нибудь блага, любимец; возлюбленный; особо одаренный человек, предназначенный к деятельности, недоступной другим. Ядро концепта достаточно полно представлено в произведениях К. Д. Бальмонта. Результатом же авторского переосмысления является наличие ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных коннотаций, которые вносят в модель концепта добавочные значения: человек, чье рождение, жизнь и смерть

являются необыкновенными; обладающий замечательной внешностью; наделенный гениальностью, которой присущи целостность и универсальность; стоящий выше добра и зла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будникова, Л. И. Творчество К. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература». – М., 2007. – 38 с.
2. Куприяновский, П. В., Молчанова Н. А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.
3. Мережковский, Д. С. Гёте / Д. С. Мережковский // Русское Слово. – 1913. – № 144. – (Полное собрание соч. в 24 т. / Д. С. Мережковский ; – Т. XVII). – С. 360–376.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / [Гл. ред. С. А. Токарев]. – М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 2. – 1998. – С. 90.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; [под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой]. – М. : Рус. яз., 1988. – С. 458.
6. Перхин, В. В. «Открывать красоты и недостатки...» : Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век / В. В. Перхин. – СПб., 2001. – 170 с.
7. Словарь символов. – Режим доступа к ресурсу : <http://slovarik.kiev.ua/symbol.html>.
8. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве ; [пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха]. – СПб., «Академический проект», 1999. – 512 с. – (Серия «Современная западная русистика», т. 20).

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

1. Бальмонт, К. Д. Аккорды / К. Д. Бальмонт. – Режим доступа к ресурсу : <http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/tishina/stih-40.htm>
2. Бальмонт, К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления / К. Д. Бальмонт. – СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1908. – 217 с.
3. Бальмонт, К. Д. Горные вершины. Искусство и литература. Сборник статей / К. Д. Бальмонт. – М. : Изд. «Гриф», 1904. – 304 с.
4. Бальмонт, К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / К. Д. Бальмонт ; [сост., вступ. ст. и коммент.

- Д. Г. Макогоненко ; ил. и оф. Н. Е. Бочаровой]. – М. : Правда, 1991. – 608 с.
5. Бальмонт, К. Д. Перси Биши Шелли / К. Д. Бальмонт // Журнал для всех. – 1901. – Кн.1. – С. 3–10.
6. Цветаева, М. Автобиографическая проза. Дневниковые записи. Воспоминания о современниках. Эссе. Письма / М. Цветаева. – Екатеринбург : «У-Фактория», 2005. – 768 с.

АННОТАЦИЯ

Наден А. С. Содержание концепта *ИЗБРАННИК* и его функционирование в литературно-критических работах К. Д. Бальмонта

В статье даётся определение концепта, указаны основные его характеристики, описана структура. Автор рассматривает функционирование и особенности концепта *ИЗБРАННИК* в литературно-критических работах К. Д. Бальмонта.

Ключевые слова: избранник, концепт, литературная критика, портрет, символ.

SUMMARY

Naden A. S. The content of the *SELECT* concept and its functioning in the literary-critical works of K. D. Balmont

The article gives a definition of the concept, indicates its main characteristics, describes the structure. The author examines the functioning and features of the *SELECT* concept in the literary-critical works of K. D. Balmont.

Key words: chosen one, concept, literary criticism, portrait, symbol.

*В. Ю. Светличная
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'373.4

ИЗУЧЕНИЕ ТАВТОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Несмотря на столь продолжительный период изучения тавтологии и значительное количество работ, посвящённых этому феномену, в лингвистике до сегодняшнего дня не существует единой теории тавтологии. Одной из причин такого положения дел являются разногласия учёных ещё на этапе выведения общепринятого определения данного явления.

Дефиниции термина «тавтология», приводимые лингвистами и литературоведами, зачастую разнообъёмны, что затрудняет объективное осмысление сущности изучаемого феномена.

Отсутствие единого толкования тавтологии в лингвистических работах и словарях приводит к смешению этого понятия с ещё одним распространённым типом речевой избыточности – плеоназмом. Одной из причин такого совмещения может являться факт понимания учёными тавтологии в «широком» и «узком» значении. При «широком» толковании понятие тавтологии покрывает не только повтор одинаковых корней и словоформ, но и синонимические пары слов (*честь-хвала, путь-дорога*), структурные образования (в том числе и плеоназмы) на уровне словосочетаний и предложений. В качестве примера определения тавтологии в «широком» понимании может послужить дефиниция, данная Л. А. Полянской: «Тавтология представляет собой соположение (контактное или дистантное) языковых единиц, объединённых отношениями тождества или подобия, в виде явного или скрытого повторения смысловых или формальных элементов» [12, с. 6]. «Широкого» понимания тавтологии придерживаются Е. Б. Богатова, Ф. И. Буслаев, А. М. Бушуй, Т. Г. Крапотина, В. В. Лопатин, Т. С. Остапенко, А. А. Потеня, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Т. А. Тулина и др.

На основе «узкого» понимания тавтологии построены работы гораздо меньшего количества лингвистов (Е. П. Евгеньевой, Т. А. Ковалёвой, Г. А. Селиванова и др.). «Узкое» толкование включает в состав тавтологии только однокорневые сцепления типа *жить жизнью, содержание содержит* и т.д. Понимание тавтологии в «узком» смысле отражает определение Г. А. Селиванова: «Это такие сочинительные и подчинительные соединения слов, которые имеют один и тот же корень во всех компонентах или же образованы способом повторения одного слова» [15, с. 24]. Т. А. Ковалёва в исследовании «Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект» выделяет дифференциальные признаки изучаемых явлений:

- 1) их различное происхождение в русском языке;
- 2) формальный признак (тождественность/нетождественность компонентов);
- 3) синтаксические отношения между элементами тавтологических и плеонастических конструкций (подчинения и сочинения соответственно);
- 4) уровень повтора (для тавтологии – дублирование формы и содержания, для плеоназма – только содержания);
- 5) функционирование на различных ярусах языка [7, с. 11].

Перечисленные признаки являются точными критериями и вескими основаниями для разграничения тавтологии и плеоназма как самостоятельных типов речевой избыточности. В настоящей работе и в последующих исследованиях видов речевой избыточности вслед за представителями «узкого» подхода к изучаемому феномену, под *тавтологией* понимаем такой вид повтора, одновременно проявляющийся на фонетическом и лексическом уровнях, который основан на прагматически и семантически мотивированном (*А я буду вам улыбаться улыбкой блаженной*) или немотивированном (*Достроить объекты незавершённого строительства*) дублировании грамматически различных однокорневых лексем (*поднялись на довольно высокую высоту*) [7, с. 6]. Данная дефиниция, представленная Т. А. Ковалёвой, на наш взгляд, позволяет разграничить наиболее распространённые явления речевой избыточности (тавтологию и плеоназм), соблюдая тем самым предъявляемые к научному термину требования однозначности и системности.

Сложность определения тавтологии состоит также в том, что это явление зачастую в научных трудах и словарных статьях описывается и изучается под другим названием либо тавтологией иллюстрируется смежное с ней явление. Например, энциклопедический словарь-справочник под редакцией А. П. Сковородникова «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты» для иллюстрации морфемной анафоры представляет следующий пример: *Крутой круче крутого, а Буйнов «буйнее» буйного* (выделение автора) [5, с. 41]. Это же предложение демонстрирует гомеозэптон (корневой повтор) в статье «Гомеология» указанного источника [5, с. 101]. При описании полиптотона также используются иллюстрации, содержащие тавтологию, например: *Люблю любить любимых и т.д. / Любить же нелюбимых не люблю, / Поскольку мой высокий КИД / От нелюбимых клонится к нулю* (С. Нохрин) – (выделение автора) [5, с. 237].

Изучая труды, посвящённые различным видам повторов, отмечаем возрастающий интерес лингвистов к явлению корневого повтора, которое пока ещё не нашло однозначного теоретического освещения в современном языкознании, а потому объём и содержание этого научного понятия до конца не выяснены. А. М. Надежкин, изучая терминологическое обозначение «корневой повтор» в теоретическом освещении, отмечает, что описываемое явление может служить как приёмом, так и способом организации текста. Лингвист разграничивает полиптот (использование грамматических форм одного слова) и корневой повтор, который представляет собой употребление «разных слов

с разным лексическим значением или относящихся к разным частям речи, но связанных одним корнем» [9, с. 449]. Однако вопрос смежности либо разграничения явлений корневого повтора и тавтологии учёным не поднимается. Опираясь на понятие «корневого повтора», представленного в исследовании Л. В. Зубовой, А. М. Надежкин предлагает дополненное определение данного научного понятия и под корневым повтором понимает сближение однокорневых слов «в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединённых контекстах с целью актуализации этимологической, ассоциативной, символической информации, также в других поэтических функциях путём повторения корней в ключевых словах» [9, с. 452].

Ю. Н. Пугачёва определяет корневой повтор как симметрично-асимметричную стилистическую фигуру, являющуюся словообразовательно обусловленным видом синтаксического повтора, состоящую в столкновении двух или более однокорневых слов в пределах микроконтекста [14, с. 8].

Н. А. Николина под корневым повтором понимает повтор в тексте или его фрагменте однокорневых слов (*ад-адский, луна-лунный*) и рассматривает его как разновидность семантического повтора наряду с точным лексическим повтором, синонимическим повтором, повтором тропов и деривационным повтором [10, с. 37-38].

В. К. Приходько выделяет 7 видов корневых повторов: 1) корневой повтор, связанный с мотивированностью производного слова или с фразеологической единицей (...*отзывчивый на зов...*, *громкое имя твоё гремит*) (здесь и далее выделение автора); 2) тавтологическое сочетание (*славу трубят трубачи, чёрный читает чтец*); 3) анноминация (*всю бессердечность сердца*); 4) корневой повтор со словами одного деривационного ряда (*Переглядила по шёрстке, – Стосковался по тоске!*); 5) корневой повтор со словами разных деривационных рядов (*Мечется в странной мечте*); 6) корневой повтор в пределах грамматических оппозиций (*Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью!*); 7) повтор с варьированием суффиксов, повторением частей слова, удвоением, утроением отдельных лексем (*Разрывай – рывай глаза! / Спать нельзя! нельзя! нельзя! / собирай – бирай мозги! / Тьма – ни зги! ни зги! ни зги!*) [13, с. 174-175]. Однако этот же учёный, выделяя наиболее значимые стилистические приёмы, реализованные на морфологическом ярусе языка, ставит в один ряд тавтологические сочетания, корневые повторы семи типов, анноминации, полипторы [13, с. 12].

Отметим, что ни в одном из указанных трудов тавтология не упоминается ни в каком контексте. Такое положение вещей

затрудняет понимание описываемых феноменов в целом, или их возможной взаимосвязи и позиции авторов в частности. Вследствие чего возникает ряд вопросов, требующих уточнения: является ли корневой повтор художественным средством, используемым только в поэтической речи, или его применение возможно и в прозе; является ли тавтология для корневого повтора видовым/родовым или смежным понятием; в чём отличия (если таковые существуют) тавтологии от корневого повтора; обусловлено ли применение термина «корневой повтор» для обозначения явления тавтологии в связи с распространённой отрицательной коннотацией последнего.

Как видим, вопрос определения тавтологии в отечественном языкознании остаётся открытым. Не менее спорным при изучении тавтологии является вопрос о классификации этого феномена.

В работе «О преподавании русского языка» [3, с. 192-195] Ф. И. Буслаев, определяя тавтологию как повторение одного и того же слова или совокупление двух и трёх подобозначащих, характеризует её как одно из проявлений «украшенного синтаксиса», а в качестве функций тавтологии выделяет придание речи большей силы и одушевлённости. В зависимости от того, какой компонент дублируется, Ф. И. Буслаев разделяет тавтологию на тождесловие (повторение одного и того же звука, т. е. корня) и подобословие (повторение одного и того же понятия в нескольких синонимах). По составу тавтология, с точки зрения учёного, бывает одночленная или двух- и трёхчленная. К одночленной тавтологии Ф. И. Буслаев относит тождесловие (*шутку шутить, старина стародавняя, подпись подписана, жил-был*), а «совокупность слов подобозначащих», т. е. подобословие, представлено двухчленной (*служить верою и правдою, не знаешь не ведаешь*) и трёхчленной тавтологией (*с кем побиться подражаться поратиться (сохранена пунктуация автора)*). Также исследователь выделяет 3 вида тавтологии предложений:

1) части предложения выступают по отношению друг к другу как синонимы (*а утоптана трава, утолочена мурова*);

2) каждая часть-синоним предложения имеет внутри тождесловие (*суды рассуживает и ряды разряживает*);

3) тождесловие между главным и придаточным предложениями (*становился стоять персидский посол, становил стоять молоду жену*).

Проявление тавтологии на уровне не только отдельных слов, но и предложений было также замечено В. А. Воскресенским в работе «Особенности русского народного языка». Автор выделяет три вида тавтологии: 1) повторение (неизменное повторение одного и того же слова или нескольких слов, одного и того же предложения

или нескольких предложений); 2) тождество (повторение одного и того же корня, входящего в образование различных членов предложения или главных членов двух предложений – главного и придаточного); 3) подобострие (соединение подобозначащих слов (синонимов) или предложений) [4].

На современном этапе изучения тавтологии традиционным считается восприятие обозначенного феномена в качестве антиномии *ошибка* (стилистическая/лексическая) – *стилистический приём* (фигура).

Чёткая дефиниция тавтологии как стилистической фигуры представлена А. П. Сковородниковым, который, сопоставив и проанализировав определения и примеры тавтологии в данном значении, представляет её в качестве фигуры речи как стилистически мотивированный повтор однокорневых слов, «находящихся в пределах предложения», функцией которых является «акцентирование того понятия (концепта), которое заключено в корневой части повторяющихся слов» [5, с. 330]. Непреднамеренное же и не оправданное стилистическим контекстом повторение в пределах одного или соседних предложений одних и тех же или однокорневых, близких по звучанию слов относится, по мнению учёного, к коммуникативно-прагматическим ошибкам и является наиболее частым нарушением критерия целесообразности [5, с. 471, 399].

В «Книге о хорошей речи», рассматривая тавтологию как разновидность плеоназма, Д. Э. Розенталь и И. Б. Голуб представляют описываемое явление не только как стилистический приём в разговорной и художественной речи (*ходить ходуном, всякая всячина, беззаконие узаконено* и т. п.) или нежелательное столкновение однокорневых слов (*Он рассказал журналистам о достижениях, которых достигла его страна*). Авторы труда выделяют также группу тавтологических единиц, закреплённых в речи, которые «являются единственными носителями соответствующих значений и их не удаётся заменить синонимами», а потому неизбежных в речи (*варить варенье, следственные органы расследовали*) [6, с. 9-11].

Нередко в энциклопедиях и словарях лингвистических терминов классификация тавтологических единиц по критерию стилистической оправданности/неоправданности является затруднительной для понимания, т. к. интерпретация данного вопроса, как и в случае с дефиницией, связана с разграничением понятий *тавтология* и *плеоназм*. В «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой дефиниция, раскрывающая понятие тавтологии, гласит: «Термин Т. традиционно употребляется в русистике как пейоративный:

квалифицировать речевое явление как Т. означает указать на речевую ошибку» [8, с. 477]. При этом использование однокорневых слов в качестве стилистического приёма в данной статье обозначается автором терминами *лексический повтор*, *плеоназм*, *редупликация*. Такой подход к нормативному разграничению плеоназма (тавтологии) как речевой ошибки и как фигуры речи, на наш взгляд, является непоследовательным и противоречивым. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, тавтология рассматривается как «неоправданная избыточность выражения» [1, с. 467]. Плеоназм же выступает в двух значениях (в рамках одной словарной статьи): в качестве избыточности выражения как постоянного свойства языка и как фигура речи, стилистическая избыточность [1, с. 325]. Подобное изложение материала даёт основания автору словарной статьи считать плеоназм оправданной избыточностью в отличие от тавтологии.

Классификация тавтологии по принципу нормативности/ненормативности употребления встречается в трудах В. В. Виноградова («О языке художественной литературы»), К. С. Горбаневич («Нормы современного литературного языка»), В. В. Лопатина («О тавтологических ошибках»). Под истинной (подлинной) тавтологией понимаются выражения, которые не соответствуют нормам литературного словоупотребления (*моя автобиография*, *коренной абориген*). Мнимая тавтология проиллюстрирована фольклорными и тавтологическими выражениями, используемыми в качестве стилистического приёма, либо соединениями, в которых одно из слов (чаще иностранного происхождения) утратило первоначальное значение, т. е. теми сочетаниями, которые не противоречат нормам современного русского словоупотребления, а значит, не являются избыточными (*пошлость пошлого человека*, *деловые дела*, *думу думать*, *монументальный памятник*). По мнению Т. А. Ковалёвой, «основным критерием нормативности тавтологии в русском языке XXI века следует признать наличие семантического приращения, которое возникает в тавтологическом сочетании или предложении с дополнительным обобщённым значением и/или прагматической интенцией при отсутствии адекватной синонимической замены» [7, с. 6].

Е. Б. Богатова в статье «Типологическое исследование репрезентаций тавтологии в разных дискурсах», определяя природу и причины возникновения изучаемого явления, выделяет непреднамеренную (вызванную невнимательностью или некомпетентностью автора) и функциональную тавтологию, которая «используется для экспрессивно-эмотивной и

информативной семантизации», имплицирована специальным заданием и «в качестве специального приёма входит в систему стилистически и семантически мотивированных средств речепостроения» [2, с. 251]. Тавтологию, обусловленную «имманентными любому естественному языку исключениями из правил и некоторыми потенциями к избыточности», автор статьи называет естественной, т.к. она детерминирована системой языка.

Т. С. Остапенко изучает тавтологию с точки зрения антропоцентрического подхода на материале оригинальных источников русской и английской литературы XIX – XXI веков. Взяв за основу причины возникновения тавтологических единиц, лингвист выделяет четыре группы конструкций с повторяющимся элементом: тавтология «по инерции» (*горячий кипяток*), «по привычке» (*варить варенье, танцевать танец*), «по незнанию» (*прейскурант цен, бывший экс-чемпион*) и «по интенции» (функционально оправданные тавтологии типа *грубый грубиян, истинная правда*). Придерживаясь «широкого» понимания тавтологии, Т. С. Остапенко в работе «Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии» выделяет такие основные виды тавтологических конструкций:

- 1) атрибутивные (*грубый грубиян*);
- 2) структурные (*работник работает, шутки шутить, бежать бегом*);
- 3) компаративные (*дурак дураком, осень как осень*);
- 4) плеонастический повтор синонимов (*верный и преданный*);
- 5) тавтологии с предикативным удвоением (*жизнь есть жизнь*);

- 6) валентностные тавтологии (*на войне, как на войне*) [11, с. 7].

Наиболее полная классификация тавтологии в современном русском языке представлена в работе Т. А. Ковалёвой «Тавтология и плеоназм в русском языке XIX века: полисистемный аспект». Автором выделены следующие типы тавтологии:

- 1) на основе наличия максимально полного набора признаков и наиболее продуктивного функционирования в текстах (*лексическая, синтаксическая и фонетическая*);

- 2) по принципу словообразования тавтологические единицы представлены

- а) формами одного и того же слова (*К этой идее он **вернулся** в начале 1930-х годов, **вернувшись** в СССР*);

- б) однокорневыми словами, образованными морфологическим (*неслабый слабый пол, безопасная безопасность* и т. д.) или неморфологическим способом (*богатые богатеют, ждали долгожданной победы*);

- 3) согласно лексико-семантическим свойствам

а) конвенциональные, т. е. закреплённые языковой нормой (*масло масляное*), которые включают однокорневые сочетания с фразеологическим значением (*из рук в руки*), номинации (*общественная организация «Общество любителей железных дорог»*) или представляют собой тавтологические конструкции, для которых в современном русском языке отсутствует адекватный эквивалент (*пою песню*);

б) этимологические, т. е. сочетания, которые не воспринимаются как тавтологии современными носителями языка в силу частичной утраты значения слова или экстралингвистических факторов (*лимонный лимонад*);

в) синтаксически обусловленные тавтологии (*жара жарой, каникулы каникулами, а дела делами*);

г) собственно тавтологии со свободным значением, выражающие типичность (*вода как вода*), исключительность (*всем сметанам сметана*), степень проявления признака (*старый старик*), длительность и последовательность (*поколение за поколением*), часть и целое (*грузовик с грузом*).

4) согласно структурно-синтаксическому подходу автором представлена разветвлённая схема «из 27 структурных типов с различными элементами, построенными по разнообразным структурным моделям и объединёнными разными синтаксическими отношениями (предикативными; полупредикативными; непредикативными (атрибутивными, субъектными, объектными, обстоятельственными) и синтаксическими связями (координация; сочинение; подчинение (согласование, управление, примыкание)» [7, с. 11-13].

Таким образом, изучив работы отечественных лингвистов, посвящённые исследованию тавтологии, а также теоретический материал, представленный в словарях и справочниках, мы можем утверждать, что на современном этапе развития языка обозначенное явление рассматривается в «узком» и «широком» понимании и имеет несколько трактовок: как родовое понятие, включающее плеоназм; как разновидность плеоназма; как самостоятельное явление (разновидность повтора, выраженная однокорневыми словами). Также можем утверждать, что тавтология является крайне противоречивым явлением, обладающим рядом особенностей, каждая из которых может лежать в основе различных классификаций, не взаимоисключающих друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.

2. Богатова, Е.Б. Типологическое исследование репрезентаций тавтологии в разных дискурсах / Е.Б. Богатова // Вестник ИГЛУ. – 2014. – №2 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskoe-issledovanie-reprezentatsiy-tavtologii-v-raznyh-diskursah> (дата обращения: 27.08.2020).
3. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка / Соч. Федора Буслаева. – Ч. 2. – М. : Унив. тип., 1844. – III, 375 с. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10075847> (дата обращения 09.04.2021).
4. Воскресенский, В.А. Особенности русского народного языка / В.А. Воскресенский // Семья и школа. – 1897. – № 2. – Кн. II. – URL: <https://litra.pro/yazik-foljklora-hrestomatiya/hrolenko-aleksandr-timofeevich/read/27> (дата обращения 31.10.2020).
5. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
6. Голуб, И.Б., Розенталь, Д. Книга о хорошей речи / И.Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 268 с.
7. Ковалева, Т.А. Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Ковалева. – Великий Новгород, 2017. – 22 с.
8. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
9. Надежкин, А.М. Терминообозначение «Корневой повтор» в теоретическом освещении / А.М. Надежкин // Вестник ННГУ. – 2014. – №1-1(1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminooboznachenie-kornevoy-povtor-v-teoreticheskom-osveschenii> (дата обращения: 11.03.2021).
10. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
11. Остапенко, Т.С. Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.С. Остапенко. – Иркутск, 2011. – 18 с.
12. Полянская, Л.А. Прагматическая ценность тавтологии в коммуникативном пространстве современного немецкого языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.А. Полянская. – Барнаул, 2011. – 19 с.
13. Приходько, В.К. Выразительные средства языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.К. Приходько. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.

14. Пугачёва, Ю. Н. Симметрично-ассиметричные синтаксические фигуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю.Н. Пугачёва. – Москва, 1999. – 19 с.
15. Селиванов, Г.А. Тавтологические словосочетания как самобытные русские фразеологизмы / Г.А. Селиванов // Русский язык в школе. – 1955. – № 3. – С. 24-27.

АННОТАЦИЯ

Светличная В. Ю. Изучение тавтологии в отечественном языкознании: определение понятия, классификация

Представленный в данной статье анализ отечественных работ, посвящённых исследованию тавтологии, позволяет утверждать, что на современном этапе развития языка обозначенное явление рассматривается в «узком» и «широком» понимании и имеет несколько трактовок. Также автор статьи приходит к выводу, что тавтология является крайне противоречивым явлением, обладающим рядом особенностей, каждая из которых может лежать в основе различных классификаций, не взаимоисключающих друг друга.

Ключевые слова: тавтология, плеоназм, корневой повтор, классификация тавтологии.

SUMMARY

Svetlichnaia V. Y. The study of tautology in Russian linguistics: definition of the concept, classification

The analysis of the works of Russian linguists devoted to the study of tautology presented in this article suggests that at the present stage of language development, this phenomenon is considered in a «narrow» and «broad» sense and has several interpretations. The author also comes to the conclusion that tautology is an extremely contradictory phenomenon that has a number of features, each of which can form the basis of different classifications that are not mutually exclusive.

Key words: tautology, pleonasm, root repetition, classification of tautology.

УДК 81'367+81'37(045)

**ПРЕДИКАТНО-АКТАНТНАЯ РАМКА
ДИРЕКТИВНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ
ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ 'ПРИКАЗ'**

В настоящее время исследование семантики предложения является одной из актуальных задач современной синтаксической науки, поскольку «система моделей предложений в целом отражает общую модель языкового видения человеком мира» [1, с. 3]. Обозначенная проблематика предполагает анализ семантики предложения и возможностей ее представления в виде различного типа структур – предикатно-актантных рамок.

Изучение семантической и синтаксической организации предложения представлено рядом научных подходов и концепций, в частности исследованиями Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, Н. Г. Долженко, Т. П. Ломтева, Г. Г. Сильницкого, Л. Теньера, Ч. Филлмора, Н. Хомского, Н. Ю. Шведовой и др.

Целью предлагаемой публикации является анализ предикатно-актантной рамки директивных перформативных глаголов (далее – ДПГ) интенционально-семантической группы 'приказ' (*приказывать, запрещать, требовать, разрешать* и т. д.).

Перформативные глаголы, эксплицирующие директивную интенцию, являются одной из самых многочисленных групп перформативов. Общая иллокутивная цель директивных перформативов – побудить адресата выполнить какое-то действие, представленное в пропозиции.

Все директивные перформативы предполагают перлокутивный эффект: реципиент высказывания должен завершить иллокутивный акт каким-то действием (речевой акт будет реализован либо в другом речевом акте, либо в действии).

В лингвистике одновременно с термином «директивные речевые акты» и, соответственно, эксплицирующими их ДПГ, также функционируют понятия экзерситивные, побудительные, императивные речевые акты, исследованию которых посвящены работы Е. И. Беляевой, Л. А. Бирюлина, Р. М. Богдановой, А. И. Изотова, В. Е. Иосифовой, Е. В. Комлевой, Ц. Саранцацрал, А. Ю. Чернышевой и др.

В рамках данного класса выделены три интенционально-семантические группы (далее – ИСГ) ДПГ, «объединенные общностью иллокутивной цели и функционирующие в

языке как номинации определенной речевой интенции» (по Н. Ш. Галлямовой) [2, с. 76–78], а именно: ИСГ ДПГ просьбы, совета, приказа, которые, в свою очередь, подразделяются на лексико-семантические группы, объединенные на основании тождественности реализуемого интенционального смысла: собственно просьба, мольба, приглашение, собственно совет, рекомендация, предложение, предостережение, приказ, требование, запрет, разрешение и т. д.

Объектом предлагаемого исследования являются предложения с директивным значением, содержащие в позиции предиката ДПГ ИСГ ‘приказ’.

Предмет исследования – модели предикатно-актантных рамок директивных перформативных глаголов ИСГ ‘приказ’.

Термин «предикатно-актантная рамка», разработанный в падежной грамматике Ч. Филлмора, определяется как «мыслительная структура, представляющая смысловые связи предиката с универсальными элементами системы смыслов любого языка – глубинными падежами, или семантическими ролями» [7, с. 222].

Структуру перформативного предложения образуют две части – перформативная и пропозициональная (по В. В. Богданову, модусная и диктумная). Компонентами перформативной части являются собственно перформативный глагол, а также два актанта, которые соответствуют продуценту высказывания и реципиенту как участникам социальной интеракции. Пропозициональная часть перформативного высказывания соответствует третьему актанту перформативного глагола. Синтаксически данная часть может реализовываться как придаточное предложение (развернутая пропозиция), инфинитив, существительное и т. д. (свернутая пропозиция).

Семантико-синтаксическая структура директивного перформативного предложения определяется особенностями реализации валентности предиката и обусловлена прагматическими целями продуцента высказывания, коммуникативная интенция которого выражена главным образом в лексической семантике перформативного предиката и обуславливает синтаксические позиции составляющих элементов, необходимых для раскрытия его семантического потенциала.

Базовыми компонентами предикатно-актантной рамки перформативного глагола являются субъект высказывания (агенс), адресат (бенефициантив / контрагенс), пропозиция, раскрывающая содержание коммуникативного действия, то есть полная модель имеет следующую структуру:

1) субъект приказа – **кто** приказывает;

- 2) адресат – **кому** приказывают;
- 3) перформативный глагол как ядерный компонент предложения;
- 4) содержание приказа (пропозиция) – **что** приказывают (объектив, т. е. объект цели).

Таким образом, предикатно-актантная рамка перформативного глагола является трехкомпонентной: агенс – пациенс (бенефициантив/контрагентив) – пропозиция: Тогда я [агенс] **приказываю** вам [контрагентив] поставить этот грибок на место, убрать со двора мусор и благоустроить нашу детскую площадку [пропозиция] [Н. Дубинина. Роботы идут в атаку // Труд–7, 2002.06.20]; Я [агенс] **запрещаю** тебе [контрагентив] сниматься в телешоу! [пропозиция] [М. Ремизова. Жигунов запретил Заворотнюк сниматься в «Танцах на льду» // Комсомольская правда, 2006.09.27].

Модели управления ДПГ ИСГ ‘приказ’ в большинстве случаев тождественны и предполагают аналогично оформленные морфологическими средствами синтаксические позиции для продуцента, реципиента, а также действия, на выполнение которого направлена коммуникативная интенция адресанта высказывания.

Агенс, как правило, имеет стандартную форму выражения, которая соответствует классической перформативной формуле, – местоимение в форме первого лица единственного числа.

Морфологическим репрезентантом пациенса, который достаточно часто представлен имплицитно, является не прямой падеж местоимения/существительного, обозначающего потенциального исполнителя коммуникативного действия. При ДПГ приказа, запрета, разрешения объект-адресат функционирует в форме дательного падежа (*приказываю тебе, запрещаю тебе, разрешаю вам*); при ДПГ требования – грамматическая форма «от+родительный падеж» (*требую от тебя*).

Таким образом, объект, на который направлена коммуникативная интенция агенса, соответствует субъекту действия, выраженного предикатом пропозициональной части, выступая в семантической роли бенефициантива или контрагентива.

С целью уточнения объекта речевого воздействия второй актант может быть распространен обращением, которое также называет исполнителя действия, названного в пропозиции. Введение в структуру предложения с директивным предикатом обращений способствует интенсификации иллокутивной силы воздействия на реципиента, поскольку таким образом выражается непосредственная направленность коммуникативного действия

и реализуется контактоустанавливающая функция: *Я тебе, Виктор Анатольевич, запрещаю сталкивать ветеранов и бухгалтера!* [Ветераны пожаловались Виктору Кокшарову на бухгалтера из правительства // Комсомольская правда, 2008.06.18]; *Лопес Обрадор, я **требую**, чтобы ты вывел морпехов, солдат и полицейских из штата Гуанахуато, иначе я начну убивать мирных жителей, чтобы ты понял, что это все не игрушки...* [А. Рылова. Кровавое топливо // lenta.ru, 2019.04.24].

Составляющие предикатно-актантной рамки директивного перформативного глагола ИСГ ‘приказ’ могут не реализовываться в поверхностной структуре предложения, поскольку актанты при перформативном предикате характеризуются облигаторным или факультативным проявлением. Ввиду этого выделяются вариативные типы репрезентации предикатно-актантной рамки, обусловленные опущением одного или нескольких синтаксических актантов:

1) перформатив – бенефициантив/контрагентив – пропозиция (не реализован первый актант):

***Требую** от вас тщательной и целенаправленной работы по привлечению к уголовной ответственности лидеров и участников этнических преступных сообществ* [А. Бойко. Полиция «зачистит» спальные районы Москвы // Комсомольская правда, 2014.01.24]; *Я заместитель командира дивизии. **Запрещаю вам** находиться здесь!* [А. Павлов. Что везли в разбившемся Ан-12? // Комсомольская правда, 2001.05.26].

Односоставные определенно-личные перформативные предложения с нулевым лексическим выражением субъекта коммуникативного действия в формально-грамматической структуре, что является результатом редукции на семантико-синтаксическом уровне, представляют наиболее распространенный тип директивных перформативных предложений. Несмотря на то, что адресант не выражен эксплицитно на формально-грамматическом уровне предложения, его идентификация достаточно очевидна из контекста.

2) агенс – перформатив – пропозиция (в поверхностной структуре предложения не реализован второй актант): *Я **приказываю** временно закрыть тебя, и если что-нибудь такое снова повторится или вскроются еще преступления, ты сидишь в тюрьму по совокупности* [Г. Коган. Ведь не даром // Новый регион 2, 2005.09.20]; *Я **требую** компенсацию, которая мне положена согласно моему окладу* [Р. Фахрутдинов. Фигурант дела «Оборонсервиса» Лапшин требует с ОАО «Славянка» 3 млн // Известия, 2014.01.22].

Данная модель иллюстрирует достаточно распространенный тип функционирования перформативных высказываний в русском языке: отсутствие репрезентации на формально-грамматическом уровне лексемы адресата, который в классической перформативной модели выражается формой личного местоимения/существительного в непрямом падеже. Имплицитно выраженный адресат в большинстве случаев легко определяется контекстуально.

3) перформатив – пропозиция (не реализованы первый и второй актанты): ***Приказываю** выступить на охрану Государственной границы Российской Федерации* [Н. Островская. Есть такая профессия – черемшу защищать! // Комсомольская правда, 2001.05.26]; ***Требую** запретить меня снимать!* [В. Марков. В суде бомбист Тихомиров крестился и читал молитвы // Комсомольская правда, 2006.08.24];

4) перформатив (без актантов): *«Леонид Викторович, вы разрешаете игрокам ходить на пляж?» – «**Разрешаю**. Но только тем, у кого есть мощный торс и нет жены!»* [А. Лисовский. Леонид Слуцкий: «Женатым футболистам ходить на пляж запрещаю!» // Комсомольская правда, 2009.03.24] или же с формальной реализацией только первого актанта: *Завтра начальник тыла придет, а у нас баня не готова! Я **приказываю!** Солдат поворачивается и идет работать* [М. Карпов. «Там очень много грязи было» // lenta.ru, 2019.04.29]; *«Да, тряпка, но хорошая тряпка – с печкой, там тепло». – «Нет, я **запрещаю!**»* [Е. Гликман. Детство Никиты. Счастливое начало одного детдомовца // Новая газета, 2017.06.07].

Вне контекста данная модель предложения воспринимается как неполная, поскольку перформативный глагол предполагает обязательную реализацию пропозиции, раскрывающую содержание коммуникативного действия. Следует отметить, что в ИСГ ‘приказ’ зафиксированы лишь единичные случаи функционирования предложений анализируемой структуры. Указанная модель часто употребляется как реакция на вопрос о возможности осуществления запрашиваемого действия.

5) перформатив – бенефициантив/контрагентив: *Ты должен жить ради своих детей и внуков! **Приказываю** тебе!* [М. Ремизова. Актриса Нина Шацкая: «Перед смертью Валера успел проститься со своим внебрачным сыном!» // Комсомольская правда, 2013.03.30].

Диктумная часть перформативного предложения наиболее часто реализуется посредством употребления объектного инфинитива или инфинитивных конструкций как результата конденсации предикативной части придаточного изъяснительного, вследствие

чего анализируемые предложения становятся семантически осложненными. Общее значение глаголов, которые образуют пропозицию перформативного высказывания и раскрывают информационное содержание перформативного предиката, – выполнение адресатом конкретного действия, которое станет результатом изменения его состояния или же существующего положения вещей.

Объектный инфинитив является потенциальным предикатом реципиента. Перформативный предикат выражает коммуникативное воздействие, а инфинитив – желаемый перлокутивный эффект, то есть выполнение действия. С функциональной точки зрения объектный инфинитив как третий актанта при перформативном предикате соотносится с придаточным изъяснительным сложного предложения. В структуре предложения объектный инфинитив соответствует прямому дополнению.

Таким образом, предикатно-актантная рамка директивных перформативных глаголов ИСГ ‘приказ’ определяется способом реализации в поверхностной структуре компонентов модусной и диктумной частей, что обусловлено иллокутивной направленностью конкретного высказывания и прагматическими целями адресанта.

Перспективным направлением считаем изучение интенционально-валентностных особенностей директивных перформативных предикатов и описание основных типов валентных структур предложений, в которых эти предикаты функционируют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 362 с.
2. Бабенко, Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения / Л. Г. Бабенко // Денотативное пространство русского глагола. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 176 с.
3. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л., 1977. – 204 с.
4. Галлямова, Н. Ш. Интенционально-семантическая группа как один из способов описания интенций / Н. Ш. Галлямова // Проблемы современной лингвистики: коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа : БГУ, 1999. – С. 76–78.
5. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [пер. с фр.] / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 866 с.
6. Шведова, Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание. – М. : Наука, 1973. – С. 461–463.

7. Fillmore, Ch. Frames and the Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985. – Vol. 6. – P. 222–254.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Предикатно-актантная рамка директивных перформативных глаголов интенционально-семантической группы ‘приказ’

В статье рассматривается структура предикатно-актантной рамки директивных перформативных глаголов интенционально-семантической группы ‘приказ’. Выделена базовая модель предикатно-актантной рамки директивных перформативных глаголов приказа, а также ее модификации. Охарактеризовано влияние валентности перформативного предиката как центра предикатно-актантной рамки на семантико-синтаксическую структуру предложения.

Ключевые слова: перформативный глагол, актант, валентность, пропозиция, предикатно-актантная рамка, директивный предикат, приказ.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Predicate-actant frame of directive performative verbs of the intentional-semantic group ‘order’

The article deals with the structure of predicate-actant frame of directive performative verbs of the intentional-semantic group ‘order’. Special regard is given to the basic model of the predicate-actant frame of directive performative verbs of order, as well as its modifications. The author studies the role of the valence of the performative predicate as the center of the predicate-actant frame on the semantic-syntactic structure of the sentence.

Key words: performative verb, actant, valence, proposition, predicate-actant frame, directive predicate, order.

*О. В. Сырова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Лингвистический текст (в том числе и учебный) лишь в последнее время начал становиться объектом внимания лингвистов. Как вторичные образования, учебные тексты (УТ)

исследуются в работах М.В. Вербицкой, Л.В. Полубиченко, Л.В. Бабиной и др. Лексико-грамматическая организация научно-учебных текстов по специальности описывается в диссертационном исследовании Ю.В. Чичасовой. Структура и типология учебно-научных лингвистических текстов – предмет изучения О.Н. Чистяковой. В работах В.Л. Страховой, С.Ю. Дашковой и др. исследуются разнообразные речевые компоненты в обеспечении коммуникативного качества действенности речи в УТ. Однако собственно дискурсивные особенности учебного текста представлены в лингвистической литературе лишь частично, чем определяется актуальность нашего сочинения.

Объект исследования – дидактическая речь преподавателя-лингвиста. Предмет – коммуникативная составляющая учебно-научного текста как компонента дискурса. Цель нашей статьи – охарактеризовать учебно-научный текст по лингвистике как единство предметно-логического и коммуникативного содержания.

Основное назначение учебного текста (УТ) – изменить интеллектуальное состояние адресата и регулировать его когнитивное поведение, т.е. научить. Данная цель в модели учебной коммуникации является главным и определяющим фактором, детерминирующим в конечном итоге структуру и типологию учебного текста в целом. Общая цель распадается на ряд целеустановок: передача, усвоение, закрепление информации, побуждение к действию, облегчение восприятия.

Г.В. Димова характеризует 2 типа стратегий, характерных для университетского дискурса. Первый этап – это макростратегии управления интеллектуальной деятельностью: а) стратегия моделирования знаний; б) стратегия верификации знаний; в) стратегия выражения отношения к окружающей ситуации; г) стратегия управления темой; д) стратегия управления инициативой; е) стратегия упорядочивания ментальной и физической деятельности студентов.

Второй этап – это макростратегии управления социальной и межличностной дистанцией. Он включает стратегии, служащие для организации педагогической (как институциональной, так и межличностной) интеракции: а) стратегия установления и поддержания контакта; б) стратегия кооперации (и/или не – кооперации); в) стратегия ободрения; г) стратегия выражения социального превосходства; е) стратегия реабилитации; ё) стратегия валоризации личности студента; ж) стратегия создания психологической и эмоциональной атмосферы; з) стратегия самопрезентации; и) стратегия реабилитации [2, с.10].

Таким образом, можно говорить о двух основных типах коммуникативных стратегий дидактического дискурса: когнитивных и дискурсивных.

Когнитивный компонент не исчерпывается просто информированием, а включает, кроме этого, еще ряд других воздействующих функций, направленных на создание когнитивной основы деятельности адресата в определенной предметной области. В нашем случае – в области лингвистики. В.Л. Страхова называет следующие функции УТ: когнитивная (получение суммы знаний), аккумулятивная (накопление знаний), гносеологическая (формирование модели мышления), аксиологическая/ интеллектуально-оценочная (для оптимизации процесса усвоения). Когнитивный компонент реализуется в УТ с помощью таких видов информационного модуса, как описание, анализ, объяснение, повествование [5, с. 19].

Он соотносится с методами обучения. Методы обучения – это способы обучающей работы учителя в организации учебно-познавательной деятельности учащихся по решению различных дидактических задач. Так, Ю.К. Бабинский предложил 3 основные группы методов обучения: а) методы организации и осуществления учебных действий (словесные, наглядные, практические; индуктивные, дедуктивные, метод аналогий; проблемно-поисковый, эвристический, исследовательский, репродуктивные методы – инструктаж, объяснение, самостоятельная работа с книгой, с приборами и др.); б) методы стимулирования и мотивации учения (познавательные игры, учебные дискуссии, методы учебного поощрения и порицания, предъявления учебных требований); в) методы контроля и самоконтроля [1, с. 40]. В нашу задачу не входит анализ данных методов. Скажем только, что содержание и структура учебного текста самым непосредственным образом влияет на выбор метода обучения.

Дискурсивные стратегии влияют на различные параметры коммуникативной ситуации. Они отражают преимущественно психологический аспект вербального взаимодействия преподавателя и студентов на занятии. Их можно назвать «универсальными коммуникативными стратегиями», поскольку они включают в себя общие составляющие любой институциональной и межличностной интеракции: контакт, психологическая и эмоциональная атмосфера, имидж – независимо от типа и жанра дискурса. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты

коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный конспект (сообщение является предметом семантической стратегии). В связи с этим можно обнаружить стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и другие. Рассмотренные типы могут быть объединены в один класс – прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий. Данный тип стратегий может быть реализован, в частности, с помощью этикетных жанров речи, использование которых основано на соблюдении принципа вежливости и конвенциональных ролей коммуникантов. Они базируются на соблюдении стандартизированных норм социального речевого поведения, определяемого представлениями о шаблоне поведения, которое ожидается от человека в данной ситуации.

Итак, УТ всегда диалогичен. В чем проявляется эта диалогичность?

Категорию диалогичности целесообразно интерпретировать в опоре на структуру коммуникативного акта и увязывать с позициями общающихся сторон. При группировке текстовых фрагментов с выраженными средствами диалогичности мы ориентировались на текстовые категории *автор–адресат* учебного текста.

Категорию автора (авторизации) в учебном тексте представляют в первую очередь побудительные конструкции, в которых прямо или косвенно выражена воля говорящего, побуждающая адресата к какому-либо действию, реальному или интеллектуальному (*А сейчас следует взглянуть на доску более внимательно. Итак, запомните: текстовые синонимы – это слова, которые близки по значению только в данном тексте*).

Побудительные высказывания в структуре учебного текста могут быть информативно-побудительными (учебными) и интерактивными. В качестве информативно-побудительного элемента (речевого жанра) может выступать микротекст формулировки задания, представляющий собой «компонент сложной иерархической структуры письменного учебного дискурса, организованный и функционирующий в соответствии с исторически сложившимися социально и культурно обусловленными нормами академической коммуникации в данном языковом сообществе» [4, с. 118]. В отличие от О.А. Климановой мы считаем, что данный речевой жанр в речи преподавателя может иметь и устную форму реализации. Формулировки заданий выполняют 6 основных функций: 1) интродуктивную (указание на объект, предназначенный для когнитивной обработки в соответствии с целями и

задачами обучения): *Выделите в приведенных ниже примерах морфологические старославянизмы. Определите тип и приметы старославянизмов остальных групп слов;* 2) ориентировочную (введение установки на решение определенных познавательных и коммуникативных задач: *Пользуясь словарем иностранных слов, установите, к какой группе относятся данные ниже слова:* 1) иноязычные слова, вошедшие в русский язык без изменений; 2) иноязычные слова, переоформленные в процессе освоения; 3) исконно русские слова, образованные от иноязычных; 3) информативную (микротекст формулировки передает дополнительные presupпозиционные сведения относительно правил и норм языкового употребления, задает рамки ситуационного контекста, вводит фоновую информацию исторического и социокультурного плана, а вместе с этим и мнения, убеждения, установки адресата): *Найдите в примерах старославянизмы и определите их стилистическую функцию:* 1) служат средством исторической стилизации; 2) используются для создания торжественности стиля; 3) используются для пародии и сатиры; 4) являются средством индивидуализации речи отдельных персонажей; 4) ограничительную (функцию уточнения): *Определите языковые средства научного стиля в приведенном ниже тексте (в качестве примера используйте упражнение №1 из предыдущего раздела);* 5) характеризующую (определяет форму работы с языковым материалом, например алгоритм применения правила); 6) иллюстративную: *Постройте словообразовательную цепь из приведенных ниже слов, например: золотой, золотистый, золото.*

Речевой жанр «формулировка учебного задания» всегда связан с учебной ситуацией и используется в институционализированном типе дискурса.

Интерактивными мы называем неинформационно-побудительные жанры речи, используемые педагогом с организационной целью. По своей же структуре они, как правило, представляют собой минимальные жанровые формы (субжанры по К.Ф. Седову), представляющие собой одноактные высказывания. В конкретном внутрижанровом взаимодействии субжанры чаще всего выступают в виде тактик, основное назначение которых – менять сюжетные повороты в развитии общения (интеракции). Здесь вполне применима традиционная классификация побудительных речевых жанров (субжанров), характерных для устной речи педагога: просьбы, приказы, советы, наставления и т.п.

Мы продолжаем разговор о средствах авторизации в учебном тексте. Помимо побудительных конструкций ими могут быть

предложения с местоименными и/или глагольными формами 1 л. ед. ч. (*Мне хотелось бы сегодня осветить историю этого вопроса. Я не случайно остановила ваше внимание на последней схеме*); конструкции с притяжательным местоимением (на мой взгляд). Местоименные средства выражения диалогичности, эксплицирующие речь от первого лица, используются автором для подчеркивания собственной точки зрения, выделения особо важной информации, придания высказыванию личной окрашенности, в целом, для активизации всего познавательного процесса.

Категория адресата (адресации) реализуется в учебно-научном тексте учителя/преподавателя преимущественно посредством личного местоимения 2 л. мн. ч. и согласованных с ним глагольных форм, поскольку УТ адресуется группе учащихся (*Вы увидите сейчас это на примере...*). На этой грамматической основе организуется риторический комплимент аудитории (*вы все наблюдали, вы хорошо разбираетесь в данном вопросе*); используется притяжательное местоимение ваш (*Для наглядности я использую ваши схемы*) и обращения (*Господа студенты! Ребята!*).

Нередки в учебном тексте средства и приемы выражения диалогичности, объединяющие автора и адресата учебно-научной ситуации. Сюда относятся предложения с местоименными и/или глагольными формами 1 л. мн. ч. (*Сегодня мы разберемся в особенностях образования форм повелительного наклонения глагола; А теперь давайте посмотрим на другую группу существительных*); вопросительные конструкции, в том числе вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, приемы драматургизации, средства репрезентации чужой речи (цитация, косвенная речь, вводные слова и словосочетания, указывающие на источник сообщения).

Существуют также дополнительные средства, которые эксплицитно не выражают взаимодействия автора с адресатом, но сопутствуют им и способствуют логическому сообщению информации, уточнению наиболее важного момента в смысловой позиции того иного коммуниканта, экспрессивной подаче материала, созданию необходимой тональности высказывания, т.е. обеспечивают доступность информации и комфортность ее восприятия. Это логические структуры, эмоционально-экспрессивные средства и средства разговорности.

К логическим средствам, в частности, можно отнести средства реализации композиции УТ. Это могут быть:

- указания на начало речевого блока: *Начнем рассмотрение... Прежде всего будем говорить о...;*
- указания на связь только что сказанного с тем, что будет сообщаться: *Следующий вопрос. Следующая деталь, на которую мне хотелось бы обратить внимание;*

- указания на продолжение речевого блока: *Продолжим начатое. Об этом чуть позже;*
- указания на ход мысли: *Повторяю. Сделаем небольшое обобщение;*
- указания на завершение речевого блока.

Можно отметить мелкие смысловые добавки для оформления мысли и развертывания текста. Они выполняют функции:

- добавления: *и еще, а именно, например, кроме того, наряду с этим;*
- выделения: *и самое главное, в частности;*
- уточнения: *заметим, внесем поправку, следует отметить;*
- продолжения: *исходя из этого, благодаря тому, что; в зависимости от этого, и так далее;*
- повторения: *повторяю, напомним еще раз;*
- пояснения: *дело в том, что; специфика в том, что...*

Преподаватель достаточно часто использует в своей речи выражения, в которых содержится его оценка, его точка зрения, его позиция по отношению к сказанному (услышанному), влияющие на ход мыслей и оформление речи:

- возражение: *в противном случае, тем не менее;*
- согласие, одобрение: *другое дело, несомненно, что очень ценно, вполне естественно, что очень важно;*
- сомнение, неуверенность: *вероятно, и казалось бы, как ни странно...*

Таким образом, все проанализированные речевые скрепы выполняют функцию соединения аргументирующих высказываний в логически правильный и стилистически корректный текст [4, с. 115].

Итак, мы выяснили, что в любом учебном дискурсе обязательно представлены когнитивный и интерактивный (диалогический) компоненты. Когнитивный компонент определяет содержание и способы передачи учебной информации и связан с методами обучения. Интерактивная стратегия учебного дискурса предполагает диалогичность. В ряду маркеров диалогичности УТ отчетливо выделяются две большие группы. К первой относятся средства, которые наиболее ярко и непосредственно актуализируют диалогичность, часто имитируя собственно диалог, т.е. демонстрируя реплику-стимул, реакцию или их единство. Вторую группу составляют главным образом средства, направленные на активизацию понимания адресата, т.е. средства выражения акцентности в тех случаях, когда они способствуют подчеркнуто логичной и/или экспрессивной передаче смысловых позиций коммуникантов.

Изучение прагматических особенностей учебных текстов является весьма актуальным. Оно должно, на наш взгляд, осуществляться в рамках общего исследования дидактических текстов как феномена культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанский, Ю. К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе / Ю. К. Бабанский. – М.: Просвещение, 1985. – 205 с.
2. Димова, Г. В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Димова Галина Викторовна. – Иркутск, 2004. – 17 с.
3. Жуланова, Е. А. Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 10.02.01 / Жуланова Елена Александровна. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
4. Климанова, О. А. Функциональная специфика учебных микротекстов: когнитивный аспект // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках: Межвузов. науч. сб. / Под ред. А. А. Харьковской. – Самара: Самарский ун-т, 2000. – С. 113–120.
5. Страхова, В. Л. Роль коммуникативного компонента в обеспечении коммуникативного качества действенности речи в учебном тексте // Язык и образование. Сб. науч. статей. В 2-х ч. – Курск: Изд-во Курского ун-та, 1999. – Ч.2. – С. 19–35.

АННОТАЦИЯ

Сырова О. В. Учебно-научный текст: дискурсивные особенности

В статье рассматриваются когнитивные и интерактивные особенности учебно-научного лингвистического текста. Учебный дискурс представлен как диалогическое образование. Анализируются способы, которые имитируют собственно диалог, и способы, направленные на активизацию внимания адресата.

Ключевые слова: дискурс, когнитивное поведение, коммуникативные стратегии, макростратегии, методы обучения, учебно-научный текст.

SUMMARY

Syrova O. V. Academic text: discursive features

The article discusses the cognitive and interactive features of educational and scientific linguistic text. Educational discourse is presented as dialogical education. Methods that imitate the actual

dialogue, and methods aimed at enhancing the attention of the addressee are analyzed.

Key words: discourse, cognitive behavior, communication strategies, macro strategies, teaching methods, educational and scientific text.

*А. М. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА В ЖАНРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ

Комедийное шоу в жанре стендап, давно известное зарубежному зрителю, сегодня приобретает широкую популярность у российской аудитории. Вследствие этого особый исследовательский интерес представляет изучение не только явления стендап-комедии как таковой, но и отличительных особенностей коммуникативной личности, продуцирующей данный тип юмористического дискурса, а также средств языка, которые использует говорящий для реализации юмористического смысла. Неугасающее внимание учёных к проблемам вербального юмора и юмористического дискурса в целом обуславливают актуальность данного направления исследований.

Цель исследования – установить характерные особенности употребления фонетических и лексико-стилистических средств, используемых стендап-комиками для реализации юмористического эффекта.

В качестве материала исследования были использованы юмористические выступления в жанре музыкальный стендап известного американского комика Бо Бёрнема (Bo Burnham).

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили лингвистические труды отечественных и зарубежных учёных: М.М. Бахтина [1], Б. Дземидока [5], А.В. Карасика [8], М.А. Кулинич [9] и др. В своих трудах исследователи рассматривают способы создания комического эффекта (напр., Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев [2]; Т.В. Гриднева [4]; Е.В. Падучева [13]; В.З. Санников [15] и др.), механизмы вербального юмора в анекдотах (напр., А.В. Карасик [8]; А.П. Мартынюк [10]; Б.Ю. Норман [11]; В.А. Самохина [14]), социо- и этнокультурологические особенности юмора (напр., М.А. Кулинич [9]).

Комедийное представление в жанре стендап – это шоу, в котором комики, как правило, выступают с юмористическими монологами. Зародившись в определённой культурно-исторической и языковой ситуации, стендап не стеснялся использовать просторечие, стилистически сниженную и обценную лексику, шутить о неприглядно-бытовой ежедневной жизни города, эксплуатировать стереотипы, высмеивать авторитеты и власти и т. д. Выступления стендаперов носили свободную форму, они могли импровизировать, общаясь с залом. В целом, стендап всегда балансировал на грани дозволенного и недозволенного, но принимался публикой, если успешно решал свою основную задачу – был смешным, заставлял зрителей посмеяться над своими проблемами.

Классиком американской стендап-комедии по праву считается Джордж Карлин (George Carlin). Его стендап обыкновенно был рассчитан на провокацию публики. Джордж Карлин не боялся говорить на любые, иногда даже очень «некрасивые» темы: о человеке и человечестве, о жизни, смерти и религии, о планете, о войнах, о болезнях и социальных проблемах. Возможно, именно провокационный характер его юмора сделал его таким популярным.

Сегодня монолог комика, как и на заре развития жанра, может касаться щекотливых и даже запретных тем. Он также может быть абсолютно циничным и наполненным сарказмом, иронией и сатирой. Отличительной чертой коммуникативной личности современного стендапера является широкое применение интеллектуальной игры, его способность подметить в обыденных явлениях комическую составляющую и придать ей словесную форму.

В попытке стать узнаваемыми и в результате успешными, большинство комиков выступают в определённой манере, применяя оригинальные средства и приёмы порождения смешного. Другими словами, чтобы юмористическое произведение стендап-комика имело успех, автор-исполнитель должен предложить зрителю особую (удивительную, яркую, запоминающуюся) форму подачи содержания, используя при этом особые языковые средства, способствующие реализации комической тональности. При этом под тональностью высказывания следует понимать «психологическую окраску речи», «речевую манеру говорящего», которая выражается главным образом невербальными средствами [3]. Тональность имеет широкую психологическую палитру, в которой отражается все разнообразие человеческих чувств и эмоций. В речеактовом смысле тональность соответствует вторичной, дополнительной,

сопутствующей иллюстрации выражения эмоций [7, с. 62; 6]. Введение термина тональность представляется уместным для наиболее полного представления о комическом как таковом и его эффектах в текстах стендап-комедии. Мы склонны принять концепцию Г.А. Орлова, предложенную им в работе «Современная английская речь». Учёный описывает тональность как «... сплав формально-содержательных вербальных и невербальных характеристик высказывания, отражающих отношение адресанта к адресату и определяющихся мотивом, интенцией и установкой» [12, с. 212–215].

Созданию комической тональности способствует применение определённых лексико-стилистических средств: фразеологизмов, языковой игры, омонимов и т. д. В общем понимании комической тональностью обладают тексты, содержащие в себе средства реализации юмора.

Средства создания юмористического эффекта обнаруживаются на всех уровнях языка. Остановимся на *фонетических средствах* создания комического, которые И.В. Цикушева описывает следующим образом: «Фонетическая шутка неприязнительна и создаёт непринужденность обстановки, характеризуя свободное отношение к форме речи и возбуждая эстетическое удовольствие» [16, с. 92]. С юмористической целью могут использоваться звукоподражания, метатеза, аллитерация, омофоны. Бо Бёрнем активно использует в своих выступлениях аллитерацию. Данным термином называют стилистический приём, основанный на повторении согласных звуков. Например, в “Repeat stuff” использованы следующие строки:

Though meaning might be missing

We need to know the words after just one listen... [21].

В “Art is dead”:

‘Cause I wanted my name in lights

When I could have feed a family of four

*For forty f*cking fortnights*

*Forty f*cking fortnights [18].*

Юмористический эффект в контексте выступления достигается за счёт использования слов, начинающихся на одинаковый согласный: *meaning, might, missing; feed, family, four, for, forty, f*cking, fortnights*.

Не менее популярны в качестве материала для порождения юмористического эффекта *лексико-стилистические средства*, к которым относится использование однокоренных и многозначных слов, омонимов и паронимов, алогизмов; смешивание различных функциональных стилей; привлечение стилистических фигур и фразеологизмов. Под алогизмом, к

примеру, понимают необъяснимый с точки зрения логики ход мыслей; рассуждения, которые противоречат здравому смыслу. Намеренное введение автором нелепых сочетаний в текст выступления способствует достижению юмористического эффекта: (1) убежавший безногий пёс; (2) ребёнок, сладости и диабет; (3) жираф с короткой шеей:

(1) *I saw a flyer for a lost dog and the dog didn't have any legs*

(2) *I saw a diabetic kid... trick or treating*

(3) *I saw a giraffe who had a short neck. That was sad or a... deer* [22].

Рассмотрим другой пример:

I am an artist, please god forgive me

I am an artist, please don't revere me

I am an artist, please don't respect me

I am an artist, you're free to correct me [18].

Здесь достижению юмористического эффекта способствует привлечение лексической анафоры. Данная стилистическая фигура речи заключается в повторении одних и тех же элементов (звуков, слов или фраз) в начале каждого параллельного ряда: *I am an artist, please...*

По мнению многих исследователей стилистических фигур (напр., Ю.В. Щурина [17], М.Р. Желтухина [6]), актуальными средствами создания юмористического эффекта являются ирония, сарказм, сравнение, гипербола, оксюморон, метафора, метонимия и др. Рассмотрим пример употребления Бо Бёрнемом оксюморона (стилистической фигуры речи, сочетающей противоположные по смыслу определения или понятия):

I met a homeless man named Rich [22].

В данной строке сталкиваются противоположные понятия – *бездомность* (*homeless*) и *богатство* (*Rich*), что позволяет говорить о присутствии оксюморона.

В следующих примерах из этого же выступления очевидно применение сарказма, так как комик обыгрывает категорически неприемлемые вещи: смерть ребёнка, Холокост, трагедию 11 сентября 2001 года и др.

I saw an old man slip and fall, what a fucking idiot

I saw a woman at her daughter's funeral... ha ha ha! Classic comedy

Everything that once was sad is somehow funny now

The Holocaust and 9-11

That shit's funny 24/7 [22].

Ещё один приём, которым широко пользуется Бо Бёрнем, – аллюзия. Данный стилистический приём предполагает отсылку к общеизвестному факту, сюжету или фразе. В выступлении “From

God's Perspective" комик строит шутки на отсылке к популярной компьютерной игре в жанре симулятора жизни *The Sims*:

You're not my children, you're a bad game of Sim [19].

В выступлении "Kill Yourself" присутствует аллюзия на Христа (1) – *nail yourself to a cross* и на супругу Курта Кобейна (известного музыканта, солиста группы "Nirvana"), Кортни Лав (2).

(1) *Stick your tongue in a plug, suck a pipe of exhaust*

Make some toast in the tub, nail yourself to a cross

(2) *...eat a Phillips head screw*

Marry Courtney Love [20].

Творческий характер стендап-комедии и юмористического дискурса в целом предполагает использование автором языковых элементов, способных обеспечить максимальную оригинальность текста, что делает фонетический арсенал, стилистические фигуры и фразеологизмы важными компонентами системы смехопорождающих средств вербализации юмора. По результатам проведенного исследования наиболее частотными фонетическими средствами, применяемыми Бо Бёрнемом, оказались аллитерация и омофоны. Среди лексико-стилистических средств лидирующие позиции занимают логико-понятийные нарушения, сарказм и аллюзии.

Перспективой исследования нам представляется анализ фонетических, лексико-стилистических и синтаксических средств реализации вербального юмора на примере русскоязычных стендап-комиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Наука, 1997. – С. 523–539.
3. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
4. Гриднева, Т. В. Особенности фразеологической объективности категории интенсивности / Т. В. Гриднева // Филологический поиск. – Волгоград, 1996. – Вып. 2. – С. 112–114.
5. Дземидок, Б. О комическом [пер. с польск. С. Свяцкий ; авт. послесл. А. Зись.] / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 223 с.
6. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе: на материале немецкого и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук; специальность: 10.02.20 / М.Р. Желтухина. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2000. – 250 с.

7. Илтубаева, А. Г. Языковая игра как средство выражения антропоцентричности языка деловой прессы (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук; специальность: 10.02.04 / А. Г. Илтубаева. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – 226 с.
8. Карасик, А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук; специальность: 10.02.04 / А. В. Карасик. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. – 22 с.
9. Кулинич, М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дисс. ... докт. культуролог.; специальность: 24.00.04 / М. А. Кулинич. – М.: Московский пед. гос. ун-т, 2000. – 37 с.
10. Мартынюк, А. П. Несоответствие норме как источник смехового эффекта в тексте англоязычного анекдота / А. П. Мартынюк // Записки з романо-германської філології. – Вип. 20. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 80–89.
11. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
12. Орлов, Г. А. Современная английская речь / Г. А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.
13. Падучева, Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – Вып. 18. – М.: ВИНТИ, 1982. – С. 76–119.
14. Самохина, В. А. Современная англоязычная шутка / В. А. Самохина. – Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2008. – 356 с.
15. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 541 с.
16. Цикушева, И. В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках / И. В. Цикушева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 92–95.
17. Щурина, Ю. В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе / Ю. В. Щурина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 116–122.
18. Bo, Burnham. Art is dead. – URL: <https://youtu.be/Eo9pU1q8sy8> (accessed 03.04.2021).
19. Bo, Burnham. From God's Perspective. – URL: <https://youtu.be/Zxc20saM8DA> (accessed 07.02.2021).
20. Bo, Burnham. Kill Yourself. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V7CO3dYfKHs> (accessed 27.03.2021).
21. Bo, Burnham. Repeat stuff. – URL: <https://youtu.be/QCVGpvzcHko> (accessed 10.03.2021).

22. Bo, Burnham. Sad. – URL: <https://youtu.be/HLSvY1fKQI4> (accessed 16.03.2021).

АННОТАЦИЯ

Решетарова А. М. Фонетические и лексико-стилистические средства реализации вербального юмора в жанре музыкальной стендап-комедии

В статье предпринимается попытка проанализировать фонетические и лексико-стилистические средства реализации вербального юмора. Исследования ведутся в рамках юмористического дискурса, порождаемого авторами комедийных произведений в жанре стендап-комедии. В качестве материала исследования использованы выступления американского комика Бо Бёрнема, выступающего в жанре музыкальной стендап-комедии.

Ключевые слова: юмористический дискурс, стендап-комедия, вербальный юмор, фонетические средства, лексико-стилистические средства.

SUMMARY

Reshetarova A. M. Phonetic, lexical and stylistic means of verbal humour implementation in the genre of musical stand-up comedy

The article attempts to analyse the phonetic, lexical and stylistic means of verbal humour implementation. Research is carried out within the framework of the humorous discourse generated by the authors of stand-up comedy. The musical stand-up comedy texts of a famous American comedian Bo Burnham served as the material of the study.

Key words: humorous discourse, stand-up comedy, verbal humour, phonetic means, lexical and stylistic means.

*А. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.112.2'42

СПЕЦИФИКА НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «DER WEG» («ПУТЬ») В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Народная сказка как определенная модель фоновых знаний человека о мире, повседневной жизни, как источник, содержащий опыт и специфику национальной культуры определенного

этноса, привлекает внимание исследователей, работающих в области когнитивной лингвистики, ведь именно в рамках этой лингвистической дисциплины, как отмечают исследователи [1, с. 37], стало возможным объяснение, а не только описание механизма восприятия человека. Результат функционирования такого механизма представлен в самом общем виде картиной мира в двойственном единстве субъективного и рационального, ментального и чувствительного, аналитического и творческого. В этом контексте народная сказка как древнейшая форма отражения миропонимания и является той призмой, сквозь которую человек видит и оценивает явления действительности.

Одной из важнейших форм манифестации познания мира человека является язык. На тесную связь языка с миром, окружающим человека, указывал еще В. Гумбольдт. Исследователь подчеркивал, что каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений отдельной части человечества. «Человек преимущественно – даже и исключительно, поскольку ощущения и действия его зависят от его представлений, – живет с вещами так, как их подает ей язык. С помощью того же самого действия, в силу которого он сплетает язык внутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг» [2, с. 80]. Подтверждением этих мыслей служит точка зрения ряда современных ученых на связь картины мира с языком.

Онтологическая картина мира, то есть мир как он есть, представляет исходный пункт миропознания человека. При этом речь идет не только о внешнем, но и о внутреннем мире человека. Следующий уровень – уровень ментальных представлений человека о мире в виде концептов, категорий, идей и других структур сознания – условно обозначен концептуальной картиной мира. Структуры этого уровня отчасти остаются невербализованными, отчасти отражаются в поведенческих моделях человека, отчасти реализуемых в знаковых системах, одной из которых является язык [1, с. 58].

Таким образом, следует подчеркнуть принципиальную необходимость разграничения собственно концептосферы человека и семантического пространства языка как той части концептосферы, которая получила номинацию и отображается в языковых знаках. «В первом случае концепт предстает как феномен духовного порядка, как своеобразный ментальный контур или сгусток энергии, отложенный в лингвокультурном сознании народа и стремящийся наружу. Во втором случае речь идет об экстерииоризации концепта, а точнее о его овладении языковыми средствами, то есть о его материальной оболочке», что

по мнению многих исследователей составляет «семиотическую плотность» концепта – представленность в плане выражения целым рядом синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, паремий, фольклорных и литературных сюжетов, символов и тому подобное» [5, с. 104].

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества, определяется как номинативное поле концепта. Номинативное поле отличается от традиционно выделенных в лингвистике структурных групп лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля – тем, что оно имеет комплексный характер, включая в свой состав все перечисленные типы групп [4, с. 66].

По своей структуре номинативное поле концепта принципиально неоднородно. Оно содержит непосредственно как прямые номинации концепта – ядро номинативного поля – так и номинации отдельных когнитивных черт концепта, которые выявляют содержание концепта и отношение к нему в различных коммуникативных ситуациях.

Учитывая этимологию слова, словарные толкования и понятийные значения концепта «*der Weg*» (путь, дорога), рассмотрим способы его вербализации на материале немецких народных сказок.

Прежде всего дорога воспринимается как отрезок пути, часть ландшафта.

„Es dauerte nicht lange, so saß da eine Katze an dem Weg und machte ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter“ [7, с. 182].

„Der Weg führte ihn in einen Wald, und da sah er einen Rabenvater und eine Rabenmutter, die standen bei einem Nest und warfen ihre Jungen heraus“ [7, с. 131].

„Der Mann nahm den Hut ab und setzte den Kleinen auf einen Acker am Weg, da sprang und kroch er ein wenig zwischen den Schollen hin und her, dann schlüpfte er plötzlich in ein Mausloch, das er sich ausgesucht hatte“ [7, с. 230].

В приведенных примерах концепт «*der Weg*» принимает образ видимого, материального и является реальным текстовым воплощением пути, по которому путешествует главное действующее лицо. В сказке мы не находим детальных описаний природы, местности, поскольку все события разворачиваются быстро и динамично. Время в народной сказке, как утверждает Д. С. Лихачев, не останавливается для описаний. Оно равномерно движется, ведь во время всего рассказа сказка не содержит статических составляющих [3, с. 9].

По мнению В. Н. Топорова, «постоянное и неотъемлемое свойство пути – его сложность. Путь строится на основе все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих герою, преодоление этого пути – подвиг, подвижничество путника» [6, с. 259]. Продолжительность и тяжесть преодоления пути подчеркивается в сказках употреблением прилагательных *weit*, *lang* и физическим состоянием героя – усталостью (*müde*), чувством голода, наличием волдырей на ногах:

„Der Esel legte sich auf den Mist, der Hund hinter die Türe, die Katze auf dem Herd bei die warme Asche, und der Hahn setzte sich auf den Hahnenbalken: und weil sie müde waren von ihrem langen Weg, schliefen sie auch bald ein“ [7, с. 186].

„Er musste jetzt seine eigenen Beine gebrauchen, und als er lange Wege gegangen war, kam er in eine große Stadt“ [7, с. 131].

„Abends kamen sie in einen großen Wald und waren so müde von Jammer, Hunger und dem langen Weg, dass sie sich in einen hohlen Baum setzen und einschliefen“ [7, с. 91].

„Seht, ich hinke und habe von dem Weg daher Blasen an den Füßen, ich kann unmöglich wieder umkehren“ [7, с. 213].

Увеличение длительности пути может сказываться благодаря повтору лексической единицы *lang* и наличию маркера *endlich*, который подчеркивает конечную точку:

„Und ging fort, lange lange Wege, bis sie endlich zu dem Schloss kam, wo beide zusammen lebten“ [8, с. 441].

„Und als sie lange lange gegangen waren, kamen sie endlich an ein kleines Haus, und das Mädchen schaute hinein, und weil es leer war, dachte es: hier können wir bleiben und wohnen“ [7, с. 94].

Выражая значение принадлежности к местности, дорога получает также и качественную характеристику, которая в целом фиксирует реально-физические свойства пути:

„Nach vielem Reisen kam er in einen schönen, großen Wald. Durch den ging ein schöner, breiter Weg“ [8, с. 76].

„Auf dem Wege nach dem Wald bröckelte es Hänsel in der Tasche, stand oft still und warf ein Bröcklein auf die Erde“ [7, с. 120].

Использование реальных локусов в сказках является своеобразным подтверждением реальности действий, неограниченной свободы движения действующего лица. Пространство становится определенным, насыщается реальным жизненным содержанием. В качестве объектов, маркирующих путь, часто выступают здания или населенные пункты:

„Wenn nun etwas zu tun war, so musste es der älteste allzeit ausrichten: hieß der Vater noch spät oder gar in der Nacht etwas holen, und der Weg ging dabei über den Kirchhof oder sonst einen schaurigen Ort, so antwortete er wohl – ach nein, Vater,

ich gehe nicht dahin, es gruselt mir – denn er fürchtete sich“ [7, с. 51].

*„Nicht weit von hier **liegt ein Dorf**, wo wir schon manches Huhn geholt haben; **den Weg dahin** wollen wir euch zeigen. Da gingen sie **ins Dorf**, kauften sich etwas zu essen und ließen auch ihren Tieren Futter geben, und zogen dann weiter“* [7, с. 342].

*„Er ritt mit der schönen Jungfrau weiter, und **sein Weg führte ihn wieder durch das Dorf**, in welchem seine beiden Brüder geblieben waren“* [7, с. 327].

Довольно часто лексема «*der Weg*» в сочетании с лексической единицей «*ein Stück*» актуализирует части определенного пространства как целого, обобщая план содержания, о чем свидетельствуют следующие примеры:

*„Der Spielmann hieß ihn mitgehen, und als sie **ein Stück Wegs** zusammen gegangen waren, kamen sie an einen alten Eichbaum, der ihnen hohl und in der Mitte aufgerissen war“* [7, с. 77].

*„Die Diebe aber waren vor Schrecken **ein Stück Wegs** zurückgelaufen, endlich fassten sie wieder Mut und dachten: der kleine Kerl will uns necken“* [7, с. 231].

*„Darauf begleitete er sie **ein Stück Wegs**, und beim Abschied gab er ihnen noch ein blankes Messer und sprach...“* [7, с. 341].

Важно отметить и то, что лексема «*der Weg*» имплицитно содержит в себе значение начала и конца пути, доминантой которых выступает идея движения, перемещения в пространстве:

*„**Den ganzen Weg** gab sie dem armen Kinde kein gutes Wort; so böse und missgünstig war sie“* [8, с. 16].

Инвариантом пути выступает сложное существительное «*der Kreuzweg*»:

*„Die drei Söhne gingen miteinander fort, bis sie **an einen Kreuzweg** kamen“* [8, с. 12].

*„**Am Kreuzweg** klopfen sie dem armen Hans wieder durch, dass er ganz zerschlagen war“* [8, с. 14].

Перекресток, как знаменательная веха на пути действующего лица, предлагает выбор, определяющий дальнейшую судьбу героя, оказывается символом поиска правильного решения, пути. Само понятие выбора, предполагающее перекресток, в древности имело двойное значение: положительное или отрицательное, спасительное или роковое. Дороги на перекрестке вели чаще всего по ту сторону бытия. Но именно там, в «ином мире», находились сакральные ценности, необходимые лично герою или всему миру.

Таким образом, мы видим, что концепт «*der Weg*» можно считать текстообразующим, поскольку его восприятие читателем является определенным фактором для понимания

идеи всей сказки. Перемещение действующего лица в сказочном пространстве, его путь составляют ось сказочного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, Є. В. Картина світу і дискурс : реалізація дуальної природи людини / Є. В. Бондаренко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен [підзаг. ред. І. С. Шевченко] : монографія. – Харків : Константа, 2005. – С. 36–64.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
3. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 353 с.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
5. Приходько, А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя, 2008. – 331 с.
6. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
7. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. – Düsseldorf und Zürich : Artemis & Winkler Verlag, 1997. – 884 S.
8. Deutsche Volksmärchen [Gesammelt und herausgegeben von A. Merkelbach]. – Kassel : Bärenreiter-Verlag, 1950. – 211 p.

АННОТАЦИЯ

Рочняк А. В. Специфика номинативного поля концепта «der Weg» («путь») в немецких народных сказках

Статья посвящена исследованию номинативного поля концепта «der Weg», устанавливается его текстообразующий характер. На примерах из немецких народных сказок анализируется внутреннее наполнение данного концепта.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле концепта, путь, дорога, немецкие народные сказки.

SUMMARY

Rochnyak A. V. The specifics of the nominative field of the concept «der Weg» («way») in German folk tales

The article is devoted to the study of the nominative field of the concept «der Weg»; its text-forming character is established. The internal content of this concept is analysed using examples from German folk tales.

Key words: concept, nominative field of the concept, path, road, German folk tales.

УДК 81'373.23

АНГЛИЙСКИЕ ФАМИЛИИ ОТТОПОНИМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Английские антропонимы издавна являются предметом интереса многих языковедов. Фундаментальные исследования происхождения и структуры английских фамилий находим в работах П. Рини (P. H. Reaney), Х. Харрисона (H. Harrison), Е. Смита (E. C. Smith). В трудах О. А. Леоновича, А. Ф. Артемовой рассматривается система и лексико-семантическая структура английских фамилий. Большинство авторов ограничиваются общим обзором всех типов английских фамилий.

Наша цель – проанализировать морфологическую структуру, лексико-семантические особенности фамилий, образованных от топонимов, выявить степень продуктивности их словообразовательных моделей. Образование английских фамилий как лексических единиц происходило в предшествующие исторические эпохи, поэтому, чтобы описать словообразовательную структуру современных фамилий необходимо обратиться к фактам истории языка. Объектом нашего исследования выступают английские фамилии, образованные от места проживания или происхождения. Предмет анализа составляет их структурно-семантические и ономазиологические характеристики. Материалом нашего исследования стали английские фамилии оттопонимного происхождения, полученные методом сплошной выборки из «Словаря английских фамилий» А. И. Рыбакина.

Идентификация лица по месту его проживания, происхождения или этнической принадлежности – один из источников возникновения родовых фамилий. На первых порах своего функционирования такие наименования были, возможно, индивидуальными прозвищами, которые еще не передавались потомкам. Они не только называли, но и характеризовали своего денотата как члена соответствующей общины. Следовательно, они выполняли тогда как номинативную, так и семасиологическую функцию имени. Став фамилиями, они утратили свое изначальное лексическое значение. Согласно О. А. Леоновичу, “одним из основных факторов, способствовавших переходу прозвища в фамилию, была потеря его мотивировки, утрата информации о причинах его возникновения” [3, с. 21]. Современным фамилиям свойственно денотативное значение, они называют индивидуумов

без каких-либо указаний на признаки или свойства, иначе говоря, современные фамилии являются типичными ассемантическими знаками.

Процесс преобразования прозвища в наследственное фамильное имя был продолжительным и неодинаковым для разных социальных групп населения и для разных районов Великобритании. Первые формы наследственных имен появились в XI – XII столетиях и были привилегией знати. Наследственными фамилиями знатных родов, как правило, становилось название местности, которой они владели. Позже фамильное имя становится наследственным в среде купечества, мещанства. К концу XIV века наследственные фамилии встречаются у большей части населения Англии, в различных социальных группах и распространяются по всей территории страны за исключением Уэльса. Закрепление наследственных фамильных имен проходило до конца XVII века. Данная периодизация достаточно условна. Все изменения протекали постепенно; новые и отжившие формы именований в течение долгого времени функционировали параллельно. Формирование системы фамилий находилось в тесной связи с развитием общества. Прозвища, образованные от топонимов, преобразовывались в родовые фамилии и передавались потомкам, даже если они рождались уже в другом месте и не имели никакого отношения к местности, название которой стало словообразовательной основой для их фамилий.

Фамилии, образованные от топонимов охватывают около 50 % всех английских фамилий. Нами найдено в «Словаре английских фамилий» А. И. Рыбакина около 10 000 фамилий оттопонимного происхождения. Они образованы от названий графств, районов, городов и сел Великобритании, других стран. Носители данных фамилий могли владеть поместьями в соответствующей местности. “*Adam de Cokefeld*, the first of this name, held the manor of *Cockfield* (Suffolk) of the Abbot of Bury St Edmunds from about 1130 and both land and surname continued in his family for a hundred years or more, whilst the *Shirleys* took their name from *Shirley* (Derbyshire) which they held before 1165” [6, с. 36]. Но большая часть данных фамилий обозначала место рождения или происхождение их владельцев из определенной местности, города или страны. При перемещении жителей соответствующих районов возникала необходимость в создании определенного словесного знака, отражавшего наиболее заметные признаки переселенцев, который впоследствии закрепился за ними в виде фамилий. “*Adam de Bidyk* (d. 1302) moved south from *Biddick* in Durham, became the king’s tailor. *Adam de Salesbury*, who had tenements in *Salisbury*, moved to London, where he became a pepperer.

York, Bristol, Leicester and Norwich all attracted newcomers, though from a smaller radius, and the fact that many of these are described as tradesmen or artisans is a clear proof that they were not land-owners and that their surnames indicate merely the place from which they had come” [6, с. 37].

По семантике английские фамилии оттопонимного происхождения можно разделить на две группы:

- 1) фамилии, в общих чертах указывающие на происхождение;
- 2) фамилии, называющие конкретную местность (населенный пункт).

К первой группе относятся:

а) фамилии, которые указывали на национальное происхождение основоположника рода (*Arras, Bullen, Callis, Champagne, Challen, Cullen, Danvers, English, France, Germain, Irish, Roan, Paris, Spain, Welsh* [4, с. 46, 96, 102, 109, 110, 138, 142, 166, 182, 192, 250, 347, 424, 486]). Много английских фамилий образовано от топонимов Франции: *Artis, Beauchamp, Beaufoy, Beaumont, Bewes, Branch, Brassey, Callis, Champagne, Curzon, Cusack, Dieppe, Dives, Furneaux, Tours, Vert* [4, с. 46, 64, 70, 88, 102, 110, 139, 147, 148, 185, 347, 458, 471];

б) фамилии, образованные от названий отдельных частей территории Великобритании (*Cheshire, Cornwall, Dorset, England, Essex, Hampshire, Kent, Norfolk, Somerset, Suffolk, Surrey, Sussex, Wales* [4, с. 112, 128, 151, 166, 167, 214, 261, 334, 438, 439, 442, 476]).

Вторая группа – это фамилии, идентифицирующие человека по отношению к определенной местности (поселению) или по объекту на ней (*Abberley, Ackworth, Beckford, Edinborough, Glasgow, Lanchester, Manchester, Oxford, Stafford, Tavistock* [4, с. 31, 32, 65, 161, 196, 270, 306, 344, 427, 455]). “Возникновение этих прозвищ (а затем и фамилий) связано с переселением жителей мелких городов и селений в Лондон и другие крупные города Великобритании: York, Longford, Troubridge, Fife, Westley, Norleigh, Eastthorpe, Button, Sudley и др. В стране насчитываются сотни мест с подобными названиями, и фамилии тысяч людей связаны с этими именами» [1, с. 87].

С помощью анализа фамилий оттопонимного происхождения выявлено три лексико-семантические группы:

1) фамилии, происходящие от названий поселений: *Aberdeen, Bristoll, Lancaster, Oxford, Pembridge, Shenton, Swannington, York, Nottingham, Vinton* [4, с. 31, 91, 270, 335, 344, 352, 411, 440, 517, 473];

2) фамилии, происходящие от названий водоемов – рек, озер, ручьев: *Annan, Calder, Cam, Dee, Derwent, Kelvin, Sankey, Shannon,*

Severn, Swallow, Tarrant, Tees, Thame, Trent, Tweed [4, с. 42, 102, 103, 398, 407, 409, 440, 444, 446, 447, 461, 466];

3) фамилии, ассоциирующиеся с названиями полей, пастбищ, гор: *Addingham, Annandale, Martindale, Ridsdale, Snowdon* [4, с. 33, 42, 310, 384, 422].

Следует отметить, что встречаются фамилии, образованные от топонимов (названий небольших поселений), которые зеркально отражают названия небольших рек и ручьев. Например, фамилия *Bland* образована от топонима *Bland* (Линкольншир), который получил название от ручья *Bland*. Приведем другие примеры: фамилия *Bovey* ← топоним *Bovey* (Девоншир) ← *Bovey* (название реки); фамилия *Chew* ← топоним *Chew* (Сомерсетшир) ← *Chew* (название реки); фамилия *Dacre* ← топоним *Dacre* (Камберленд) ← *Dacre* (название реки); фамилия *Curry* ← топоним *Curry* (Сомерсет) ← *Curry* (название ручья); фамилия *Eden* ← топоним *Eden* (Дарем) ← *Eden* (название реки); фамилия *Frome* ← топоним *Frome* (Дорсетшир) ← *Frome* (название реки); фамилия *Girvan* ← топоним *Girvan* (Шотландия) ← *Girvan* (название реки); фамилия *Glazebrook* ← топоним *Glazebrook* (Ланкошир) ← *Glaze Brook* (название ручья); фамилия *Kenn* ← топоним *Kenn* (Девоншир) ← *Kenn* (название реки); фамилия *Kennet* ← топоним *Kennet* (Кембриджшир) ← *Kennet* (название реки); фамилия *Leven* ← топоним *Leven* (Шотландия) ← *Leven* (название реки); фамилия *Tarvin* ← топоним *Tarvin* (Чешир) ← *Tarvin* (название реки) [4, с. 76, 84, 113, 139, 140, 161, 184, 195, 196, 260, 278, 444].

По форме оттопонимные фамилии можно разделить на две группы: 1) непереоформленные фамилии, омонимичные топонимам; 2) фамилии с онимным формантом. Соответственно при рассмотрении фамилий данных групп следует говорить о следующих типах трансонимизации: абсолютная внутривидовая трансонимизация и внутривидовая трансонимизация, осложненная онимным формантом.

Комплексный словообразовательный анализ английских фамилий, образованных от названия места проживания или происхождения, позволяет установить основной способ их создания, а именно – лексико-семантический. Их возникновение следует считать следствием номинационных процессов трансонимизации, основанной на метонимии, то есть переносе названий с объекта на субъект. Различные ассоциации по смежности присутствуют лишь в момент номинации. Затем, когда имя уже дано и употребляется в качестве такового, топоним, положенный в его основу, стирается, поскольку он не важен для функционирования имени.

Внутри класса оттопонимных фамилий встречаются фамилии с онимным формантом *-s*: *Brooks, Wells, Woodlands*. Как отмечает Н. С. Журавлева, “в лингвистике существует несколько концепций происхождения таких фамильных имен. Согласно теории П. Рини конечный элемент *-s* служил лишь способом передать форму родительного падежа, выражающего локальное или посессивное значение, либо является формой множественного числа. Кроме того, формант *-s* мог добавляться по аналогии с уже существующими образованиями на *-s*” [2, с. 183-184]. Так как естественно возникшие имена собственные складывались постепенно, вместе с развитием ономастической системы, то при естественной трансонимизации переход онима из одного разряда в другой регулировался законами языка и ономастическими закономерностями. На образование фамилий влияли два тесно связанные между собой принципа: общественно-исторический и лингвистический. Лингвистический принцип наименования действует под влиянием словообразовательной модели. Возникновение словообразовательной модели зависило от времени, социально-исторических условий и строения языка, дающих материал для данной модели. Вначале в названии определяется семантическая соразмерность объекта, затем дается переоценка не только его семантической, но и формальной структуры и приспособления ее к действующей словообразовательной системе, то есть образование словообразовательной формальной модели, которая начинает действовать уже по аналогии.

В структуре фамилий оттопонимного происхождения первое время мог присутствовать предлог *de*: *de Baidon; Adam de Cokefelf; Adam de Bidyk; Adam de Salesbury* [6, p. 36-37]. Кроме того, один топоним мог предоставить многочисленные варианты наследуемого фамильного имени, так как на образование конкретной родовой фамилии влияли диалектные варианты и отсутствие нормативной орфографии. П. Рини приводит примеры таких фамилий, образованных от одного географического названия: *Blenkarne, Blenkhorn, Blenkirton, Blinkhorn* от топонима *Blencarn (Cumberland)*; *Mallandain, Mallandin, Mallendine, Mallindine, Malidine* от топонима *Manuden (Essex)* [6, p. 38]. Сами топонимы могли иметь тоже многочисленные варианты написания. “*Manistre and Manisty*, found in Yorkshire in the fourteenth centuries, derive from *Manesty* in Borrowdale (Cumberland) which occurs as both *Manistie* and *Manister* in 1564. But these surnames are found also in Suffolk in 1674 as *Manitre, Manister, Manistre* and *Mannestey* and these certainly derive from Manningtree on the Essex side of the Stour. This place-name usually occurs as *Manitre*, but is

found also as *Manystre* in 1291 and 1343. This would appear to have been preserved as the local pronunciation which has persisted in the surname” [6, p. 39].

Проанализированный материал позволяет сделать выводы, что английские оттопонимные фамилии являются органичной составной частью общей антропонимической системы Великобритании. Они составляют значительное количество от общего числа фамилий. С помощью их можно проследить историю становления системы фамилий страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова А. Ф., Леонович О. А. Английские фамилии / А. Ф. Артемова, О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 1. – С. 85–91.
2. Журавлева Н. С. Особенности словообразовательной структуры английских оттопонимных фамилий / Н. С. Журавлева // – Символ науки. – 2016. – № 4. – С. 183–185.
3. Леонович О. А. В мире английских имен / О. А. Леонович. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 160 с.
4. Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий: Ок. 22 700 фамилий / А. И. Рыбакин. – М.: Рус. яз., 1986. – 576 с.
5. Harrison H. Surnames of the United Kingdom / H. Harrison. – Baltimore, 1969.
6. Reaney P. H. The origin of English surnames / P. H. Reaney. 3 impr. Ind, Routledge and Kegan Paul. – London, 1967. – 415 p.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. Английские фамилии оттопонимного происхождения

В статье рассматривается этимология, структура и лексико-семантические особенности английских фамилий, образованных от места проживания или происхождения.

Ключевые слова: фамилия, топоним, антропоним, оттопонимное происхождение.

SUMMARY

Yakovenko M. V. English surnames formed from toponyms

The article deals with research of etymology, structurally morphological and semantic peculiarities of English surnames formed from the names denoting residence or origin.

Key words: surname, toponym, antroponym, toponymic origin.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аброськина Наталия Борисовна** – старший преподаватель кафедры романо-германских языков и перевода ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Балко Марина Владимировна** – доктор филологических наук, доцент заведующий кафедрой краеведения ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»;
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Винникова-Закутняя Татьяна Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»;
- Волкова Наталья Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Волосевич Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Герасименко Ирина Анатольевна** – доктор филологических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Голубков Григорий Васильевич** – студент ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Довженко Юлия Александровна** – студентка ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Дьякова Татьяна Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК ЛНР «Луганская

- государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского» (г. Луганск, ЛНР);
- Жиденко Лариса Ароновна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жоломко Валерия Валериевна** – магистрант II курса ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Карпий Сергей Викторович** – кандидат филологических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»;
- Котлярова Марина Витальевна** – ассистент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лежнёв Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Метейко Валерия Валериевна** – ассистент кафедры славянской филологии и прикладной лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, ДНР);
- Минина Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Мухина Дарья Сергеевна** – аспирант III года обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Наден Анна Станиславовна** – преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Решетарова Анна Максимовна** – ассистент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Алексей Владимирович** – ассистент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сиваш Юлия Романовна** – магистрант II курса ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Светличная Влада Юрьевна** – старший преподаватель ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Соловцова Елена Валериевна** – преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сырова Ольга Васильевна** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Шаталова Ольга Васильевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (г. Елец, РФ);
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Яковлева Елена Павловна – преподаватель кафедры английской филологии ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь, РФ), аспирант IV года обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abroskina Natalia Borisovna – Senior Lecturer of the Department of Romance-Germanic Languages and Translation of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);

Balko Marina Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Local History Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic»;

Baranova Olga Ivanovna – Senior Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Dovzhenko Yulia Alexandrovna – student of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);

Dmitrieva Julia Leonidovna – Candidate of Philology, Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Diakova Tatiana Alekseevna – Candidate of Philology, Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of State Educational Institution of Culture of Lugansk People's Republic «M. Matusovsky State Culture and Art Academy of Lugansk» (Lugansk, LPR);

Fefelova Victoria Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Romance

- and Germanic Philology Department, of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Gerasimenko Irina Anatolievna** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Golubkov Grigory Vasilievich** – student of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivakhnenko Marina Nikolayevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Karpiy Sergey Viktorovich** – Candidate of Philology, Associate Professor of State Educational Establishment of Higher Professional Education «M. Gorky Donetsk National Medical University»;
- Kotliarova Marina Vitalievna** – Assistant of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Leshkova Natalya Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Lezhnyov Sergey Nickolayevich** – Senior Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Meteiko Valeria Valerievna** – Assistant of the Department of Slavic Philology and Applied Linguistics of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Minina Yelena Vladimirovna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Mukhina Daria Sergeevna** – Postgraduate student of the 3rd year of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Naden Anna Stanislavovna** – Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Reshetarova Anna Maksimovna** – Assistant of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochnjak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochnjak Alexey Vladimirovich** – Assistant of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sivash Juliia Romanovna** – 2-nd year Master's student of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Svetlichnaia Vlada Yurievna** – Senior Lecturer of the Local History Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic»;
- Solovtsova Elena Valerievna** – Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational

- Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shatalova Olga Vasilyevna** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, its Teaching Methods and Records Management of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Shtakina Lyudmila Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Syrova Olga Vasilyevna** – Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Vinnikova-Zakutniaia Tatyana Sergeievna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian and Foreign Languages of State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donbass Agrarian Academy»;
- Volkova Natalia Valerievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovleva Elena Pavlovna** – Lecturer of the Department of English Philology of State Budget Education Establishment of Higher Education of the Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov» (Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation); Postgraduate student of the 4th year of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovenko Marina Victorovna** – Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Volosevich Sergey Petrovich** – Candidate of Philology, Head of the English Philology Department of State Educational

Institution of Higher Professional Education
«Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Zhidenko Larisa Aronovna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Zhikhareva Nataliia Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department, Dean of Philological Faculty of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Zholomko Valeriya Valeriyevna – 2-nd year Master's student of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балко М. В.</i> РИФМОВКИ-ПОДХВАТЫ КАК МУЛЬТИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ	3
<i>Герасименко И. А.</i> РОЛЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ИДИОСТИЛЕ С. ЕСЕНИНА.....	8
<i>Шаталова О. В.</i> ЕЩЕ РАЗ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ НА ВОЛНЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	20
<i>Винникова-Закутняя Т. С.</i> ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА	25
<i>Волкова Н. В.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ ПЕРИОДА КОРОНАВИРУСА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	33
<i>Волосевич С. П.</i> ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ТРЕТИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	40
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	51
<i>Дьякова Т. А.</i> УКРАИНИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО.....	57
<i>Жихарева Н. А., Мухина Д. С.</i> ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИИ «МЕЛИОРАТИВНОСТЬ» И «ПЕЙОРАТИВНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ДРАМ ХХІ ВЕКА).....	70

*Жихарева Н. А., Сиваш Ю. Р.*СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АВТОРСКОГО СТИЛЯ ДЖОНАТАНА

САФРАНА ФОЕРА77

*Жихарева Н. А., Яковлева Е. П.*КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОРИЕНТИРУЮЩЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....86*Иванова Н. А.*

НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА:

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ И НЕСООТВЕТСТВИЯ.....94

*Ивахненко М. Н.*НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ КАК ПРОБЛЕМА
ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ.....103*Картий С. В.*ВОЗДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ ПЕЧАТИ ДОНБАССА
НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ВОВ

(1941 – 1945 ГГ.).....113

*Лешкова Н. В.*СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ
ПРОПОВЕДИ.....125*Минина Е. В.*СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ФУНКЦИИ ПОЭТОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ

ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ131

*Рочняк Е. В.*ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....137*Фефелова В. В.*СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО

ДИСКУРСА143

*Штакина Л. А., Жоломко В. В.*ДЕЙКСИС КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ МАРКЕР
РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА.....155

Баранова О. И.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....166

Golubkov G. V., Dovzhenko J. A.

CREATIVE WAYS TO MEMORIZE ENGLISH
VOCABULARY IN SECONDARY SCHOOL.....172

Жиденко Л. А.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СТРАТЕГИЙ ОЖИДАНИЯ
И СТОЛЛИНГА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ177

Котлярова М. В.

ЭМОТИВНОСТЬ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЭНА БРАУНА
«ПРОИСХОЖДЕНИЕ»).....184

Лежнев С. Н.

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА190

Метейко В. В.

СЛЕНГ В ЕГО КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ
Г. ДОНЕЦКА).....197

Наден А. С.

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *ИЗБРАННИК*
И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ
К. Д. БАЛЬМОНТА204

Светличная В. Ю.

ИЗУЧЕНИЕ ТАВТОЛОГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
ЯЗЫКОЗНАНИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ,
КЛАССИФИКАЦИЯ.....212

Соловцова Е. В.

ПРЕДИКАТНО-АКТАНТНАЯ РАМКА
ДИРЕКТИВНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ
ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ ‘ПРИКАЗ’.....223

*Сырова О. В.*УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ДИСКУРСИВНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ229*Решетарова А. М.*ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА
В ЖАНРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ.....237*Рочняк А. В.*СПЕЦИФИКА НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА
«DER WEG» («ПУТЬ») В НЕМЕЦКИХ
НАРОДНЫХ СКАЗКАХ243*Яковенко М. В.*АНГЛИЙСКИЕ ФАМИЛИИ ОТТОПОНИМНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....249

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ255

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS258

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск двенадцатый (тридцать восьмой)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
А. М. Калашникова
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 14.07.2021.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 16,75. Уч.-изд. л. – 14,59.
Усл.-изд. л. – 13,57.
Тираж 300 экз. Зак. № 31.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25